

ISBN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 3(17) | No. 3(17)
СЕНТЯБРЬ | SEPTEMBER 2025

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

---

*Искусство диалога
и доверия*

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-3(17)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения
о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской
Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет
непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из
следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам
исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе
данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте
Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через
сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки
России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»
119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы
для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных
решений в области международного сотрудничества, проведения
совместных исследований и публикации их результатов. К публикации
в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение
материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые
и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных
материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров,
рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики,
культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала
включает темы, отражающие международные и региональные
процессы, политические, экономические, социальные, культурные
аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных
коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2025

© АНО «Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций», 2025

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-3(17)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka". The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2025

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P.Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

АТЛАГИЧ Синиша – доктор философских наук, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Сербия)

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна – доктор политических наук, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева (Кыргызстан)

ИСКАНДАРОВ Косимшо – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан)

КИКНАДЗЕ Тамар – доктор политических наук, профессор, руководитель Департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета (Грузия)

МАРТИНОВИЧ Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, доктор теологии Венского университета (Беларусь)

ПОГОСЯН Геворг Арамович – доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, иностранный член РАН (Армения)

УСАРОВА Феруза Халматовна – кандидат политических наук, и.о. директора Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Sinisha ATLAGIC – DSc (Philos.), Professor, Director of the Center for Russian Studies at the University of Belgrade (Serbia)

Ainur E. JOROBKOVA – DSc (Polit.), Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after J.Balasagyn, Head of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambayev (Kyrgyzstan)

Kosimsho ISKANDAROV – DSc (Hist.), Professor, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

Tamar KIKNADZE – DSc (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Georgian Technical University (Georgia)

Vladimir A. MARTINOVICH – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Apologetics at the Minsk Theological Academy, DSc (Theology) at the University of Vienna (Belarus)

Gevorg A. POGHOSYAN – DSc (Soc.), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Armenia)

Feruzha Kh. USAROVA – CandSc (Polit.), Acting Director of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.	16
От главного редактора	

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Джоробекова А.Э., Изатов У.Х., Канатбеков Э.К., Комлева В.В., Конов М.Д., Рахимов К.К., Ризоён Ш.Ш., Савин И.С., Турсунова Р.Ю.	26
Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии	

Котик А.В.	59
Определение факторов влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг.: Турция, Великобритания, Индия	

Колесниченко Е.А.	79
Россия в системе международного климатического регулирования	

Талантбеков Т.Т., Беляева О.И.	93
Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации на примере Кыргызской Республики	

Бударин Я.С.	110
Конфронтация Запада с Россией как фактор расширения НАТО	

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология

Барахвостов П.А.	122
Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации	

Гореликов Е.С.	143
Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и органов государственного и военного управления	

Макаров Е.Б.	156
Символический капитал Великобритании – кризис, который назрел	

Жуликов С.Е., Жуликова О.В.	171
Оценка достижений государств в сфере искусственного интеллекта в разрезе международных рейтингов	

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО.

Политические институты, процессы и технологии

Комлева В.В.	190
Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты	

Стеняева А.Д.	211
Военно-техническое сотрудничество Китая со странами Магриба	

Костерин А.А.	224
Потенциал прогнозирования военно-политической обстановки в условиях международного конфликта: история и современность	

Нуралиев Н.А.	238
Политические аспекты и особенности миграционных процессов в Кыргызской Республике: современные тенденции и вызовы	

CONTENTS

Naumkin V.V.	16
Editor-in-chief Forword	

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Dzhorobekova A.E., Izatov U.Kh., Kanatbekov E.K., Komleva V.V., Konov M.D., Rakhimov K.K., Rizoyon Sh.Sh., Savin I.S., Tursunova R.Yu.	26
---	-----------

Multifactorial Nature of the Strategic Culture of Central Asian Countries

Kotik A.V.	59
-------------------------	-----------

Non-Regional States' Factors of the Influence on the Foreign Policy of Republic of Kazakhstan in 2014–2024: Turkey, Great Britain and India

Kolesnichenko E.A.	79
---------------------------------	-----------

Russia in the System of International Climate Regulation

Talantbekov T.T., Belyayeva O.I.	93
---	-----------

Methods of Assessing Regional Socio-Economic Differentiation: an Example from the Kyrgyz Republic

Budarin Ya.S.	110
----------------------------	------------

The West's Confrontation with Russia as a Factor in NATO Expansion

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Barakhvostov P.A.	122
--------------------------------	------------

The Formation and Evolution of Japan's Institutional Matrix as a Case of Institutional Hybridization

Gorelikov E.S.	143
-----------------------------	------------

The Mechanism of Expert Interaction Between Civil Society, State and Military Administration

Makarov E.B.	156
---------------------------	------------

The Symbolic Capital of Great Britain – the Crisis that has Matured

Zhulikov S.E., Zhulikova O.V.	171
--	------------

Assessment of the Achievements of States in the Field of Artificial Intelligence in the Context of International Ratings

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Komleva V.V.	190
---------------------------	------------

Modern Political Science in Tajikistan: Methodological Guidelines and Research Priorities

Stenyaeva A.D.	211
-----------------------------	------------

China's Military-Technical Cooperation with the Maghreb Countries

Kosterin A.A.	224
----------------------------	------------

Potential for Forecasting the Military-Political Situation in the Context of International Conflict: History and Modernity

Nuraliev N.A.	238
----------------------------	------------

Political Aspects and Features of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Modern Trends and Challenges

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию новый выпуск нашего издания, содержащий результаты актуальных исследований ведущих российских и международных экспертов в различных научных областях. В представленных материалах анализируется роль Российской Федерации в глобальных процессах, происходящих в различных регионах мира. Мы стремимся предоставить читателю объективную и всестороннюю оценку влияния нашей страны на международные политические, экономические и социальные процессы, опираясь на методологически обоснованные подходы и актуальные данные.

В разделе «Международные, глобальные и региональные процессы» представлены результаты комплексного анализа фундаментальных и прикладных аспектов формирования новой глобальной архитектуры международных отношений, а также динамики развития евразийского континентального пространства.

На основе материалов научных докладов ученых, представленных на зарубежной сессии «Стратегические культуры стран Центральной Азии: факторы формирования», проведенной в рамках IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии», подготовлена статья, акцентирующая внимание на многофакторной природе данного феномена, где участники научной дискуссии рассматривают его в контексте исторических, культурных, политических и социально-экономических детерминант, которые оказывают значительное влияние на формирование и эволюцию стратегических культур в регионе. Участники зарубежной сессии проводят глубокий анализ этих факторов, выявляя их взаимосвязь и влияние на формирование стратегических

EDITOR-IN-CHIEF FORWARD

Dear readers!

We present to your attention the new issue of our publication containing the results of recent research by leading Russian and international experts in various fields of science. The presented materials analyze the role of Russia in global processes occurring in different regions of the world, and we strive to provide readers with an objective and comprehensive assessment of its influence on international political, economic, and social processes based on methodologically correct approaches and current data.

The section "International, Global and Regional Processes" presents the results of a comprehensive analysis of fundamental and applied aspects of the formation of a new global architecture of international relations, as well as the dynamics of development of the Eurasian continental space.

Based on the materials from scientific reports presented by scientists at the international conference "Strategic Cultures of Central Asian Countries: Factors of Formation", which was held as part of the IX International Scientific and Practical Conference "Russia and the World: Strategies – 2025", an article was prepared focusing on the multifaceted nature of this phenomenon. The participants in the discussion considered this phenomenon in the context of historical, cultural, political, and socio-economic factors that significantly impact the formation and development of strategic cultures in Central Asia. Participants conducted an in-depth analysis of these factors and identified their relationship and impact on strategic culture formation in Central Asian

культур стран Центральной Азии. Полученные результаты представляют собой важный ресурс для углубленного понимания современных внешнеполитических стратегий региона, а также для разработки эффективных подходов к их взаимодействию на глобальном уровне.

В статье А.В.Котика представлен сравнительный анализ влияния Турции, Великобритании и Индии на внешнюю политику Казахстана. Особое внимание уделялось выявлению специфических факторов, определяющих эффективность их воздействия. В результате были выделены три ключевых направления сотрудничества, которые оказывают значительное влияние на внешнюю политику Казахстана: экономическое, политико-дипломатическое и стратегия «умной силы». Экономическое сотрудничество с Турцией демонстрирует наиболее значительное влияние на Казахстан, что обусловлено активными инвестициями и торговыми связями между двумя странами. Великобритания, в свою очередь, активно использует инструменты «умной силы», включая культурные и образовательные инициативы, для продвижения своих интересов в регионе. Влияние Индии на Казахстан пока остается ограниченным, но имеет тенденцию к росту, что связано с развитием двусторонних экономических и политических контактов.

Статья Е.А.Колесниченко посвящена комплексному анализу тенденций и результатов климатического регулирования в условиях современной экономической парадигмы. В работе рассматриваются ретроспективные данные, свидетельствующие о возрастающем глобальном интересе к проблемам климатических изменений и интеграции России в международные климатические инициативы. Ключевое значение имеют научные исследования и практические разработки, направленные на модернизацию методологической и информационной базы для оценки и прогнозирования углерододепонирующей способности лесных экосистем. Исследование роли России в глобальном климатическом регулировании выявляет наличие развитой нормативно-правовой базы и системы государственной поддержки климатических инициатив. Это способствует созданию карбоновых полигонов на территории страны и активному участию бизнеса в прибыльных проектах на международных рынках углеродных единиц.

Т.Т.Талантбеков и О.И.Беляева представляют результаты комплексного анализа социально-экономических индикаторов и методологических подходов к оценке региональной социально-

countries. The results obtained are an important resource for a deep understanding of modern foreign policy strategies in the region, as well as for developing effective approaches to their interaction on a global scale.

The article by A.V.Kotik presents a comparative analysis of the influence of Turkey, Great Britain and India on Kazakhstan's foreign policy. Particular attention was paid to identifying specific factors that determine the effectiveness of their impact. As a result, three key areas of cooperation were identified: economic, political, diplomatic and the strategy of "smart power", which have a significant impact on Kazakhstani foreign policy. Economic cooperation with Turkey has the most significant impact due to active investment and trade relations between the countries. Great Britain uses "smart power" tools such as cultural and educational initiatives to promote its interests. India's influence remains limited but is growing, associated with the development of economic and political relations.

The article by E.A.Kolesnichenko is devoted to a comprehensive analysis of trends and results of climate regulation in the context of modern economic paradigm. It examines retrospective data on growing global interest in climate change issues and Russia's engagement in international climate initiatives. Scientific research and practical development aimed at modernizing methodological and informational bases for assessing and predicting carbon sequestration potential in forest ecosystems are of key importance. A study on Russia's role in global climate governance reveals the existence of a well-developed regulatory framework and system of government support for climate actions. This contributes to establishing carbon trading platforms in the country and active participation of companies in profitable projects on international carbon markets.

T.T.Talantbekov and O.I.Belyayeva present the results of a comprehensive analysis of socio-economic indicators and methodological approaches to assessing the regional socio-economic differentiation of the Kyrgyz Republic for 2019–2023. The main problem of the study is the high level of regional socioeconomic differentiation characteristic of Kyrgyzstan. The methodological basis for the research includes systematizing and critically analyzing domestic and foreign scientific literature as well as

экономической дифференциации Кыргызской Республики за период 2019–2023 гг. Центральной проблемой исследования является высокая степень региональной социально-экономической дифференциации, характерная для Кыргызской Республики. Методологическая основа исследования включает систематизацию и критический анализ отечественной и зарубежной научной литературы, а также статистических данных. В рамках работы проводится сравнительная характеристика понятий «региональное неравенство», «региональные диспропорции» и «региональная дифференциация», что позволяет уточнить терминологическую базу исследования. Анализ демонстрирует устойчивый экономический рост Кыргызской Республики в рассматриваемый период, сопровождающийся увеличением среднедушевых доходов и улучшением качества жизни населения. Исследование также выявляет проблемы, связанные с инфляционными процессами и уровнем безработицы, что требует разработки и внедрения эффективных стратегий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны и отдельных регионов.

В данном разделе выделяется дискуссионная статья Я.С.Бударина, в которой предлагается рассмотреть авторский подход к анализу конфронтации между коллективным Западом и Россией, включая роль НАТО как инструмента внешней политики. Автор проводит ретроспективный анализ исторических предпосылок, которые могли способствовать обострению отношений между сторонами. Современная конфронтация между странами коллективного Запада и Россией трансформируется в новый прагматичный формат, который усугубляет социокультурные проблемы в различных регионах мира. НАТО, как ключевой геополитический инструмент коллективного Запада, формирует альтернативные повестки, направленные на сдерживание России. Исследования данного вопроса на сегодняшний день характеризуются ярко выраженной политизированностью, что затрудняет выработку устойчивой стратегии для деэскалации конфликта.

Раздел «Изменяющийся социум» охватывает несколько важных тем, связанных с исследованием институциональных, социальных и экономических процессов в разных странах – проводится глубокий анализ процессов формирования и эволюции институциональной матрицы Японии, рассматриваются механизмы гибридизации институциональных структур, уделяется внимание взаимодействию экспертного сообщества

statistical data. Within the framework of this work, a comparative analysis of the concepts "regional inequality," "regional differences", and "regional diversification" is conducted, which helps to clarify the terms used in the study. Analysis demonstrates sustained economic growth in Kyrgyzstan during the period under study, accompanied by increased per capita income and improved living standards for the population. The study also reveals problems associated with inflation and unemployment, which require the development and implementation of effective strategies to ensure sustainable socio-economic development for the country and its individual regions.

This section highlights the discussion article by Ya.S.Budarin, which proposes to consider the author's approach to analyzing the confrontation between the collective West and Russia, including the role of NATO as a foreign policy instrument. The author conducts a retrospective analysis of historical prerequisites that could contribute to the aggravation of relations between the parties. Modern confrontation between countries of the collective West with Russia is transforming into new pragmatic format, exacerbating socio-cultural problems in different regions of the world. NATO is a key geopolitical tool of the collective west that forms alternative agendas to contain Russia. Today's research on this issue is characterized by strong politicization, complicating development of sustainable strategy to de-escalate conflict.

The section "Changing Society" covers several important topics related to the study of institutional, social and economic processes in different countries. A deep analysis of the processes of formation and evolution of Japan's institutional matrix is conducted. Mechanisms for the hybridization of institutional structures are examined. Attention is paid to the interaction between the expert community of civil society, state and military institutions. Great Britain's symbolic capital is analyzed in light of the current crisis. This is an essential aspect of research, as well as the assessment of various countries' achievements in the field of artificial intelligence based on international rankings.

The aim of P.A.Barakhvostov's research is to understand a Japanese history philosophically, identify its key trends and causes that determine the features of current and future

гражданского общества с государственными и военными институтами, анализируется символический капитал Великобритании в контексте текущего кризиса, который представляет собой важный аспект исследования, а также дается оценка достижений различных государств в сфере искусственного интеллекта на основе международных рейтингов.

Целью исследования П.А.Барахвостова является философское осмысление японской истории, выявление ее ключевых трендов и причин, определяющих особенности современной и, в значительной степени, будущей траектории развития страны. Методологической основой исследования служит институциональный подход, усиленный теорией институциональных матриц, в рамках которой сущностные характеристики общественной системы определяются ее институциональной матрицей, состоящей из базовых институтов альтернативных типов – редистрибутивных и рыночных. Эти институты функционируют в режиме доминантности / комплементарности, регулируя взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы общества: экономическую, политическую и социокультурную. Исследование демонстрирует, что при трансплантации внешних институтов в японскую институциональную среду они адаптировались, приобретая элементы альтернативного типа. Более того, институциональная амбивалентность Японии, характеризующаяся отсутствием выраженного доминирования институтов определенного типа, сохраняется до настоящего времени. Гибридизация институтов, обусловленная спецификой генезиса институциональной матрицы, способствует восприятию институциональных инноваций и обеспечивает устойчивость развития страны. Институциональная матрица Японии представляет собой уникальное сочетание редистрибутивных и рыночных институтов, что является результатом ее исторического развития в условиях фронтальной колонизации и социальной изоляции. Эта гибридная структура обеспечивает стране гибкость и адаптивность, позволяя ей успешно интегрироваться в глобальное сообщество, сохраняя при этом свою культурную идентичность и институциональную устойчивость.

Описанию механизма экспертного взаимодействия между гражданским обществом и военными структурами государства в контексте обеспечения военной безопасности посвящена статья Е.С.Гореликова. Исследование охватывает процессы взаимодействия государственных органов, гражданского общества и военной

trajectories of the country's development to a large extent. The methodological basis for this research is an institutional approach, supported by the theory of institutional matrices. Within this framework, the essential characteristics of a social system are defined by its institutional matrix consisting of basic institutions of two types: redistributive and market-based. These institutions operate in a dominant-complementary mode, regulating interconnected and interdependent subsystems within society: economic, political, and socio-cultural. This study demonstrates that, when external institutions are transplanted into Japan's institutional environment, they adapt, acquiring elements from both types of institutions. Moreover, Japan's institutional ambivalence, characterized by the absence of a pronounced dominance of certain types of institutions, persists to this day. The hybridization of institutions, due to the specific origin of the institutional matrix, promotes the acceptance of institutional innovations and ensures the stability of the country's development. Japan's unique institutional matrix is a combination of redistributive and market-based institutions, resulting from its historical development under conditions of frontier colonization and social isolation. This hybrid structure gives the country flexibility and adaptability, enabling it to successfully integrate into the global community while maintaining its cultural identity and institutional stability.

The article by E.S.Gorelikov is dedicated to the description of the mechanism of expert interaction between civil society and military structures of the state in terms of ensuring military security. It covers the processes of interaction between government agencies, civil society, and the military, as well as the mechanisms for integrating subjects within the expert dialogue framework. The proposed mechanism includes procedures for forming mixed teams of experts and decision makers, distributing powers and responsibilities, and is a complex dynamic system aimed at optimizing management and coordination in the field of national security. Its implementation can contribute to strengthening trust between civil society members and government agencies, increasing public support for special military operations, and stimulating the influx of new knowledge and technology into the military sector. The proposed approach is an important

организации, а также механизмы интеграции субъектов в рамках экспертного диалога. Предлагаемый механизм включает процедуры формирования смешанных коллективов экспертов и лиц, принимающих решения, распределение полномочий и ответственности и представляет собой сложную динамическую систему, ориентированную на оптимизацию процессов управления и координации в сфере национальной безопасности. Его внедрение может способствовать укреплению доверия между гражданским обществом и государственными структурами, повышению общественной поддержки специальной военной операции, а также стимулированию притока новых знаний и технологий в военный сектор. Предлагаемый подход является важным шагом на пути к повышению эффективности системы обеспечения национальной безопасности и укреплению обороноспособности государства.

В фокусе исследования Е.Б.Макарова современные реалии и кризисные тенденции в сфере символического капитала Соединенного Королевства, который тесно связан с его институциональной структурой, престижем и национальной идентичностью. Основываясь на методологическом подходе Пьера Бурдьё, позволяющем концептуализировать символическое пространство как физическое через проекцию распределения различных форм капитала, определяющих социальную структуру, мы оказываемся в контексте, где символический капитал обладает способностью формировать устойчивый образ формализованного социального сообщества – нации или государства, воспринимаемого как наиболее привлекательный для многих. Великобритания, используя это преимущество, активно формирует и поддерживает образ своих фундаментальных институтов, таких как монархия, парламент, Англиканская церковь, Содружество, система образования и культурное наследие (Британский музей), как наиболее престижных проявлений культурного и общественного развития. Основная гипотеза заключается в том, что за «фасадом символической Великобритании» скрываются глубокие социально-экономические и духовные кризисы. Статья позволяет глубже понять механизмы функционирования символического капитала в контексте современных социальных и политических процессов, а также выявить ключевые тенденции, определяющие будущее развитие Соединенного Королевства.

Исследование С.Е.Жуликова и О.В.Жуликовой позволяет выявить ключевые тенденции и вызовы,

step towards increasing the effectiveness of the national security system and strengthening the defense capabilities of the state.

The focus of E.B.Makarov's research is on current realities and crisis trends in the symbolic capital of the United Kingdom, which are closely linked to its institutional structure, prestige, and national identity. Based on Pierre Bourdieu's methodological approach, which conceptualizes symbolic space as a physical space through the projection of the distribution of different forms of capital that define social structure, we find ourselves in a context where symbolic capital can form a stable image of formalized social communities (nations or states) perceived as attractive by many. Great Britain uses this advantage to actively form and maintain the image of its most prestigious institutions, such as the monarchy, parliament, the Anglican church, the commonwealth, education system, and cultural heritage, including the British Museum, as manifestations of cultural and social development. The main hypothesis is that there are deep socio-economic and spiritual crises behind the "façade of symbolic Great Britain". The article allows for a deeper understanding of the mechanisms of functioning of symbolic capital in the context of modern social and political processes, as well as to identify key trends that determine the future development of the United Kingdom.

The study by S.E.Zhulikov and O.V.Zhulikova allows us to identify key trends and challenges associated with the development of artificial intelligence and justify the importance of a systematic approach to integrating advanced technologies into the global economy. The article assesses the evolution of AI in Russia, the countries of the Eurasian Economic Union, and the global context with an emphasis on international cooperation and leading countries' rating indicators in this area. It also considers the role of AI as a strategic driver for economic growth and innovation, as well as the significance of forming global platforms and strategies. The methodological part of the study is based on an integrated approach to assessing the potential of AI, using data from international rankings such as the Global AI Index and the Stanford AI Index Report 2024, as well as the PwC's Global Artificial Intelligence Study. These sources allow us to evaluate countries on a range of criteria, including infrastructure

связанные с развитием искусственного интеллекта, и обосновать важность системного подхода к интеграции передовых технологий в глобальную экономику. Статья представляет собой оценку эволюции ИИ в России, странах Евразийского экономического союза и мировом контексте, с акцентом на международное сотрудничество и рейтинговые показатели ведущих государств в данной сфере. Рассматривается роль ИИ как стратегического драйвера экономического роста и инновационного прогресса, а также значимость формирования глобальных платформ и стратегий. Методологическая часть исследования основывается на комплексном подходе к оценке потенциала ИИ, базирующемся на данных международных рейтингов, таких как Global AI Index, Stanford AI Index Report 2024 и PwC's Global Artificial Intelligence Study, которые позволяют оценить страны по широкому спектру параметров: уровень развития инфраструктуры, наличие и эффективность государственных программ, инвестиций в научные исследования и разработки, анализ кадрового потенциала, заканчивая коммерческими стратегиями. Россия, как и многие страны СНГ, несмотря на сильные позиции в государственном финансировании и правовой поддержке ИИ, отстает по уровню развития кадровых ресурсов и инфраструктуры, что подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования цифровых технологий и укрепления международного сотрудничества для обеспечения устойчивого социально-экономического прогресса.

Раздел «Власть, политика, государство» представляет интерес для специалистов в области политологии, военной науки и миграционных исследований. Он предлагает комплексный взгляд на различные аспекты международных и внутренних процессов, их взаимосвязь и влияние на глобальную и региональную стабильность.

Статья В.В.Комлевой представляет собой фундаментальное исследование становления и эволюции современной политической науки Таджикистана, акцентируя внимание на методологических подходах, исследовательских приоритетах и научных ориентирах таджикских ученых. В результате исследования были выявлены ключевые темы, доминирующие в таджикской политической науке: государственность, национальная идентичность, вопросы безопасности, роль исламского фактора и специфика политической культуры. В Таджикистане начал формироваться собственный научный дискурс в области политической науки, основанный на деятельности отечественных исследовательских коллективов,

development, government programs, investment in research and development, human resources, and commercial strategies. Despite its strong public funding and legal support for AI, Russia, like other CIS countries, lags behind in terms of human resources and infrastructure, highlighting the need for further improvement in digital technologies and strengthening international cooperation to promote sustainable socio-economic development.

The section "Power, Politics, State" is of interest to specialists in political science, military science and migration studies. It offers a comprehensive view of various aspects of international and domestic processes, their interrelation and impact on global and regional stability.

The article by V.V.Komleva is a fundamental study on the formation and development of modern political science in Tajikistan. It focuses on methodological approaches, research priorities and scientific guidelines for Tajik scholars. As a result, key themes in Tajik political studies have been identified, including statehood, national identity, security issues, the role of Islam, and the specifics of political culture. Tajikistan has begun to develop its own discourse in political sciences based on domestic research groups, academic institutions and university departments. The methodological features of Tajik research include a focus on historical-genetic approaches and a securitization of the problem area. The author emphasizes the importance of increased scientific cooperation between Russia and Tajikistan, expanding mobility programs and implementing joint projects.

A.D.Stenyaeva examines China's interaction with Maghreb states in the field of defense and security. This aspect is interesting from a geopolitical point of view and China's influence on regional processes in Africa. The historical and current trends of cooperation, its forms, and effects on regional stability are analyzed. In the past two decades, China has significantly increased its presence in the military-technical field of these states, making it necessary to study the reasons, conditions, trends, and prospects for this interaction. Special attention is paid to analyzing factors contributing to military cooperation between China and Maghreb countries, as well as strategic aspects. Based on this analysis, it can be concluded that military-technical cooperation

академических институтов и университетских кафедр. Методологические особенности таджикских исследований характеризуются преобладанием историко-генетического подхода и секьюритизацией проблемного поля. Автор подчеркивает значимость расширения научных контактов между Россией и Таджикистаном, увеличения программ научной мобильности и реализации совместных научных проектов.

А.Д.Стеняев рассматривает взаимодействие Китая с государствами Магриба в сфере обороны и безопасности. Данный аспект интересен с точки зрения геополитики и влияния Китая на региональные процессы в Африке. Анализируются исторические и современные тенденции сотрудничества, его формы и последствия для региональной стабильности. В последние два десятилетия Китай значительно расширил свое присутствие в военно-технической сфере этих государств, что актуализирует необходимость исследования причин, условий, направлений, тенденций и перспектив данного взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу факторов, способствующих развитию военного сотрудничества между Китаем и странами Магриба, а также его стратегическим аспектам. На основании проведенного анализа можно констатировать, что исследуемое военно-техническое сотрудничество обусловлено стратегическими интересами КНР в регионе. Укрепление военно-технического сотрудничества в сочетании с растущими торговыми и энергетическими связями свидетельствует о сближении между странами Магриба и Китаем, что способствует созданию более стабильной и безопасной региональной архитектуры.

Статья А.А.Костерина освещает методы и подходы к прогнозированию военно-политических событий в условиях международных конфликтов. Рассматриваются исторические примеры и современные технологии анализа, включая политические, экономические и военные факторы, уделяется внимание выявлению явных и латентных процессов, способствующих фрагментации прогнозного фона, и определению наиболее релевантных методологических подходов к прогнозированию динамики международных конфликтов в контексте социальных отношений. Исследование опирается на междисциплинарный синтез, включающий критический анализ существующих теорий международных отношений, социологических концепций конфликта и политологических моделей прогнозирования, что позволяет интегрировать знания из различных областей науки для более глубокого

is due to PRC strategic interests in the region. Strengthening military-technical cooperation, combined with growing trade and energy ties, indicates a rapprochement between Maghreb countries and China. This contributes to the creation of a more stable and secure regional architecture.

The article by A.A.Kosterin covers methods and approaches to forecasting military-political events in the context of international conflicts. Historical examples and modern technologies of analysis are considered, including political, economic and military factors. Attention is paid to identifying explicit and latent processes that contribute to the fragmentation of the forecast background and determining the most relevant methodological approaches to forecasting the dynamics of international conflicts in the context of social relations. The study is based on an interdisciplinary synthesis, including critical analysis of existing theories of international relations, sociological concepts of conflict, and political science forecasting models. This allows integrating knowledge from various fields of science to gain a deeper understanding of the nature and dynamics of international conflicts.

The importance of understanding migration processes and developing effective strategies to manage them in the Kyrgyz Republic is emphasized in N.A.Nuraliev's article. Socio-economic, political, and cultural aspects of migration flows are analyzed, as well as their consequences for the country's foreign policy. Key challenges include the outflow of working population, increased social tension, demographic structure transformation, and political sentiment. Based on statistical data analysis and expert assessments, recommendations for improving Kyrgyzstan's migration policy are proposed, taking into account national interests and regional specifics, as well as the need to strengthen political stability and inter-ethnic harmony.

Within our scientific activities, we continue to publish the results of interdisciplinary research. This approach allows us to integrate cutting-edge scientific achievements and methodological approaches, which contributes to expanding the boundaries of scientific knowledge and strengthening scientific dialogue between different scientific communities.

We strive to ensure that our publica-

tions not only reflect current trends in the scientific field, but also serve as a platform for the exchange of innovative ideas and concepts, promoting the development of interdisciplinary research and scientific innovation. We invite you and your colleagues to share the results of such research on the pages of our journal.

Важность понимания миграционных процессов для разработки эффективных стратегий управления ими в Республике Кыргызстан подчеркивается в статье Н.А.Нуралиева. Анализируются социально-экономические, политические и культурные аспекты миграционных потоков, их последствия для страны и ее внешней политики. Выявлены ключевые вызовы, включая отток трудоспособного населения, рост социальной напряженности, трансформацию демографической структуры и политических настроений. На основании анализа статистических данных и экспертных оценок предложены рекомендации по совершенствованию миграционной политики Кыргызстана, учитывающие национальные интересы, региональную специфику и необходимость укрепления политической стабильности и межэтнического согласия.

В рамках нашей научной деятельности мы продолжаем публиковать результаты междисциплинарных исследований. Такой подход позволяет нам интегрировать передовые научные достижения и методологические подходы, что способствует расширению границ научного знания и укреплению научного диалога между различными научными сообществами.

Мы стремимся к тому, чтобы наши публикации не только отражали актуальные тенденции в научной сфере, но и служили платформой для обмена инновационными идеями и концепциями, способствуя развитию междисциплинарных исследований и научных инноваций. Приглашаем вас и ваших коллег поделиться результатами таких исследований на страницах нашего журнала.

С искренним уважением к нашим читателям
и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

Yours sincerely,
Full member of the Russian Academy
of Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global
and Regional Studies

...Роль России, Китая и США в трансформации стратегической культуры стран Центральной Азии не ограничивается военными или экономическими инструментами. Это влияние носит глубокий цивилизационный и институциональный характер, отражаясь в выборах союзов, проявляясь в вопросах и модели политической субъективности.

**Джоробекова А.Э., Изатов У.Х., Канатбеков Э.К., Комлева В.В., Конов М.Д., Рахимов К.К.,
Ризоён Ш.Ш., Савин И.С., Турсунова Р.Ю.**

Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии

...Влияние внерегиональных государств «второго ряда» на внешнюю политику Казахстана является разным: в случае с Турцией можно говорить об успешном влиянии методов «умной силы» на взаимоотношения с Казахстаном; в то время как индийское влияние является относительно новым в ЦА и значительно уступает турецкому и британскому.

Котик А.В.

Определение факторов влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг.: Турция, Великобритания, Индия

Анализ тенденций развития обязательных и добровольных углеродных рынков демонстрирует перспективность реализации лесных климатических проектов как в международном аспекте, так и в России с учетом нарождающихся новых возможностей в сфере обращения высококачественных углеродных единиц.

Колесниченко Е.А.

Россия в системе международного климатического регулирования

...Кыргызстан служит примером анализа сложного ландшафта социально-экономических диспропорций, которые усиливаются во многом из-за географических, исторических и экономических условий, что приводит к несбалансированности показателей как на сельских, так и урбанизированных территориях.

Талантбеков Т.Т., Беяева О.И.

Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации на примере Кыргызской Республики

...Конфронтация между Западом и Россией является следствием череды исторических событий, которые постепенно усугубляли существующие недопонимания.

Бударин Я.С.

Конфронтация Запада с Россией как фактор расширения НАТО

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии

Айнур Эшимбековна Джоробекова^{1,2a}, Умеджон
Хуршедович Изатов^{3b}, Эдиль Канатбекович
Канатбеков^{4c}, Валентина Вячеславовна Комлева^{5,6d},
Михаил Дмитриевич Конов^{7e}, Кубатбек Калыевич
Рахимов^{8f}, Шерали Шукруллозода Ризоён^{9g},
Игорь Сергеевич Савин^{10h}, Ранохон Юсупжановна
Турсунова¹¹ⁱ

¹ Дипломатическая академия МИД Кыргызской Республики имени
К.Дикамбаева, Бишкек, Кыргызстан

² Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан

³ Кулябский государственный университет имени А.Рудаки, Куляб,
Таджикистан

⁴ Бишкекский государственный университет имени К.Карасаева,
Бишкек, Кыргызстан

⁵ Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

⁶ Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

^{7,10} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

⁸ Общественный фонд «Аппликата – центр стратегических решений»,
Бишкек, Кыргызстан

⁹ Независимый эксперт, Душанбе, Таджикистан

¹¹ Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент,
Узбекистан

^a donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

^b izatov.u@mail.ru

^c kanatbekovich.edil@gmail.com

^d komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^e konov_mihail@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>

^f kubat.rakhimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>

^g sherali.rizoyon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>

^h savigsa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

ⁱ turrena72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу стратегической культуры стран Центральной Азии; акцентируется внимание на ее многофакторной природе. В рамках исследования рассматриваются исторические, культурные, политические и социально-экономические детерминанты, которые оказывают влияние на формирование и эволюцию стратегической культуры в регионе. Центральная Азия имеет долгую и сложную историю, включая периоды завоеваний, колониализма и независимости. Эти исторические события оказали значительное влияние на формирование национальных идентичностей и стратегических приоритетов. Страны Центральной Азии расположены на пересечении важных торговых маршрутов и имеют стратегическое значение для региональных и глобальных игроков, что определяет их интерес к обеспечению стабильности и безопасности в регионе. Экономическое развитие, социальные процессы и политические системы также влияют на стратегическую культуру. Традиционные ценности, религия и культурные нормы также играют важную роль в формировании стратегических культур. Центральная Азия находится под влиянием различных внешних факторов, включая политику соседних государств, деятельность международных организаций и глобальные тенденции. Авторы выявляют ключевые факторы, определяющие специфику стратегического мышления и поведения государств Центральной Азии в контексте международных отношений. Полученные результаты представляют собой ценный ресурс для углубленного понимания современных внешнеполитических стратегий стран региона, а также для разработки эффективных подходов к их взаимодействию на глобальном уровне.

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов ученых, представленных на зарубежной сессии «Стратегические культуры стран Центральной Азии: факторы формирования», проведенной в рамках IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии».

Ключевые слова: стратегическая культура, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, развитие региона, история, религия, культура, идентичность, интеграционные процессы

Для цитирования: Джоробекова А.Э., Изатов У.Х., Канатбеков Э.К., Комлева В.В., Конов М.Д., Рахимов К.К., Ризоён Ш.Ш., Савин И.С., Турсунова Р.Ю. Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 26-58, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Multifactorial Nature of the Strategic Culture of Central Asian Countries

Ainur E. Dzhorobekova^{1,2a}, Umedjon Kh. Izatov^{3b}, Edil K. Kanatbekov^{4c}, Valentina V. Komleva^{5,6d}, Mikhail D. Konov^{7e}, Kubatbek K. Rakhimov^{8f}, Sherali Sh. Rizoyon^{9g}, Igor S. Savin^{10h}, Ranoxon Yu. Tursunova¹¹ⁱ

¹ Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic named after K.Dikambaev, Bishkek, Kyrgyzstan

² Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

³ Kulyab State University named after A.Rudaki, Kulyab, Tajikistan

⁴ Bishkek State University named after K.Karasaev, Bishkek, Kyrgyzstan

⁵ National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

⁶ Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

^{7,10} Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

⁸ Public Foundation "Application – Center for Strategic Solutions", Bishkek, Kyrgyzstan

⁹ Independent expert, Dushanbe, Tajikistan

¹¹ University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

^a donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

^b izatov.u@mail.ru

^c kanatbekovich.edil@gmail.com

^d komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^e konov_mihail@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>

^f kubat.rakhimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>

^g sherali.rizoyon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>

^h savigsa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

ⁱ turrena72@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the strategic culture of the Central Asian countries, focusing on its multifactorial nature. The study examines the historical, cultural, political, and socio-economic determinants that influence the formation and evolution of strategic culture in the region. Central Asia has a long

and complex history, including periods of conquest, colonialism, and independence. These historical events had a significant impact on the formation of national identities and strategic priorities. The Central Asian countries are located at the intersection of important trade routes and have strategic importance for regional and global players. This determines their interest in ensuring stability and security in the region, as well as economic development, social processes and political systems. Traditional values, religion and cultural norms play an important role in shaping the strategic culture of Central Asia. The region is influenced by external factors such as the policies of neighboring states, the activities of international organizations and global trends. These factors determine the specifics of strategic thinking and behavior in international relations of Central Asian states. The results obtained represent a valuable resource for in-depth understanding of the modern foreign policy strategies of countries in the region, as well as for developing effective approaches to their interaction at the global level. The article is based on materials from scientific reports presented by scientists at the international conference "Strategic cultures of Central Asian countries: factors of formation" held within the IX International Scientific and Practical Conference "Russia and the world: Dialogues – 2025: Strategies".

Keywords: strategic culture, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, regional development, history, religion, culture, identity, integration processes

For citation: Dzhorobekova A.E., Izatov U.Kh., Kanatbekov E.K., Komleva V.V., Konov M.D., Rakhimov K.K., Rizoyon Sh.Sh., Savin I.S., Tursunova R.Yu. Multifactorial Nature of the Strategic Culture of Central Asian Countries. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. No. 3(17): 26-58, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Введение

Стратегическая культура – это совокупность представлений о безопасности, внешней политике и военных действиях, которые формируются под влиянием исторических, культурных, социально-экономических и геополитических факторов. По определению академика РАН А.А.Кокошина, «стратегическая культура (СК) выражается в особом, присущем данной стране и ее народу характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы. СК представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений»¹. Эта емкая формула в наиболее полной мере отражает особенности СК. Вместе с тем в последние годы содержательное наполнение данного понятия расширяется.

В странах Центральной Азии (ЦА) стратегическая культура имеет свои особенности, которые определяются их историческим наследием, внутривосточной ситуацией, геополитическим положением и внешними влияниями. Страны ЦА обладают многослойной историей, которая оказала существенное воздействие на формирование их стратегических культур.

¹ Стратегическая культура как инструмент военно-политического анализа // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/strategicheskaya-kultura-kak-instrument-voenno-politicheskogo-analiza/>.

Влияние кочевых цивилизаций и великих империй, таких как Золотая Орда и Тимуридская империя, сыграло ключевую роль в концептуализации роли силы и военных операций в международных отношениях. Модель государственного управления всеми государственными образованиями в нашем регионе (и за его пределами) до 1920 г. основывалась на структуре диванов, т.е. министерств (в том числе МИД, фискальных органов, разведки и контрразведки и др.), которые Саманиды усовершенствовали. Эти исторические периоды не только заложили основы геополитического мышления, но и сформировали устойчивые модели поведения в условиях межгосударственного взаимодействия. По мнению Т.Т.Сырдыбаева, процесс взаимобмена стратегическими культурами может осуществляться посредством религиозных синкретизмов, а также через различные формы социального и культурного взаимодействия. В результате происходит формирование новых факторов, идентичностей и направлений культурного развития, которые оказывают значительное влияние на социокультурный ландшафт региона.

Центральная Азия исторически «обречена» быть мостом-диалогом дружбы между Западом и Востоком, Севером и Югом. Несомненно, исламский фактор является объединяющим для стран ЦА – тот традиционный ислам, который исповедовали народы региона на протяжении веков. Понимание стратегической культуры стран Центральной Азии необходимо для разработки эффективной политики взаимодействия как внутри региона, так и за его пределами. Учет особенностей стратегического мышления политических элит, культурных и исторических факторов позволит более точно прогнозировать перспективы развития и позиционирования стран Центральной Азии на международной арене и находить оптимальные пути сотрудничества.

Сформированы ли стратегические культуры стран Центральной Азии? Как они проявляются во внешней политике? Что общего и особенного в стратегических культурах стран ЦА? Как взаимосвязаны ценности, национальная идентичность, менталитет народа с внешней политикой государства? Как трансформировалась прежняя советская культура внешнеполитического мышления? Интегрируются ли в стратегические культуры стран ЦА подходы Китая, Индии, ближневосточных, западных стран, распространяющиеся в ходе глобализации и межкультурных обменов? Эти и другие вопросы стали предметом обсуждения авторов данной статьи.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов ученых, представленных на зарубежной сессии «Стратегические культуры стран Центральной Азии: факторы формирования»², проведенной в городе Бишкеке в

² Зарубежная сессия IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии» в Кыргызстане // НИИРК. URL: <https://nicrus.ru/events/zarubezhnaya-sessiya-xi-mejdunarodnoy-nauy/>.

апреле 2025 г. в рамках IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии». Организаторами зарубежной сессии стали Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК, Россия) и Центр российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан). Авторы материалов использовали методы исторического анализа, экстраполяции, сравнения, обобщения.

Результаты исследований

Стратегическая культура как основа регионального сотрудничества (Джоробекова А.Э.)

Выработка стратегического видения и его реализация представляют собой сложный и многоэтапный процесс, в результате которого постепенно формируется стратегическая культура. Эксперты определяют стратегическую культуру как интегрированную систему символов (язык, аналогии, метафоры), которые определяют стратегические предпочтения общества, отраженные в основных принципах концепции национальной безопасности. Исходя из своих национальных интересов государства ведут соответствующую внутреннюю и внешнюю политику, определяющую их поведение на международной арене.

Концепция стратегической культуры объясняет поведение государств на международной арене с помощью широкого набора факторов, формирующих культуру (география, история, национальный характер, идеология, культура элиты и т.д.), то есть это довольно сложный конструкт.

Стратегическая культура не определяет, как именно акторы будут взаимодействовать с другими участниками в сфере безопасности, однако помогает сформировать общую картину этого взаимодействия. Концепция стратегической культуры помогает выстроить модель поведения в таких областях, как использование силовых и несиловых методов в международной политике, чувствительность к вызовам, исходящим извне, а также при формулировании самой стратегической доктрины.

Что касается стратегических культур стран Центральной Азии, то каждое государство выделяет наиболее актуальные и приоритетные аспекты своего дальнейшего политического, экономического, социального, культурного и иного развития. Исходя из этого формируется перечень задач, которые необходимо продвигать как на республиканском, так и на региональном уровне. Несмотря на отсутствие общей стратегической культуры в странах нашего региона, все же некие ростки ее уже заметны. Они выражаются в координации внутри- и внешнеполитических усилий, направленных на обеспечение стратегических интересов региона. Ярким примером внутрирегионального взаимодействия являются Консультативные встречи глав государств Центральной Азии.

Важнейшим шагом на пути построения прочного внутрирегионального партнерства стал мартовский саммит лидеров Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, который стал результатом многолетней кропотливой работы по решению пограничных вопросов.

Вопросы использования трансграничных рек, водоемов, вопросы обеспечения продовольственной безопасности, тесно связанные с обеспечением водными ресурсами и землей, на сегодняшний день занимают верхнюю строчку в приоритетах всех государств Центральной Азии. Как известно, именно эти вопросы явились «яблоком раздора» между Кыргызстаном и Таджикистаном, приведшим к двум военным конфликтам, а также нередко осложнявшим взаимоотношения между всеми тремя государствами, граничащими друг с другом в Ферганской долине.

Стратегическая культура также рассматривает культурные факторы, влияющие на стратегию государства в области безопасности и обороны. В этом отношении наши страны имеют немало общего, поскольку многовековой процесс межкультурного диалога привел к синтезу культур и сформировал общее культурно-историческое поле.

Мы, как соседи (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), должны понимать это и сообща выстраивать общую стратегическую культуру, которая бы могла более эффективно решать насущные вопросы государственного развития через общерегиональные диалоговые площадки принятия решений.

Одним из важных шагов, стоящих на пути региональной кооперации, является подписание в августе 2024 г. в Астане Концепции развития регионального сотрудничества «Центральная Азия – 2040». Эта и другие инициативы в рамках региона способны сблизить региональное партнерство и привести в дальнейшем к выработке общей стратегической культуры региона.

В этом плане наш круглый стол, посвященный стратегическим культурам Центральной Азии, призван дать толчок этому процессу.

Стратегическая культура: к вопросу о трактовке понятия (Комлева В.В.)

Стратегическая культура является одной из важнейших детерминант национального внешнеполитического курса. Она отображает не только внешнеполитическую традицию государства, но и историко-культурную основу осознания государством и народом своего места в мировой системе. Стратегическая культура интегрирует национальные ценности, ментальные, традиционные установки, убеждения нации во внешней политике, понимание «своих» и «чужих», «союзников» и «врагов». Поэтому знание факторов формирования стратегических культур, понимание особенностей ее проявления – условие успешных внешнеполитических коммуникаций.

Стратегическая культура формируется как результат осмысления успешных и неуспешных практик взаимодействия с другими странами и народами и определяет способы реагирования на угрозы национальной безопасности. Она проявляется во внешнеполитическом поведении, в решении вопросов войны и мира, и оформляется, как правило, в доктринальных документах государства.

Комплексный анализ внешней политики государств (проявляющих по отношению к России как дружественные, так и враждебные намерения) за последние годы демонстрирует актуализацию внешнеполитических культурных кодов, исторически сложившихся и закреплённых не только в общественном сознании, но и в коллективном бессознательном. Одним из ключевых вопросов остается и вопрос об установках, которыми руководствуются главы государств при выборе внешнеполитического курса. Это приводит к усложнению геополитических взаимодействий и требует более глубокого понимания культурных и идеологических факторов, влияющих на формирование внешней политики.

Специфика стратегических культур стран Центральной Азии обусловлена тем, что народы, проживающие в данном географическом и геополитическом пространстве, имеют многовековую историю. Но современные страны обрели свою государственность чуть более 30 лет назад. Как формировались их стратегические культуры? И сформированы ли они вообще? Этот вопрос требует глубокого научно-практического осмысления.

Влияние политической культуры на формирование внешнеполитических стратегий государств Центральной Азии (Канатбеков Э.К.)

Политическая культура – это совокупность ценностей, норм, представлений и моделей поведения, которые оказывают фундаментальное влияние на то, как государство воспринимает себя на международной арене и в международной системе, в целом; как страны выделяют свои интересы и каким образом реагируют на внешние вызовы и угрозы. Мы можем с уверенностью говорить о том, что политические культуры государств Центральной Азии во многом схожи между собой, что обусловлено общим историко-культурным прошлым, включая советское наследие и полуавторитарным характером большинства политических режимов центральноазиатских государств. Эта общность проявляется в патримониальных практиках власти, доминировании личностного фактора в политике, слабости институтов гражданского общества, ограниченности политического плюрализма и ориентированности на «сильную руку». Такие особенности политической культуры способствуют формированию политических стратегий направленных, с одной стороны на обеспечение режима безопасности и стабильности, с другой, – на балансирование между внешними центрами сил. В результате этого, государства ЦА нередко демонстрируют прагматичный и адаптивный подход к внешней политике, стремясь к многовекторности, при этом избегают жесткой зависимости от какого-

либо одного партнера. Тем самым политическая культура оказывает влияние на характер внешнеполитического дискурса.

Официальная риторика нередко апеллирует к таким категориям, как суверенитет, национальная независимость, стабильность и безопасность, что отражает внутренние установки политической элиты и ее стремление сохранить контроль над обществом. Эти установки формируют основу для восприятия внешнего мира как потенциального источника рисков, но одновременно и возможность для укрепления легитимности режима путем привлечения инвестиций, международной поддержки и признания.

Говоря о факторах политической культуры, которые влияют на формирование внешнеполитических стратегий государств ЦА, важнейшим фактором в данном регионе является наследие советского периода, оставившее глубокий след в политико-административной системе стран ЦА. Сформированные в этот период институты власти с их ярко выраженной вертикалью и централизацией управления были адаптированы к новым условиям с момента обретения странами независимости, но сохранили свою базовую архитектуру. Это наследие, по его словам, продолжает влиять на стратегическое мышление политэлит на современном этапе, где такие категории как безопасность, суверенитет, территориальная целостность занимают центральное место во внешней политике.

Например, Казахстан, сохранив основные элементы советской административной системы, последовательно проводит политику управляемой модернизации. Принятая в 1995 г. Конституция закрепила сильную президентскую вертикаль, что позволило первому президенту выстроить сбалансированную внешнюю политику. Казахстан стал первой страной региона, подписавшей соглашение о расширенном сотрудничестве с европейскими государствами, республика активно участвует в миротворческих организациях, инициативах ООН, одновременно поддерживая тесные связи с Россией, Китаем (через ОДКБ и ШОС) и западными государствами (через ЕС).

Не менее показательным примером является Таджикистан, где после завершения гражданской войны в 1997 г. была выстроена жесткая централизованная модель управления, а президент стал символом стабильности. Эта внутренняя конфигурация напрямую повлияла на внешнюю политику государства: Душанбе поддерживает тесные связи с Россией, включая военное присутствие, активно взаимодействует с Китаем (имею в виду инвестиционную политику), развивает культурные связи с Ираном, но при этом проявляет крайнюю осторожность в вопросах внутренней политики и политических реформ.

Вторым фактором отметим своеобразный синтез традиционных форм легитимности и современных государственных практик.

Кыргызстан активно развивает институты гражданского общества, парламентской культуры, в то время как в других государствах ЦА акцент делается на преемственность власти и управляемую модернизацию. Эти различия находят прямое отражение в подходах внешнеполитических стратегий – от открытой

многовекторности до осторожного баланса между ключевыми внешними игроками. Кроме того, в регионе сохраняется важность таких элементов культуры, как уважение к старшим, личная лояльность, клановые и семейные связи. Все это продолжает влиять как на внутреннюю политику, так и на восприятие внешнеполитических партнеров.

Яркой иллюстрацией трансформации политической культуры является Узбекистан, где после смены власти в 2016 г., когда президентом стал Шавкат Мирзиёев, внешняя политика была активно переориентирована в русло региональной открытости. Были урегулированы многолетние пограничные вопросы с Кыргызстаном, восстановлены нормальные дипломатические отношения с Таджикистаном, включая решение сложных вопросов водопользования. Эта трансформация отражает постепенное изменение политической культуры узбекской элиты, где прагматизм начинает преобладать над идеологическими ограничениями.

Интересен и пример Туркменистана, где сохраняется одна из самых закрытых политических систем в регионе с выраженным культом личности. Однако при новом президенте наметились осторожные изменения, которые мы замечаем на современном этапе: Ашхабад начал активнее участвовать в международных форумах, особенно по вопросам каспийского сотрудничества и транспортной логистики, что свидетельствует о прагматизме Туркменистана.

Третьим фактором обозначим ментальный образ геополитического окружения.

Политические элиты и общества России, Китая, Турции, Запада, исламского мира – это не просто партнеры, а носители различных моделей развития, поэтому внешняя политика в регионе – это не только про торговлю или безопасность, но и про выбор символических ориентиров.

Многовекторность стала характерной чертой внешней политики практически всех государств Центральноазиатского региона. Данная стратегия предполагает поддержание баланса отношений с различными центрами силы – Россией, Китаем, Западом и исламским миром. И Кыргызстан демонстрирует уникальную способность участвовать в различных интеграционных проектах и инициативах. Республика является активным членом ЕАЭС, ОДКБ, где ключевую роль играет Россия; одновременно развивается сотрудничество с Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь»; при этом мы получили финансовую помощь от Евросоюза и гуманитарную поддержку Турции.

Казахстан развивает еще более сложную многовекторную стратегию: поддерживает тесные отношения с США в сфере безопасности, с Китаем – в сфере экономики, с ЕС – в вопросах модернизации «зеленой» энергетики, активно участвует в Брюссельском диалоге ЕС и Центральной Азии по развитию цифровой дипломатии, инициативе в области возобновляемой энергетики. Все это отражает сложную систему внешнеполитических приоритетов, сформированных под влиянием политической культуры.

Четвертый фактор – самое важное, что сохраняется в государствах ЦА, это роль лидеров в формировании внешнеполитической повестки. Исторически

сложилось так, что первые лица государства играют ключевую роль в определении внешнеполитического курса, что делает внешнюю политику менее институционализированной и более зависимой от личных решений лидеров.

Пример Туркменистана особенно показателен – после передачи власти первого президента второму, в 2022 г., несмотря на декларируемую преемственность, наметились определенные изменения во внешней политике. Как отмечалось выше, Ашхабад все активнее участвует в мероприятиях, которые проводятся странами СНГ, ЦА и по каспийской тематике.

Если же говорить об Узбекистане, то лидерство Шавката Мирзиёева, пришедшего к власти в 2016 г., стало катализатором внешнеполитической трансформации страны. Его личные связи, визиты в Афганистан, Таджикистан и Китай, инициатива проведения международной конференции по вопросам Афганистана в Ташкенте в 2022 г. – элементы новой политики регионального вовлечения. Узбекистан позиционирует себя как активный посредник и интегратор. Однако параллельно важно отметить, что с традиционным персонализмом в регионе набирают силу новые тенденции – молодое поколение получает образование за рубежом, оно вовлечено в глобальные культурные процессы через цифровые платформы и начинает формировать альтернативные ценности уже на современном этапе. Это создает потенциал для постепенной трансформации политической культуры в сторону большей открытости с акцентом на права человека и институциональную подотчетность.

Подводя итоги сказанного, подчеркнем, что для международных партнеров, включая наших близких соседей – Китай и Россию, понимание этой культурной матрицы является необходимым условием выстраивания эффективного диалога и устойчивого сотрудничества с государствами ЦА. Будущее региона будет определяться тем, насколько успешно страны найдут баланс между устойчивостью традиционных институтов и адаптацией к новым глобальным реалиям. В этом процессе политическая культура остается ключевым фактором, формирующим уникальный центральноазиатский путь развития.

Потенциальные сценарии дальнейшей евразийской интеграции (Рахимов К.К.)

С авторской точки зрения, могут быть рассмотрены три сценария развития отношений в рамках Евразийской интеграции³ в узком нарративе – в отношении ЕАЭС. Тот, который не состоялся, – революционный сценарий; тот, которому мы следуем, – эволюционный, и третий сценарий, который возможен, по сути, как продолжение эволюционного, – это инволюционный [7].

Революционный сценарий – это то, что было 13 лет назад, то, что упущено, это проект единого экономического пространства, где четыре страны должны были

³ ЕАЭС – Quo vadis? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 09.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-quo-vadis/>.

выступить истинным локомотивом евразийской интеграции: Россия, Украина, Казахстан, Беларусь. Этот проект обсуждался на уровне рабочих групп, были определенные интересные результаты, которые показывали, что не все было так плохо и потеряно с точки зрения той же реиндустриализации, построения на совершенно новой основе кооперационных цепочек, развития авиационных и ракетных технологий, формирования мощного картеля, связанного с зерновой политикой (благодаря чему Россия, Украина и Казахстан по зерновым и масляничным культурам могли бы стать монополистами на мировом рынке). История не имеет сослагательного наклонения – революционный сценарий «не случился». Низвергшийся процесс распада СССР мы продолжаем наблюдать воочию. Возможно, все было бы по-другому, если бы мы смогли найти правильные акценты, политическую волю, ресурсы для того, чтобы революционный сценарий состоялся.

Второй сценарий – эволюционный, по которому 10 лет назад пять стран «слились» в условном единении, и с тех пор Евразийский экономический союз не растет количественно, есть только три страны-наблюдателя (Куба – далеко географически располагается, со слабой экономикой; Молдова на грани выхода; Узбекистан, который не хочет вступать в ЕАЭС, не является членом ОДКБ и уповаает на два аспекта: это личная харизма господина Мирзиёева и двусторонние отношения, отстроенные Узбекистаном с конкретными странами, включая зону свободной торговли СНГ). Можно порекомендовать Узбекистану обратить внимание на опыт Кыргызстана, который получил миллиардные выигрыши от членства в ЕАЭС.

Третий сценарий – инволюционный, из-за которого автор подвергается критике, в связи с тем, что это сценарий «усыхания» при переходе от эволюционного сценария. Имеется в виду, что, возможно, будет потеряна Молдова как страна-наблюдатель, не будут приобретены Таджикистан и другие страны в качестве членов или наблюдателей, за счет фактической формализации и фиксации беспрецедентного количества санкций по отношению к России и Беларуси и отдельных исключительных элементов, таких как Бурабайский протокол⁴ (в который вступил Казахстан на своих условиях).

Есть дискуссии про Большое Евразийское партнерство, которое подразумевало включение стран «от моря до моря» с включением ЕС, стран АСЕАН, – красивая, но мертвая концепция.

Важно сконцентрироваться на построении евразийского партнерства на базе ШОС. Именно Шанхайская организация сотрудничества требует на данный момент перезагрузки, что позволит решить множество вопросов – например, вопросы гидрополитики, которые не могут быть решены в рамках СНГ, ЕАЭС или ОТГ и других структур и союзов, так как происходит «выпадение» отдельных стран и инструментов. Именно в рамках разработки водной доктрины ШОС могут быть решены до 80%

⁴ Минэкономики: О правомерности осуществления КР учетного контроля при импорте товаров из РК // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/6187>.

проблем в регионе. При этом ШОС недобюрократизирован, что показывает слабость аппарата этой организации.

Задача ЕАЭС – удержаться в эволюционном сценарии, не рассчитывая на революционный и не впадая в инволюцию.

Стратегическая культура в Центральной Азии: грань между реальностью и иллюзией (Ризоён Ш.Ш.)

Центральная Азия обладает уникальной стратегической культурой и имеет свои рецепты и ответы на многие проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современный мир. Поскольку человечество испокон веков не изменилось и во всех этапах наблюдаются схожие проблемы, а цикличность международных отношений в разных вариациях повторяется и сегодня. В этом ключе можно рефлексировать о существующих рецептах и стратегамах, которые можно использовать во внешней политике.

Использование этих стратегий невозможно без понимания всего культурного наследия региона. Сегодня существуют два подхода: одни утверждают, что государственные образования появились в ЦА недавно и рассматривают стратегическую культуру в этом смысле. Другие, основываясь на письменных источниках, утверждают, что народы нашего региона имеют длительную историю проживания в условиях государственных образований. Поэтому, основываясь на одном из этих двух видений, можно прийти к разным результатам. Принимая во внимание это обстоятельство, целесообразно рассмотреть практические примеры, которые наблюдаются в научных исследованиях государств региона, а также в научно-аналитических публикациях зарубежных стран о ЦА.

Исторически ЦА была перекрестком между Востоком и Западом, Севером и Югом. Этому утверждению есть много фактических подтверждений. Расцвет и закат ЦА многие исследователи связывают с Великим шелковым путем. Открытие новых морских путей снизило актуальность региона для мировой торговли, и с XVI в. ЦА перешла в статус периферии международных политических и экономических процессов. В современном мире постепенно ЦА вновь становится активным участником проектов, которые внешние акторы предлагают для региона. Поэтому можно утверждать, что ЦА возрождает свой статус «перекрестка» в трансрегиональных отношениях.

Источники стратегической культуры в ЦА основаны в первую очередь на исторической памяти. Можно выделить три ключевых аспекта.

Во-первых, опыт и наследие прежних государств на территории региона. ЦА была местом, где в свое время появились успешные государства и империи. Опыт и наследие, сформированные этими государствами, сегодня выступает серьезным источником для понимания геополитики ЦА, какую роль играл наш регион в прошлом и как можно это воссоздать.

Во-вторых, персидско-тюркское начало в истории и современности региона. Если говорить об основах стратегической культуры и выделять удачные примеры регионального симбиоза, то персидско-тюркское начало выходит на первый план как в прошлом, так и в настоящем в ЦА. Поскольку государственность, построение национальной государственности, определение ее контуров в нашем регионе опираются на это историческое наследие. Так, можно рефлексировать о двух успешных примерах консолидации региона:

- Согдийско-тюркские связи в политике, торговле и культуре в период правления Тюркского каганата [17];

- Персидско-тюркское двуязычие и литературные связи, которые начинаются с эпохи династии Караханидов в конце X – начале XI в. [14].

В-третьих, исламский фактор. Абсолютное большинство жителей всех пяти стран региона принадлежат к единому мазхабу суннизма, т.е. ханафитскому мазхабу школы Матуриды. Существуют консолидирующие элементы в виде накшбандийского тариката суфизма, общих книг, общих религиозных святых, общих религиозных практик и т.д., т.е. общее религиозно-мировоззренческое пространство.

Все это подчеркивает, что, независимо от того, как мы воспринимаем сегодня регион, невозможно его отделить от общего исторического и культурно-политического контекста.

Переходя к анализу современной ситуации, следует выявить, на чем сегодня основывается стратегическая культура стран ЦА. Ее можно рассматривать в трех ключевых измерениях.

Во-первых, двустороннее сотрудничество: стратегическое партнерство и союзничество. За последние несколько лет страны региона предприняли шаги по установлению стратегического партнерства и союзничества друг с другом. Например, Таджикистан подписал документы о стратегическом партнерстве с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, а также договор о союзничестве с Казахстаном и Узбекистаном. Есть надежда, что в ближайшем будущем такой документ будет подписан между Душанбе и Бишкеком, поскольку обе страны урегулировали пограничный вопрос. Узбекистан и Казахстан активно развивают стратегическое партнерство и союзничество, подписав соответствующие соглашения с другими государствами ЦА. В двусторонних отношениях между странами региона наблюдается очень серьезный прорыв.

Во-вторых, внутрирегиональное сотрудничество: усилия и шаги на пути к кооперации. С 2018 г. мы стали свидетелями принятия серьезных мер и шагов в направлении региональной кооперации. Сегодня в этом плане сделано очень много, кроме консультативных встреч глав государств региона запущены другие форматы: это встречи министров иностранных дел, секретарей совета безопасности, министров транспорта, министров культуры, форумы ректоров университетов, ученых и исследователей. За последние годы в пятистороннем формате проведено много мероприятий (конференций, форумов и т.д.). Надеемся, что в сентябре 2025 г. на очередной Консультативной встрече, которая пройдет

в Ташкенте, будет сделан еще один шаг к укреплению внутрирегионального сотрудничества.

В-третьих, трансрегиональное сотрудничество: стратегия внешних держав и ее последствия для ЦА. Примером такого сотрудничества является формат «5+1», в который в настоящее время входят 10 государств и объединений, с одной стороны, и страны ЦА – с другой. В 2004 г. Япония стала первой страной, запустившей формат многостороннего сотрудничества с государствами ЦА. Впоследствии этот формат использовали Евросоюз и Южная Корея (2007), США (2015), Индия (2018), Италия (2019), Россия и Китай (2020), арабские государства Персидского залива (2022) и Германия (2023) [4]. На сегодняшний день в рамках данного формата состоялись саммиты глав государств с Китаем (25.01.2022 в режиме видеоконференции и 19.05.2023 в Сиане), Индией (27.01.2022 в режиме видеоконференции), Россией (14.10.2022 в Астане), Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (19.07.2023 в Джидде), США (19.09.2023 в Нью-Йорке), Германией (29.09.2023 в Берлине), Европейским союзом (04.04.2025 в Самарканде). Ожидается, что в ближайшее время в рамках данного формата пройдут саммиты глав государств с Японией и Италией, которые были отложены из-за событий, произошедших в этих странах. Можно смело предположить, что взаимодействие государств ЦА с вышеперечисленными странами и регионами имеет свою арифметическую составляющую, специфику и динамику развития, а также геополитические последствия.

Таким образом, эти три ключевых измерения показывают геополитическую особенность и траекторию будущего развития ЦА.

Что на сегодняшний день является стратегической культурой Центральной Азии? На основе изучения практических подходов стран ЦА и их поведения в нынешних международных отношениях можно говорить о триаде, которая отражает суть стратегической культуры региона.

Во-первых, многовекторная политика, которая прежде всего направлена на соблюдение стратегического баланса. Мы понимаем, что за последние 100–200 лет появились традиционные страны, имеющие постоянные интересы в ЦА, и есть новые игроки, которые в последнее время актуализировали свое внимание к региону и намерены развивать отношения. Осуществление многовекторной политики и соблюдение стратегического баланса минимизируют всевозможные вызовы и риски для безопасности и стабильности, особенно для внешней политики стран ЦА. А также формируют ряд новых окон возможностей, которые страны могут использовать в интересах своих национальных экономик.

Во-вторых, нейтралитет ко всем процессам, происходящим в мировой политике. Все страны региона соблюдают нейтралитет в оценке международной обстановки, не поддерживая ни одну из сторон конфликта. При этом руководители государств ЦА призывают к поддержанию мира и решению проблем дипломатическим путем. Поскольку именно нейтралитет или сохранение стратегического молчания предоставляет региону возможность минимизировать риски и угрозы и способствует созданию новых потенциальных возможностей.

В-третьих, подход «пережить шторм» (сохранение стратегической осторожности в региональных и трансрегиональных отношениях, в целом в современных международных отношениях) также минимизирует вызовы и риски и создает новые возможности.

Комплексный подход стран региона направлен на то, чтобы ЦА вновь стала «перекрестком» между Востоком и Западом, Севером и Югом, а также на создание условий и возможностей для предотвращения попадания региона в стратегический тупик. Избежание состояния стратегического тупика и возрождение позиции «перекрестка» между всеми окружающими странами и регионами отражают существующую стратегическую культуру Центральной Азии.

Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее (культурный аспект) (Турсунова Р.Ю.)

В последнее время мы часто слышим об акцентированном внимании к региону Центральной Азии. Для Узбекистана это внимание связано с приходом к власти нового Президента Шавката Миромоновича Мирзиёева. В 2016 г. он принял присягу и в сентябре 2017 г. выступил на заседании 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с докладом, включавшим множество инициатив. В докладе Ш.М.Мирзиёев подчеркнул, что «главным приоритетом своей внешней политики Узбекистан сегодня определяет регион Центральной Азии. И это – осознанный выбор»⁵. Выстраивание добрососедских дружеских отношений с ближайшими странами должно быть в приоритете. На сегодняшний момент прошло уже много времени, и эта линия выстроена – про нашу страну говорят: «Узбекистан открылся миру, а мир для себя открывает Узбекистан»⁶. Тогда же, в 2017 г., Президент выступил с инициативой консультативной встречи в рамках пяти наших центральноазиатских стран. И с 2018 г. такие встречи стартовали, а до этого была проведена международная конференция высокого уровня «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», которая состоялась 10–11 ноября 2017 г. в Самарканде по инициативе Президента Республики Узбекистан и под эгидой ООН.

Все наши постсоветские республики вступили в XXI в. с собственными представлениями о национальной идее и построении национального государства. В этой связи в культурном контексте нужно говорить не столько о возрождении, сколько о преемственности национального строительства в историческом аспекте.

5 Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063>.

6 Делегация Белорусского государственного университета во главе с ректором Андреем Королем находится в Узбекистане с официальным визитом // Sputnik Узбекистан. URL: <https://ok.ru/sputnikuzbekistan/topic/153616317447150>; Шедевры Узбекистана, покорившие мир // Генеральное консульство Республики Узбекистан в городе Актау. URL: <https://uzconsulate-aktau.kz/2023/>; Узбекистан – миролюбивое и справедливое государство, открывающееся миру // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/07/ambassadors/> и др.

Наши народы сегодня объединены общей историей, культурой. И роль Центральной Азии в современных международных отношениях все более возрастает благодаря ее важному геостратегическому экономическому положению.

После обретения независимости в Республике Казахстан появилась возможность для возрождения многих традиций казахского народа, а также обновления образования с учетом национальных тенденций в единстве с мировой культурой, достижениями других народов. Одной из исторических данностей казахского народа принято считать родоплеменную структуру, в которой три казахских жуза – Улы жуз («Старший»), Орта жуз («Средний») и Киши жуз («Младший») – образуют костяк современного казахского народа. В идеологическом плане акцент был сделан на историко-культурный проект «Мәңгілік ел»⁷, который должен обеспечить духовную преемственность и самоидентификацию поколений на основе национальной идеи. Анализируя историко-культурное наследие Казахстана, необходимо подчеркнуть, что развитие культуры и культурного потенциала страны входит в число приоритетов внутренней политики Республики. Ключевая составляющая культурной политики – это ценностные ориентации, духовно-нравственное воспитание и сохранение и обогащение национального наследия и достижений мирового уровня.

Кыргызская Республика тоже проводит собственную государственную культурную политику, направленную на развитие и укрепление государственного суверенитета и единства народа. В Республике продолжают сохраняться элементы традиционного общества. Это родоплеменные структуры в виде двух групп племен: он канат (правое крыло) и сол канат (левое крыло), – именно они составляют основу современного кыргызского народа.

Современная национальная политика направлена на создание реальных условий и надежных гарантий для свободного развития всех граждан, обеспечение культурного и духовного развития каждого этноса⁸.

В Республике Таджикистан после обретения независимости сложилась непростая обстановка и усилилась тенденция к сепаратизму, что привело к затяжной гражданской войне. Из всех центральноазиатских республик только Таджикистан находился в этот период в состоянии гражданской войны, что отразилось на экономической, социальной и культурной сферах жизни общества. После того как в стране установился мир, правительством Республики был взят курс на защиту духовной сферы страны, опирающейся на древнюю историю, самобытную культуру, своеобразные традиции, обычаи, а также оно предприняло меры для пробуждения самосознания таджикского народа.

Республика Туркменистан сегодня несколько закрыта, но у нее тоже есть своя внутренняя политика и мощный импульс, который стимулирует процесс восстановления самобытной, богатой культуры туркменского народа. В

⁷ «Мәңгілік ел» – символ единства // Qazaqstan Tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/3760>.

⁸ Национальная стратегия Развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. URL: https://adam.kg/media/uploads/2021/05/18/natsionalnaya_strategiya_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_2018_2040_gody.pdf.

Туркменистане, не будем забывать, находятся древнейшие исторические памятники – очаги обитания человека и материальные свидетельства высокоразвитой культуры⁹. Духовное возрождение туркменского народа является приоритетным направлением внутренней политики страны, о чем говорит положение [16], на котором основывается государственное регулирование общественной жизни страны.

В нашей стране, в Республике Узбекистан, как указывает Президент, в духовной сфере важнейшей и актуальной задачей является, прежде всего, воспитание свободно мыслящей, обладающей современными знаниями и профессиями молодежи в духе уважения к общечеловеческим ценностям. Действительно, мы сегодня стали все больше отходить от понимания, что у нас есть своя идентичность. Но совсем недавно в нашей стране чиновники выступили с инициативой по пятницам носить национальную одежду или хотя бы ее элементы и сами стали показывать пример. Я тоже поддержала эту инициативу, специально поехала на старинный знаменитый базар Чорсу и приобрела там элементы национальной одежды. Сегодня национальную одежду по пятницам (и не только) в Узбекистане носят все, независимо от того, узбек или не узбек, при чем в Республике более 130 наций и национальностей; эту волну подхватили на добровольной основе.

Безусловно, в Узбекистане есть проблемы. Например, в Ташкенте половина молодежи одета по-европейски, другая половина – по-арабски. Присутствует религиозный радикализм. Мы работаем над тем, чтобы женщины были открыты, свободны во внешнем виде, но они закрываются, и не просто закрываются, а облачаются в черную одежду. Для нашего региона черный цвет – это проблематично, так как с изменением климата температура воздуха с каждым годом становится все выше. Поэтому сегодня слишком сильно закрытая черная одежда женщины говорит о том, что это дорога назад. Радикализм, который связан с духовной составляющей, сегодня взят на заметку государства – приняты нормативные акты и реализуется концепция, которая регулирует ношение той же религиозной одежды¹⁰.

В Центральной Азии каждая страна – это маленькая модель всего региона. Именно культурный диалог между нашими республиками может стать основой интеграции. В политической сфере у нас все равно будут какие-то разногласия, в экономическом плане мы тоже не сможем резко, с завтрашнего дня интегрироваться. Но если мы возьмем культурный аспект, то здесь, кажется, никаких проблем и барьеров не будет.

Когда наши страны только обрели независимость, в первом десятилетии вышли интересные работы первых президентов, которые были посвящены истории наших стран. В Узбекистане в 1997 г. вышла работа первого президента «Узбекистан

⁹ Объекты Всемирного наследия в Туркменистане // Туркменистан. Золотой век. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/18551/obekty-vsemirnogo-naslediya-v-turkmenistane>.

¹⁰ Изменения в законодательстве и религиозные течения в современной Узбекской культуре // KAZAKHSTAN.2.0. URL: <https://kz-expert.info/novosti/item/175362-uzbekistan-mezhdutradiciei-i-sovremennostyu-ogranicheniya-na-religioznuyu-odezhd>.

на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса» [6], где присутствовал культурный аспект. В 1999 г. вышла работа первого президента Казахстана «В потоке истории» [9]. В 2000 г. была опубликована книга президента Таджикистана «Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов» [13]. В 2003 г. вышла книга первого президента Кыргызстана «История, прошедшая через мое сердце» [1]. В 2002 г. вышла книга Сапармурада Ниязова «Рухнама» [10], которая была на тот момент фундаментальной. Сегодня времена изменились, но эту книгу все помнят, каждое слово в ней пропитано патриотизмом.

Рассматривая вопросы исторического наследия как основы нашей современной государственности, мы видим, что все пять республик обратились к истории. В Узбекистане – это государство Амира Тимура Тимуриды, в Туркменистане – это обращение к наследию Агус Хану для консолидации туркменского народа, в Таджикистане – к наследию Исмаила Самани и эпохи Саманида как основы государственности, в Казахстане – обращение к истории правления Тулки Хана для преодоления разногласий между жузами, а в Кыргызстане – понимание «Кыргызстан – наш общий дом» и обращение к эпосу «Манас». Подчеркну, что основу нашего общего прошлого составляет Великий шелковый путь, который сегодня получает новый импульс и уже как туристический маршрут объединяет эти страны. С учетом того, что Узбекистан сегодня стал более открытым (решен вопрос с авиаперелетами в Таджикистан – появились авиарейсы в Душанбе), представляется, что не просто настало время, а нужно продвигать туристическое направление, сделать его более активным по дорогам Великого шелкового пути.

Мы имеем общий этнокультурный компонент – это тюркская и иранская основы нашей общности. Сегодня во все странах Центральной Азии основная религия – ислам, но хотя мы не забываем, что у нас есть представители других конфессий, политика толерантности тоже свойственна для каждого из соседей. Безусловно, нас объединяют периоды истории – завоевания Чингисхана, Амира Тимура, Царской России. Сегодня у стран Центральной Азии есть общие точки соприкосновения, которые нужно усиливать, – это языковое родство. Тюркские языки преобладают, хотя есть исключение – таджикские языки, входящие в иранскую группу языков. Общее наследие – музыкальное, танцевальное, кулинарное. У нас становятся культовыми блюда наших соседей, открываются кафе с элементами таджикской, казахской, кыргызской и туркменской кухни. У нас много общих праздников, помимо Навруза, например, 9 мая, (в Узбекистане он называется «День памяти и почести», но смысловая нагрузка не отменена, это День Победы). Переплетение традиций, фольклора взаимно обогащает культуры наших стран.

Но вместе с тем мы не должны забывать про те вызовы, которые сегодня актуализированы в современном мире, и вызовы именно в культурной плоскости – это глобализация, влияние массовой культуры. Мы рискуем раствориться. Например, мною проведен эксперимент со студентами, в котором предлагалось сделать выбор

между национальной и неузбекской едой, важно отметить, что современная молодежь предпочитает иностранную еду.

Глобализация влияет не только на внешний вид или питание, следствием ее является урбанизация – мы предпочитаем современные дома (евродом, евроремонт, евростандарт и т.п.). Тот, кто приезжает сегодня в Ташкент, говорит: «Вы уже становитесь похожи на Дубай». Национальные этнодома можно увидеть только во внутренних регионах государств. Важно, конечно, сохранить эту особенность (этнические дома).

Недостаточно внимания уделяется сохранению нематериального наследия. Принят закон, охраняются памятники культуры, но при этом мы постоянно слышим, что из-за строительства разрушен тот или иной исторический памятник или древняя мечеть где-то в регионе. Это вызовы и проблемы, которые нужно своевременно решать.

Оценивая перспективы интеграции стран Центральной Азии в культурном аспекте, думается, что мы никогда не забудем, что живем и делим общий регион, независимо от того, сколько населения в той или иной стране. У нас существуют межгосударственные программы, количество которых нужно увеличивать, и связи, которые надо поддерживать и развивать.

Отдельным вопросом стоит образовательная программа. К сожалению, сегодня наши студенты предпочитают ехать в отдаленные страны, в связи с чем назрела потребность активнее сотрудничать в сфере академического обмена.

К сожалению, в этом году страны региона будут отмечать 34 года независимости, но у нас нет совместного учебника по истории Центральной Азии. В прошлом году Казахстан проводил мероприятие, где этот вопрос обсуждался. Актуализировалась необходимость разработать проект учебника «Новейшая история Центральной Азии» или просто «История Центральной Азии».

На сегодняшний момент у стран ЦА действительно общее будущее, а для этого нам нужно стабильно развиваться, обеспечивать устойчивое развитие региона, сотрудничать, стремиться к взаимодействию, осознавать общую ответственность за все страны, за будущее нашего региона. Мы его делить никак не можем – это наше будущее.

Роль России, Китая и США в трансформации стратегической культуры государств Центральной Азии (Изатов У.Х.)

Данная тема приобретает особую актуальность в контексте усилившейся конкуренции великих держав и растущей субъективности государств региона. В международном отношении стратегическая культура рассматривается как системы исторические, сложившие в нормы восприятие угрозы и модели его поведения присущие внешней и оборонной политике государства.

После распада СССР государства Центральной Азии столкнулись с необходимостью переосмысления своей внешнеполитической идентичности

и направленности стратегической культуры. Эти изменения не происходили в изоляции, а были тесно связаны с вовлечением внешних акторов, прежде всего России, Китая и США. Каждый из них по-своему влиял и влияет на формирование новой модели стратегического поведения в регионе. Цель данного доклада – проанализировать, как геополитические присутствия этих трех держав влияли на трансформацию стратегической культуры стран Центральной Азии в условиях постсоветской трансформации, региональных конфликтов и глобальной конкуренции.

Термин «стратегическая культура» был определен в научной дискуссии в 1970-х гг. и обозначен как совокупность исторически сложившихся традиций, норм, институтов и установок, определяющих то, как государство воспринимает угрозы и формирует свою внешнеполитическую и оборонную стратегию.

Для стран Центральной Азии, освободившихся от советской модели, стратегическая культура стала ареной для переосмысленной идентичности автономии и модели выживания между конкурентными геополитическими позициями России, Китая и США. Россия при этом обладает историческим наследием, где советское влияние продолжает играть ключевую роль в формировании стратегической культуры данного региона.

Так, основным инструментом воздействия можно считать военное присутствие, например, 201-й российской дивизии в Таджикистане и других странах Центральной Азии. К другим могут быть отнесены: участие в ОДКБ как платформе коллективной безопасности, «мягкая сила» через СМИ, образование, русскоязычные культурные процессы. Россия активно продвигает модель постсоветского суверенитета, где безопасность и развитие региона рассматриваются через призму евразийской интеграции при противодействии западным влияниям.

Вторая модель – Китая – основана не на прямом военно-политическом влиянии, а на инфраструктурных инвестициях и кредитовании. К примеру, Таджикистан получает 70% всех китайских кредитов в рамках ШОС. Другой пример – экономическая дипломатия в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Третий – формирование культурного доверия через образование гуманитарного сотрудничества. В стратегическом плане Пекин продвигает модель прагматического, но долгосрочного сближения с центральноазиатскими элитами, что, в свою очередь, меняет восприятие угроз и партнерства в политической культуре этих государств.

Стратегия США в регионе сосредоточилась на следующих направлениях: первое – это программа «Партнерство ради мира» (через НАТО), второе – поддержка демократических институтов гражданского общества; третье – присутствие в сфере безопасности, проведение антитеррористических операций, пограничного контроля. США рассматривают страны Центральной Азии не просто как объект влияния, а как потенциального участника глобальной либеральной системы. Это влияет на стратегическую культуру региона, особенно в плане восприятия понятий суверенитета, прав человека и многостороннего сотрудничества.

В условиях конкуренции моделей (России, Китая, США) и необходимости принятия решения региональными элитами центральноазиатские государства демонстрируют адаптивную стратегическую культуру, выбирая элементы из моделей всех трех держав в зависимости от собственных интересов. К примеру, Казахстан использует многовекторную политику, Таджикистан – сбалансированного влияния, тогда как Узбекистан и Туркменистан придерживаются модели контролируемой изоляции. Добавим, что Таджикистан активно интегрирован в проекты как России, так и КНР и одновременно развивает диалог с США и ЕС.

Можно сказать, что роль России, Китая и США в трансформации стратегической культуры стран Центральной Азии не ограничивается военными или экономическими инструментами. Это влияние носит глубокий цивилизационный и институциональный характер, отражаясь в выборах союзов, проявляясь в вопросах и модели политической субъективности. Будущее покажет, насколько эти страны способствуют синтезу внешних влияний на собственную стратегическую парадигму центральноазиатских стран.

Мировоззренческие паттерны в стратегической культуре стран Центральной Азии (Савин И.С.)

Говоря о стратегической культуре, все очень верно подчеркивали не только материалы публичной политики, но также некие мировоззренческие паттерны, «ментальности» – это умолчание, это «то, что понимается без слов», некие невербальные практики. И это не может не учитывать ни один публичный политический деятель ни в одной из стран. Соответственно, такие же паттерны есть и в центральноазиатском дискурсе, как есть они и в российском. В чем-то эти особенности ментальности и особенности политической культуры, стратегической, общи для Центральной Азии и России, в чем-то они противостоят, в чем-то конкурируют. Это совершенно нормально, потому что не существует тотальной стратегической культуры, которая бы абсолютно монолитно охватывала бы некий круг явлений, которые мы описываем как кыргызская стратегическая культура, казахская, российская. В любом дискурсе есть противодискурс, контрдискурс, есть люди, которые не согласны с генеральной линией, и люди, которые видят это.

Это есть некая внутренняя противоречивость, и мы не можем не понимать, что она служит диверсификации риторики. Политики должны произносить слова и тексты, которые интересны не отдельным группам населения, а жителям всей страны в целом, как это понимается и как это формулируется политиками. И в эти тексты должны быть включены совершенно разные, иногда противоречащие друг другу высказывания, адресованные разным группам граждан. Но все из нас прекрасно понимают, что представление политиков о собственной стране и других странах формируется во многом благодаря экспертным исследованиям. Именно благодаря им в политическую риторику лидеров попадают те нужные

акценты, те нужные моменты социопсихологической общности, те нужные факты исторического характера, которые звучат в этих речах, – но добываются они именно в социально-гуманитарных исследованиях, которые проходят во всех наших странах.

Причем исследования имеют давнюю традицию дискурса – идеологического, исторического, гуманитарного дискурса, где главной целью всех работ в позднесоветский период было сохранение внутреннего единства советского народа, в том числе в центральноазиатских республиках. Внутренне единство Советского Союза применительно к населению собственных республик, укрепление чувства гражданства, сопричастности, – на это работали исследователи того периода. В 1990-е гг. – начале 2000-х гг. появилось естественное желание как-то обосновать причины распада СССР и образования самостоятельных государств, и поэтому совершенно естественно усилилась роль поисков особенности, инаковости, непохожести, уникальности, отдельности, свержения всех прежних догм, в том числе исторических, социокультурных, делания большего акцента на насильственном характере образования Советского Союза, на его невыгодности или выгоды для различных сторон.

Нужно отметить, что в каждой из центральноазиатских стран существует несколько потоков стратегий, которые говорят о многовекторности, что представлено и в исследованиях. Некоторые коллеги тяготеют больше к стратегиям, выработанным в западных университетах, западных центрах. Ученые с российским бэкграундом тяготеют более к развиваемому постсоветскому дискурсу в видении роли центральноазиатской интеграции. В этом нет ничего трагического, зачастую это вызовы эвристического познавательного характера, потому что мы должны объединять в рамках единого нарратива противоречия жестокости советского и досоветского периодов, необходимость выстраивать добрососедские отношения сегодня и сейчас.

Невольно выступлю оппонентом коллеги из Таджикистана по поводу того, что, к сожалению, принадлежность к единым конфессиям не всегда выступала гарантией единства, потому что даже накануне боевых действий русской армии в регионе ощущение общей угрозы не сплотило носителей единого ханафитского мазхаба. Одни роды (ханы, военачальники) воевали с другими, даже если им приходилось становиться под знамена русских войск. Это их не смущало, потому что для них это были условности, а главным было достижение своих целей. Но тогда другое было формирование коллективного сознания, тогда общие ценности глобального характера, как общая идеология, отступали на второй план, выдвигая на первую полосу интересы «своих» – непосредственно своего близкого окружения, своего социалитета и т.п.

Но это не означает, что у религиозного прошлого нет никакого потенциала. Как мы видим сейчас, сегодня наши страны, которые, казалось бы, начали расходиться далеко друг от друга, постепенно почувствовали необходимость интеграционных проектов. Причем это тоже процесс противоречивый.

Процесс любого обретения социального знания и процесс формирования стратегической культуры – это процессы противоречивые, они не всегда осознаются даже непосредственными их участниками. Говоря о трансформации стратегии в социальных исследованиях в наших странах за последние годы, можно сказать, что, к счастью, изменения не привели к отсутствию совместных исследований и совместных действий.

Никто из центральноазиатских партнеров России не отказался по идеологическим причинам от продолжения исследований, прекрасно понимая, что то, что происходит сейчас, – это трагический момент, а стратегическое соседство, на которое мы все «обречены», заставляет нас действовать более сдержанно и рассматривать сегодняшние события не только как судьбоносные и ключевые, но и как одну из вех в долгом ряду различного рода событий нашей многовековой истории, многовекового нашего соседства.

Именно поэтому считаю, что стратегическая культура стран Центральной Азии и России, рассматриваемая сквозь призму социологических или исторических исследований, заключается в том, что многовекторность большинства стран региона совершенно не означает разбросанности, у них сохраняется вполне аналитическое понимание приоритетов. Разнонаправленное партнерство – вполне жизнеспособная стратегия, которая вызывает недоумение у отдельных международных партнеров, которые хотели бы более определенной позиции, но они не могут не понимать, что большая определенность будет означать риски для тех или иных стран.

То же самое в исследованиях; мы сосредоточиваем свое внимание на выявлении того общего, что позволит нам развивать и усиливать наши связи в будущем, потому что как бы ни легла политическая конъюнктура, какой бы ни стала геополитическая раскладка, тысячекилометровую сухопутную границу между Казахстаном и Россией это не изменит, никуда не денется ни соседство Китая, никуда не исчезнет территориальная близость Ирана и Афганистана до Центральной Азии.

Мы не можем не понимать, что здесь никаких глобальных трансформаций нам ждать не приходится. Это, как я понимаю, прекрасно чувствуют и понимают, как мои коллеги-эксперты, и, видимо, не без их участия в центральноазиатской политике, потому что риторика объединения и интеграции очень редко сопровождается какой-то устойчивой антироссийской риторикой.

Торговые отношения Российской Федерации и Кыргызской Республики в условиях геополитической трансформации (Конов М.Д.)

Ряд ученых отмечает, что на формирование стратегических культур оказывает влияние экономическое сотрудничество в рамках интеграционных объединений. Евразийский экономический союз, членами которого являются как

Российская Федерация, так и Кыргызская Республика, считается уникальным в регионе экономическим интеграционным объединением, представляющим единую таможенную зону с преференциями экономического союза для стран-участниц. На сегодняшний день в рамках союза ведется активная работа над устранением торговых барьеров для обеспечения свободного движения товаров в рамках этого объединения¹¹.

За последние пять лет мировое сообщество наблюдает фундаментальные сдвиги в трансграничном движении труда, капитала и товаров, а также их динамике. В первую очередь на это повлияла пандемия COVID-19. Если в 2019 г. импорт энергоресурсов (группа товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС № 27¹²) составил 538,6 млн долларов США, то в 2020 – 438,5 млн долларов США, сократившись на 100 млн долларов. Эта товарная группа является основной по импорту Кыргызстана из России. Особо здесь следует выделить последующий рост в 2022 г. до отметки в 887,2 млн долларов США¹³.

В этой товарной группе выделяются две основные позиции: № 2710, куда относятся нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, и № 2711, куда относятся нефтяные газы и газообразные углеводороды. Первая из этих позиций продемонстрировала пиковое значение в 2022 г. на отметке в 810,9 млн долларов США¹⁴. Это говорит о том, что между 2020 и 2022 г. показатели увеличились примерно в два раза. Там не менее в следующем 2023 г. общие показатели импорта энергоресурсов по товарной группе № 27 сократились до 730 млн долларов США¹⁵.

Другим проявлением экономической трансформации является геополитическая напряженность, которая выражена в такой ее форме как санкционное давление, представленной со стороны стран Европейского союза (ЕС) и США. В этой связи торговые отношения значительным образом изменились также и для стран Центральной Азии. В частности, те товары, которые перестали ввозиться в Россию напрямую, стали ввозиться через третьи страны. И в этом смысле Кыргызстан, являясь членом ЕАЭС, значительным образом интенсифицировал реэкспорт в Россию¹⁶.

В первую очередь экспорт в Россию за 2022 г. показал пиковые значения по сравнению не только с 2020, но и с 2021 г., как отмечено на рисунке ниже.

11 Руслан Давыдов: «Единство таможенного регулирования является условием обеспечения свободного движения товаров в ЕАЭС» // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-davydov-edinstvo-tamozhennogo-regulirovaniya-yavlyaetsya-usloviem-obespecheniya-svobodnogo-dv/>.

12 Группа 27 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.27_2022_10.10.2022.pdf.

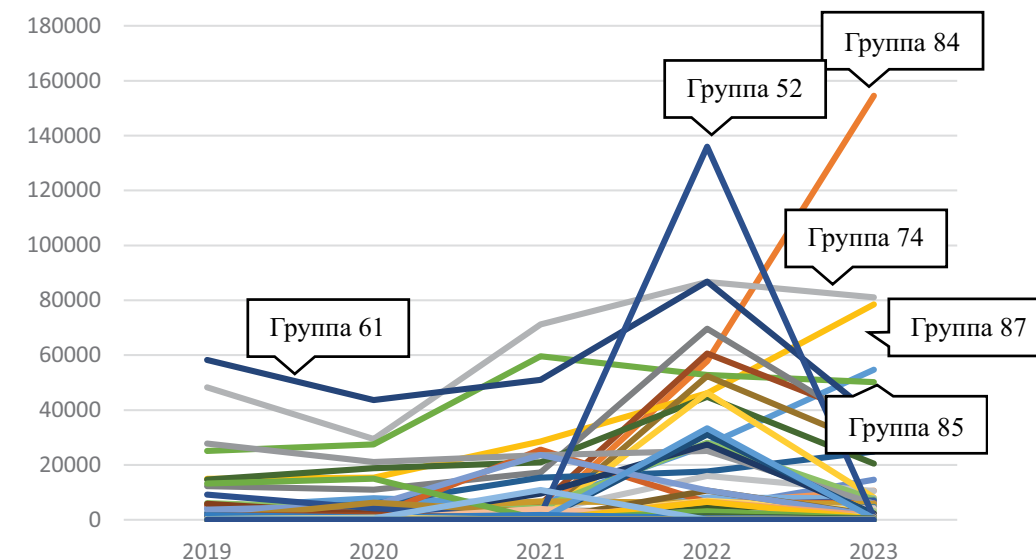
13 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

14 Там же.

15 Там же.

16 Кыргызстан не снизил реэкспорт в Россию. Почему? Мнение эксперта // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/ekonomika/295542_kyrgyzstan_nesnizil_reeksport_vrossiyu_pochemu_mnenie_eksperta/.

Рисунок. Экспорт в Россию, тыс. долларов США
Figure. Export to Russia, Thousands of US Dollars

Источник: Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation. Trade Map¹⁷
Source: Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation. Trade Map¹⁷

Резкий рост экспорта с кыргызской стороны может быть не только результатом возникшей геополитической напряженности, но также и результатом накопленного спроса за пандемийный период. Так, особо выделяются такие товарные группы, как № 52 (хлопок), № 74 (медь и изделия из нее), а также № 61 (предметы одежды). Разумеется, что для России текстильная промышленность не является критической, то есть не имеющей возможности быть произведенной в рамках национальных текстильных производств или в рамках производств иных государств как Беларусь, поэтому резкий рост экспорта по данным товарным группам может быть результатом накопленного спроса со стороны России и, соответственно, накопленного предложения со стороны Кыргызстана.

Итоги следующего года показали сокращение экспорта приблизительно до показателей предыдущих лет, сделав значения 2022 г. пиковыми. Однако, данные по некоторым товарным позициям продолжили расти. Здесь особо выделяются такие товарные группы, как №№ 84, 85 и 87.

В случае товарной группы № 84 ключевыми позициями, демонстрирующими рост, стали: машины посудомоечные, оборудование для мойки или сушки, заполнения

17 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

и закупоривания бутылок; турбореактивные двигатели, газовые турбины; печатные машины¹⁸, показав рост до 154,5 млн долларов США в 2023 г.¹⁹

Товарная группа № 85 продемонстрировала общий рост до 54,7 млн долларов США²⁰ со следующими экспортируемыми позициями: интегральные электронные схемы; электрические трансформаторы, статические электрические преобразователи; телефонные аппараты, включая смартфоны и прочие телефонные аппараты для сотовых сетей связи или других беспроводных сетей связи; электрические аккумуляторы; двигатели и электрические генераторы²¹.

Значения экспорта по товарной группе № 87 достигли 78,5 млн долларов США²² суммарно, где выделяются две ключевые позиции: легковые автомобили и прочие моторные транспортные средства (части и принадлежности моторных транспортных средств²³).

Если представить процентное соотношение экспорта в Россию из Кыргызстана по первым десяти по объему товарным группам к общим значениям экспорта в Россию за 2023 г., то мы получим данные, представленные ниже (таблица).

Исходя из данной таблицы, следует сделать вывод, что критические для России товарные группы, такие как №№ 84, 85 и 87, представившие за 2023 г. наибольшие показатели по росту экспорта, составляют 38,54% от общего экспорта Кыргызской Республики в Российскую Федерацию. Также следует заметить, что реэкспорт в Россию представлен основным образом товарами технологической отрасли. Для Российской Федерации такое движение товаров представляет собой нивелирование негативных последствий санкционного давления, а для Кыргызской Республики – экономические возможности в транзите товаров, в том числе в условиях геополитической напряженности.

Перспективы развития торговых отношений между Россией и Кыргызстаном в условиях геополитической трансформации включают: углубление экономической интеграции и создание новых совместных предприятий; развитие инфраструктуры и транспортных коридоров для увеличения объемов торговли; расширение ассортимента товаров и услуг, предлагаемых на рынке. Аспекты стратегической культуры России и Кыргызстана, влияющие на их торговые отношения, включают: приоритет многополярного мира и необходимость обеспечения национальной безопасности; стремление к экономическому развитию и интеграции в мировую экономику; уважение к историческому наследию и культурным связям.

18 Группа 84 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.84_2022_10.10.2022.pdf.

19 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpr=1%7c417%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1.

20 Там же.

21 Группа 85 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.85_2022_17.11.2022.pdf.

22 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

23 Группа 87 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.87_2022_10.04.2022.pdf.

Таблица. Доля экспорта Кыргызстана в Россию по основным товарным группам за 2023 г.

Table. Kyrgyzstan's Exports Share to Russia by Main Commodity Groups in 2023

№ товарной группы	Название товарной группы	Доля (%) от общего экспорта
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	20,7
74	Медь и изделия из нее	10,86
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их части и принадлежности	10,51
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	7,33
08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	6,72
61	Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания	5,07
64	Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали	4,94
62	Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	4,42
60	Трикотажные полотна машинного или ручного вязания	3,61
03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	3,33

Источник: составлено автором на основе данных Trade Map²⁴

Source: compiled by the Authors based on Trade Map Data²⁴

Анализ особенностей стратегической культуры в торговых отношениях России и Кыргызстана показывает важность понимания специфики национальных подходов к формированию внешнеполитических курсов и экономическим интересам. Понимание глубинных факторов, формирующих позиции сторон, становится критичным условием для успешных переговоров и реализации долгосрочной стратегии экономического сотрудничества. Улучшение транспортных коридоров, привлечение частных инвестиций и стимулирование предпринимательства будут способствовать укреплению доверия и взаимопонимания между народами и обеспечат стабильное развитие торгового взаимодействия в будущем.

24 Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

Выводы

Использование концепта «стратегическая культура» в геополитическом прогнозировании и планировании позволяет лучше понять преобладающую, лежащую в основе международных отношений, и мотивы действий государств и их объединений. Каждое государство выходит на международную арену со своим историческим багажом накопленного опыта, убеждений, культурных влияний и географических и ресурсных ограничений; все это влияет на его поведение. Преобладающая во внешней политике государства поддерживается исторической тенденцией сохранять традиционные сферы влияния, что придает существенную временную протяженность анализу возможных действий правящих элит. Стратегическая культура позволяет интегрировать культурные соображения, совокупную историческую память и их влияние в анализ политики безопасности государств и международных отношений.

Стратегическая культура каждой страны уникальна, но при этом можно выделить общие тенденции и особенности, характерные для всего региона. Среди них – стремление к обеспечению безопасности и стабильности, важность роли внешних факторов в формировании внешнеполитических приоритетов, а также влияние исторического наследия и традиций на восприятие международных отношений.

Геополитическое положение стран Центральной Азии, расположенных на пересечении ключевых торговых маршрутов и граничащих с такими серьезными геополитическими игроками, как Россия, Китай, Иран, Афганистан, определяет их стратегические приоритеты. Особое значение приобретают вопросы обеспечения безопасности границ и балансирования между различными внешними акторами, что требует от государств региона разработки гибких и адаптивных стратегий внешней политики.

Страны Центральной Азии функционируют в условиях сложного взаимодействия с внешними акторами, включая международные организации, региональные блоки и глобальных игроков. Сотрудничество с ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и другими международными структурами оказывает значительное влияние на формирование стратегических приоритетов и подходов к обеспечению безопасности. Важно также учитывать геополитическое влияние России, Китая и других стран, которые играют ключевую роль в формировании региональной динамики и определении векторов развития Центральной Азии.

Экономическое развитие и социальные трансформации оказывают существенное влияние на формирование стратегических культур. В частности, экономические интересы (такие как инфраструктурное развитие и привлечение иностранных инвестиций), демографические сдвиги, урбанизационные процессы и миграционные потоки создают новые вызовы в области национальной безопасности и внешней политики и влияют на определение стратегических приоритетов. Ключевую роль в формировании стратегических культур стран ЦА продолжают играть

национальные идентичности, религиозные верования и традиции. В ряде стран ЦА ислам представляет собой фундаментальный элемент идентичности, оказывая влияние на их внешнеполитическую стратегию и подходы к вопросам безопасности.

Дальнейшие исследования заявленных в данной статье проблем могут быть направлены на более детальный анализ влияния конкретных факторов на стратегическую культуру отдельных стран, а также на изучение изменений в стратегической культуре региона в условиях глобализации и меняющейся геополитической ситуации.

Список источников

1. Акаев А. История, прошедшая через мое сердце [The Story that Passed Through my Heart]. Москва, Бишкек, 2003. 286 с.
2. Гиланов М.М. Стратегические интересы России и Китая в Центральной Азии на современном этапе [Strategic Interests of Russia and China in Central Asia at the Present Stage] // Актуальные исследования. 2024. № 1(183). С. 41–44.
3. Джоробекова А.Э. Особенности национальных стратегий государств Центральной Азии в условиях формирования регионального геополитического пространства [Features of National Strategies of the Central Asian States in the Context of the Formation of Regional Geopolitical Space] // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 3. С. 98–103.
4. Иброхимзода У.Х., Дмитриева М.О., Ризоён Ш.Ш. Саммит «Центральная Азия – Китай»: региональные аспекты и геополитические последствия [Central Asia-China Summit: Regional Aspects and Geopolitical Implications] // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>.
5. Искандаров К., Назаров У. О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века [On the Methodology for Studying Integration Processes in Central Asia in the Third Decade of the XXI Century] // Постсоветские исследования. 2024. № 1(7). С. 40–49.
6. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса [Uzbekistan on the Threshold of the XXI Century: Threats to Security, Conditions and Guarantees of Progress]. Москва: Издательский дом «Дрофа», 1997. 320 с.
7. Михалёв А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко [Eurasia in the Foucault Perspective] // Россия в глобальной политике. 2024. № 1. С. 98–111. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111>.
8. Мирзиёева С.Ш. Анализ методологии регионального стратегирования в странах Центральной Азии [Methodology of Regional Strategising in Central Asia] // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 3. С. 319–332. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-319-332>.
9. Назарбаев Н.А. В потоке истории [In the Flow of History]. Алматы: Атамұра, 1999. 292 с.
10. Ниязов С. Рухнама [Ruhnama]. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2002. 416 с.
11. Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований [Strategic Culture: the Concept and the Directions of Research] // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
12. Октябрьская И.В. Центральная Азия: историко-культурное наследие в структуре межнациональных отношений конца XX – начала XXI века [Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX – Early XXI Century] // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 3. С. 13–29. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2023\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2023)3-01).
13. Рахмон Э. Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов. Книга первая [Tajiks in the Mirror of History. From Aryans to Samanids. Book One]. St.Helier, Jersey: London & Flint River ed., 2000. 244 p.
14. Садырова З.Т. Культура в Караханидском государстве [Culture in the Karakhanid State] // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. № 28. С. 124–130. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.17>.
15. Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы [Strategic Guidelines for the Development of Central Asia: History, Trends and Prospects]: сборник научных статей / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2021. 312 с.

16. Турсунова Р.Ю. Новейшая история: роль историко-культурного наследия в формировании идентификации государств Центральной Азии [Modern History: the Role of Historical and Cultural Heritage in the Formation of the Identification of the Central Asian States] // Ясауи университетінің хабаршысы. 2021. № 2(120). С. 222–236. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.605>.
17. Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. [Turkic Political Traditions in the System of Power Organization in the Russian State and Siberian Khanate as the Factor of their Successful Integration in the XVI–XVII Centuries] // Идеи и идеалы. 2018. № 4(38). С. 139–159. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159>.
18. Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. Соперничество региональных и внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства [The Rivalry of Regional and Non-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism] // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 75–82. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-75-82>. EDN: GVBGPB.

Информация об авторах

- ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна.** Доктор политических наук. Кандидат исторических наук. Профессор. Заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева. Директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, бульвар Эркиндик, 36. donzhora1967@gmail.com
- ИЗАТОВ Умеджон Хуршедович.** Кандидат исторических наук. Доцент. Директор Технологического парка Кулябского государственного университета имени А.Рудаки. Адрес: Республика Таджикистан, 735360, Хатлонская обл., г. Куляб, ул. С.Сафарова, 16. izatov.u@mail.ru
- КАНАТБЕКОВ Эдил Канатбекович.** Кандидат политических наук. Старший преподаватель Факультета международных отношений Бишкекского государственного университета имени К.Карасаева. Адрес: Кыргызская Республика, 750065, г. Бишкек, проспект Чынгыза Айтматова, 27. kanatbekovich.edil@gmail.com
- КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна.** Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru
- КОНОВ Михаил Дмитриевич.** Лаборант-исследователь Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1. konov_mihail@inbox.ru
- РАХИМОВ Кубатбек Калыевич.** PhD по экономике. Исполнительный директор Общественного фонда «Аппликата – центр стратегических решений». <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>. Адрес: Кыргызская Республика, г. Бишкек, 720001, ул. Исанова, 79-808. kubat.rakhimov@gmail.com
- РИЗОЁН Шерали Шукруллозода.** Кандидат политических наук. Независимый эксперт. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе. sherali.rizoyon@gmail.com
- САВИН Игорь Сергеевич.** Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1. savigsa@gmail.com
- ТУРСУНОВА Ранохон Юсупжановна.** Доктор исторических наук. Доцент кафедры политологии Университета мировой экономики и дипломатии. Адрес: Республика Узбекистан, 100007. г. Ташкент, просп. Мустакиллик, 54, корп. А. turrena72@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г. Одобрена после рецензирования: 1 июля 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akaev A. The Story that Passed Through my Heart. Moscow. Bishkek, 2003:286 [In Russian].
2. Gilanov M.M. Strategic Interests of Russia and China in Central Asia at the Present Stage. Aktual'nye issledovaniya [Current Research]. 2024; 1(183):41–44 [In Russian].
3. Dzhorobekova A.E. Features of National Strategies of the Central Asian States in the Context of the Formation of Regional Geopolitical Space. Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo [International Relations and Society]. 2019; 1(3):98–103 [In Russian].
4. Ibrokhimzoda U.K, Dmitrieva M.O., Rizoen Sh.Sh. Central Asia-China Summit: Regional aspects and geopolitical implications. Izvestiya Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]. 2023; 4:131–139 [In Russian]. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>.
5. Iskandarov K., Nazarov U. On the Methodology for Studying Integration Processes in Central Asia in the Third Decade of the XXI Century. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2024; 1(7):40–49 [In Russian].
6. Karimov I. Uzbekistan on the Threshold of the XXI Century: Threats to Security, Conditions and Guarantees of Progress. Moscow: Izdatel'skij dom «Drofa» [Publishing House «Drofa»], 1997:320 [In Russian].
7. Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Eurasia in the Foucault Perspective. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2024; 1:98–111 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111>.
8. Mirziyoeva S.Sh. Methodology of Regional Strategising in Central Asia. Strategirovanie: teoriya i praktika [Strategizing: Theory and Practice]. 2022; 2(3):319–332 [In Russian]. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-319-332>.
9. Nazarbayev N.A. In the Flow of History. Almaty: Atamura [Atamura], 1999:292 [In Russian].
10. Niyazov S. Ruhnama. Ashgabat: Turkmenskaya gosudarstvennaya izdatel'skaya sluzhba [Turkmen State Publishing Service], 2002:416 [In Russian].
11. Ozhiganov E.N. Strategic Culture: the Concept and the Directions of Research. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science]. 2012; 2:91–102 [In Russian].
12. Oktyabrskaya I.V. Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX – Early XXI Century. Society and Security Insights. 2023; 6(3):13–29 [In Russian]. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2023\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2023)3-01).
13. Rakhmon E. Tajiks in the Mirror of History. From Aryans to Samanids. Book One. St.Helier, Jersey: London & Flint River ed., 2000:244 [In Russian].
14. Sadyrova Z.T. Culture in the Karakhanid State. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Conservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. 2022; 28:124–130 [In Russian]. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.17>.
15. Strategic Guidelines for the Development of Central Asia: History, Trends and Prospects: Collection of Scientific Articles. Ekaterinburg, 2021:312 [In Russian].
16. Tursunova R.Ju. Modern History: the Role of Historical and Cultural Heritage in the Formation of the Identification of the Central Asian States. Yasau universitetiniń habarshysy [Bulletin of yassawi University]. 2021; 2(120):222–236 [In Russian]. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.605>.
17. Chernyshov S. Turkic Political Traditions in the System of Power Organization in the Russian State and Siberian Khanate as the Factor of their Successful Integration in the XVI–XVII Centuries. Idei i idealy [Ideas and Ideals]. 2018; 4(38):139–159 [In Russian]. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159>.

18. Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. The Rivalry of Regional and Non-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism. *Social'no-politicheskie nauki [Sociopolitical Sciences]*. 2024; 14(2):75–82 (In Rus.). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-75-82>. EDN: GVBGPB.

About the authors

Ainur E. DZHOROBEKOVA. DSc. (Polit.). CandSc. (Hist.). Professor. Head of the Department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambaev. Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn. <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>. Address: 36, Erkindik Bulevard, Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. donzhora1967@gmail.com

Umedjon Kh. IZATOV. CandSc. (Hist.). Associate Professor. Director of the Technological Park of Kulyab State University named after A.Rudaki. Address: 16, S.Safarova str., Kulyab, Khatlon region, 735360, Republic of Tajikistan. izatov.u@mail.ru

Edil K. KANATBEKOV. CandSc. (Polit.). Senior Lecturer at the Faculty of International Relations of Bishkek State University named after K.Karasaev. Address: 27, Chyngyz Aitmatov Avenue, Bishkek, 750065, Kyrgyz Republic. kanatbekovich.edil@gmail.com

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Mikhail D. KONOV. Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Modern Central Asia and Caucasus Studies at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>. Address: building 1, 12/1, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. konov_mihail@inbox.ru

Kubatbek K. RAKHIMOV. PhD in Economics. Executive Director of the Public Foundation "Applicata – Center for Strategic Solutions". <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>. Address: 79-808 Isanova str., Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic. kubat.rakhimov@gmail.com

Sherali Sh. RIZOYON. CandSc. (Polit.). Independent Expert. <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>. Address: Dushanbe, Republic of Tajikistan. sherali.rizoyon@gmail.com

Igor S. SAVIN. CandSc. (Hist.). Senior Researcher of the Centre for Research of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga Region at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>. Address: building 1, 12/1, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. savigsa@gmail.com

Ranoxon Yu. TURSUNOVA. DSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of Political Science at the University of World Economy and Diplomacy. Address: 54, building A, prospekt Mustakillik, Tashkent, 100007, Republic of Uzbekistan. turrena72@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: May 8, 2025. Approved after review: July 1, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327:94

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78)

Политические науки

Определение факторов влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг.: Турция, Великобритания, Индия

Антон Вадимович Котик ✉

Новосибирский государственный университет экономики и
управления, Новосибирск, Россия

Кыргызско-Российский славянский университет имени Б.Н.Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан

anton96nov@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируются факторы влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг. Внешнюю политику Республики Казахстан можно охарактеризовать как внешнюю политику «становящейся средней державы». На основе конструктивистского и поведенческого подходов рассматривается степень воздействия внерегиональных государств на внешнюю политику Казахстана. Проведен сравнительный анализ влияния Турции, Великобритании и Индии на внешнюю политику Казахстана. В рамках работы была проведена серия интервью с известными российскими экспертами по внешней политике стран Центральной Азии и Турции. В качестве факторов влияния были определены 3 направления сотрудничества: экономическое, политико-

дипломатическое и «умная сила». В ходе сравнительного анализа определено, что наиболее серьезное экономическое влияние на внешнюю политику Казахстана оказывает Турция, а Великобритания активно использует факторы «умной силы» для реализации своих интересов в стране. Влияние Индии в Казахстане остается ограниченным, но имеющим тенденцию к росту. Турция способна в среднесрочной перспективе перейти в «полоторный» ряд благодаря растущему экономическому влиянию и «умной силы». В статье делается вывод, что государства «второго ряда» не обладают полноценным влиянием на внешнюю политику Казахстана.

Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских образовательных и научных организаций в НИУ ВШЭ на основе данных, полученных в период стажировки. Автор статьи выражает благодарность российским экспертам-специалистам по внешней политике стран Центральной Азии, согласившимся дать свои экспертные комментарии.

Ключевые слова: внешняя политика Республики Казахстан, среднее государство, внешнеполитическое воздействие, Центральная Азия, Турция, Великобритания, Индия, «умная сила»

Для цитирования: Котик А.В. Определение факторов влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг.: Турция, Великобритания, Индия // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 59-78, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78)

Non-Regional States' Factors of the Influence on the Foreign Policy of Republic of Kazakhstan in 2014–2024: Turkey, Great Britain and India

Anton V. Kotik ✉

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N.Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
anton96nov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the influence of non-regional states on Kazakhstan's foreign policy in 2014–2024. Kazakhstan's policy is similar to that of a “becoming middle power”. The author uses constructivist and behavioural approaches to consider the influence of second-row states on Kazakhstan foreign policy. The article compares Turkish, British, and Indian actions towards Kazakhstan. The author interviewed prominent Russian specialists on Central Asian and Turkish foreign policy. There are three areas of influence: economic cooperation, political and diplomatic cooperation, and “smart power”. Turkey has a strong presence in economic cooperation with Kazakhstan, while Great Britain dominates in

“smart power” in Kazakhstan. India's influence is small and limited, but it can increase its position. Turkey will become a “semi-power” thanks to its economic clout and smart-power moves. The author points out that no “second-tier” state obtains full power in Kazakhstan foreign policy.

The article was prepared within the framework of the program for employees and post-graduate students of Russian universities and scientific organizations at HSE University in Moscow. The author thanks Russian experts in Central Asian studies who agreed to comment on the topic of the article.

Keywords: Kazakhstani foreign policy, middle power, foreign policy influence, Central Asia, Turkey, Great Britain, India, smart power

For citation: Kotik A.V. Non-Regional States' Factors of the Influence on the Foreign Policy of Republic of Kazakhstan in 2014–2024: Turkey, Great Britain and India. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 59-78, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78)

Введение

Внешнеполитический вес Республики Казахстан в 2014–2024 гг. значительно возрос: государство стремится играть более активную роль на постсоветском и евразийском пространствах. Казахстан одновременно принимает участие во многих международных организациях. Среди них:

- Организация Объединенных наций (ООН);
- Евразийское экономическое сотрудничество (ЕАЭС);
- Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);
- Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ);
- Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВДМА);
- Организация тюркских государств (ОТГ);
- Организация экономического сотрудничества (ОЭС);
- Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и др.

Помимо этого, казахстанская дипломатия стремится реализовать активное двустороннее сотрудничество как с крупными региональными и внерегиональными державами и объединениями (Россия, Китай, США, ЕС (включая Германию и Францию)), так и с внерегиональными игроками «второго ряда» в лице Турции, Великобритании, Японии, Южной Кореи, Индии и стран Персидского залива. Феномен многовекторности, прямо закрепленный в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг., показывает, что международная деятельность Республики Казахстан направлена на диверсификацию внешних связей и стремление к внешнеполитическому балансированию на мировой арене¹.

Подобное «поведение» государства определенно соответствует внешнеполитическим действиям «средней державы». И хотя Казахстан является только «становящейся средней державой» [18, р. 248-249], но стремление к выработке собственного влияния на евразийском пространстве со стороны официальной

¹ О концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody.

Астаны присутствует. В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. прямо подчеркивается, что Казахстан является «средним региональным государством», и на внешнюю политику средних держав прямо влияют системные факторы в виде событий и тенденций на глобальном и региональном уровне, непосредственно отражающихся на внешнеполитической повестке дня².

К подобным тенденциям на региональном уровне можно отнести взаимодействие Казахстана с такими внерегиональными игроками, как Турция, Великобритания и Индия. Внешнеполитическое влияние данных государств, по сравнению с такими ведущими региональными и внерегиональными державами, как Россия, Китай, США и ЕС (вместе с Францией и Германией), несколько слабее. Тем не менее данные государства способны повлиять на внешнюю политику Казахстана в разных областях сотрудничества: от культурно-образовательного (в случае Турции) и политико-дипломатического (у Великобритании) до экономического (у Индии).

Однако нужно подчеркнуть, что термины «средняя держава» и «многовекторность» являются разными, хотя и схожими по своему содержанию. Если под «средней державой» можно подразумевать государство, которое обладает ресурсами среднего уровня и соответствующим внешнеполитическим (автономным) поведением [14, р. 54], то под «многовекторностью» подразумевается практика балансирования между крупными державами, и одна из форм диверсификации собственной внешней политики – от стремления к автономности и суверенитету до интеграции в глобальную экономику [12, р. 300-302]. При этом некоторые зарубежные исследователи считают «среднюю державу» разновидностью «развивающейся державы» – государством, чье влияние в перераспределении мирового богатства (ВВП) растет и которое увеличивает свое политическое влияние в мире [14, р. 65]. При этом у «средней державы» есть возможность для развития большей внешнеполитической автономии, включающей в себя возможность для взаимодействия с противоборствующими блоками и / или организациями [13, р. 218-220].

Также важно отметить, что членство Казахстана в ШОС несколько контрастирует со статусом «средней державы»: в организации одновременно три крупные региональные и внерегиональные державы – Китай, Россия и Индия. И хотя в действующей Концепции внешней политики Казахстана ШОС упоминается наряду с СВМДА и ОЭС³, роль организации для внешней политики страны является довольно важной.

В данной статье предлагается провести сравнительный анализ внешнеполитического воздействия на внешнюю политику Республики Казахстан со стороны Турции, Великобритании и Индии как внерегиональных игроков «второго ряда» в Центральной Азии (ЦА).

² Там же.

³ Указ № 280 Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. «О концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы». URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptsi-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody.

Материалы и методы

Данная статья опирается на конструктивистский и поведенческий подходы. Конструктивистская рамка позволяет глубже понять истоки казахстанского внешнеполитического самопозиционирования на мировой арене как «средней державы», выделить особенности взаимодействия Казахстана с государствами «второго ряда» и определить границы подобного сотрудничества.

Поведенческий (необихевиористский) подход в международных отношениях позволяет выделить основные аспекты внешнеполитического поведения государства, определить его основные черты (межгосударственное и международное взаимодействие, участие государства в международных организациях) и их влияние на внешнюю политику Республики Казахстан. Внешнеполитическое поведение «средней державы» проявляется в активном стремлении к улаживанию конфликтов и поиске нового статуса на мировой арене [1, с. 48]. Стоит отметить, что среди казахстанских исследователей уже есть попытки анализа внешнеполитического поведения с использованием поведенческого подхода – с сочетанием конструктивистского подхода [9] или либерального институционализма [18].

В ходе проведения данного исследования была проведена серия экспертных интервью, в которых обсуждались вопросы, связанные с уровнем влияния государств «второго ряда» на внешнюю политику Республики Казахстан. В период с 4 по 28 февраля 2025 г. автор данной статьи провел интервью с 5 экспертами из российских научных организаций, специализирующихся на исследованиях центральноазиатского региона. Опрашиваемые эксперты являются специалистами в области внешней политики стран Центральной Азии и Турции. Экспертам было предложено ответить на вопросы анкеты, посвященные взаимоотношениям Казахстана с Великобританией, Турцией и Индией. Подробные комментарии исследователей легли в основу настоящего исследования.

Нужно отметить, что терминологическое поле еще не до конца проработано и данная статья выступает как часть большой дискуссии по проблематике «средней державы».

Результаты исследования

Выбор данных внерегиональных держав (Турция, Великобритания, Индия) обусловлен следующими причинами:

- данные государства имеют сильные позиции в отдельных отраслях внешнеполитического сотрудничества с Казахстаном. Например, Турция обладает сильным влиянием в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества с Казахстаном, но турецко-казахстанское экономическое взаимодействие уступает

российскому и китайскому. В случае с Индией значимое сотрудничество есть в металлургической отрасли при скромных показателях в остальных сферах взаимодействия;

- внерегиональные государства «второго ряда» стремятся выработать собственную стратегию взаимодействия с Казахстаном как одной из ключевых стран ЦА (в большей степени – Турция; в меньшей – Великобритания). Для Казахстана как «восходящей средней державы» (термин казахстанского политолога А.Бахтияровой) взаимодействие с внерегиональными государствами и международными организациями является возможностью обосновать легитимность своих внешнеполитических действий с последующим повышением собственной значимости на евразийском пространстве [11, р. 56-58];

- заинтересованность казахстанской дипломатии к дифференциации внешнеполитических связей и практическая реализация принципа многовекторности в собственной внешней политике.

В качестве основных критериев анализа взаимодействия Казахстана с внерегиональными державами в статье рассматриваются 3 направления:

- 1) политико-дипломатическое;
- 2) социально-экономическое;
- 3) «умная сила», включающая в себя:
  - 3.1) научно-образовательное сотрудничество;
  - 3.2) культурно-гуманитарное сотрудничество.

В данной работе под термином «второй ряд» подразумевается совокупность государств (региональных и внерегиональных по отношению к Центрально-Азиатскому региону), которые имеют сильное или относительно сильное влияние в отдельной сфере сотрудничества (экономическое, политико-дипломатическое, научно-образовательное, культурно-образовательное), но которые не могут влиять на все сферы сотрудничества.

Казахстан – Турция

Экономическое сотрудничество

Центральноазиатское взаимодействие является важным для турецкой внешней политики: Турция является создателем ОТГ и активно развивает внешнеполитическое сотрудничество с Казахстаном: согласно данным казахстанского бизнес-издания IS, Турция занимает 4-е место в списке торгово-экономических партнеров, уступая только России, Китаю и Италии. Сумма товарооборота между двумя странами (по данным на конец 2024 г.) составляет 4,9 млрд долларов США⁴. Основной интерес турецких

⁴ Шамсутдинова Ж. Торговля между Казахстаном и Турцией продолжает сокращаться. URL: <https://lsm.kz/torgovlya-mezhdu-kazahstanom-i-turcej-prodolzhaet-sokrashat-sya-infografika>.

компаний проявляется в поставках продуктов питания, одежды и промышленного оборудования, а также в сфере строительства⁵.

Однако назвать безоблачными экономические отношения Турции и Казахстана нельзя: по словам одного из российских экспертов, турецкое участие в казахстанской экономике не всегда приводит к положительному результату. Турецкие компании активно инвестировали в компании по производству кондитерских изделий. Более того, некоторые казахстанские компании в этой сфере были выкуплены турецкими инвесторами. В результате качество кондитерских изделий в турецких и контролируемых турецкими инвесторами компаниях снизилось⁶.

Данный эпизод может говорить о том, что попытки усилить турецкое экономическое влияние в Казахстане оставляют желать лучшего. Тем не менее Турция стремится расширять экономическую часть своего сотрудничества с Казахстаном: по объему турецкой внешней помощи Казахстан стоит на 3-м месте, уступая только Сирии и Сомали, а по объему входящих инвестиций – также 3-м (после России и Азербайджана)⁷. Кроме того, турецкое руководство продолжает поддерживать инициативы, направленные на снижение российского влияния – в частности, поддержка развития Среднего коридора, альтернативного финансируемого Россией МТК «Север – Юг» [8, с. 141].

По мнению другого российского исследователя, несмотря на наличие большого количества турецких компаний в казахстанской экономике, уровень турецких капиталовложений значительно уступает российским и китайским. Более того, ввиду сложной экономической ситуации в самой Турции турецкие власти сами находятся в поисках инвестиций и источников финансирования, что несколько затрудняет реализацию турецких инициатив в ЦА⁸.

Исходя из вышесказанного, Турция активно пытается усилить свое экономическое влияние в Казахстане, однако экономические результаты уступают турецким успехам в политико-дипломатической сфере и усилении своей «умной силы». Попытки активизировать экономическое сотрудничество по линии ОТГ со стороны пока не являются результативными⁹. Несмотря на высокий показатель экономического взаимодействия с Казахстаном и активное присутствие в экономике страны, турецкие компании пока уступают в этом показателе российским и китайским конкурентам.

Политико-дипломатическое направление

С другой стороны, со стороны Турции предпринимаются попытки усиления влияния в политико-дипломатической сфере. Турция и Казахстан одновременно

⁵ Товарооборот между Казахстаном и Турцией: особенности и нюансы. URL: <https://www.bcc.kz/bcc-journal/kazakhstan-turkey-trade/>.

⁶ Интервью с экспертом 1; 10, 12 февраля 2025 г.

⁷ Интервью с экспертом 5; 24 февраля 2025 г.

⁸ Там же.

⁹ Интервью с экспертом 3; 19 февраля 2025 г.

состоят в таких крупных региональных организациях, как ОТГ, ОЭС и СВДМА. Кроме того, делаются попытки создания региональных политических группировок на каспийском пространстве. Казахстан стремится к тому, чтобы СВДМА стало важным фактором для казахстанской дипломатии.

Отдельное внимание следует обратить на взаимодействие по линии ОТГ, которая существует в своем нынешнем виде с 2021 г. Турция пытается повысить статус ОТГ с помощью выработки общей коллективной идентичности и выступления единым фронтом при обсуждении важных международных вопросов [7, с. 56]. Более того, можно говорить о попытке турецкой дипломатии заместить проект евразийской интеграции, поддерживаемый Россией, собственным проектом интеграции тюркских народов по линии ОТГ [4, с. 61].

По мнению видного российского эксперта, специализирующегося на внешней политике стран ЦА, турецкая дипломатия стремится активно позиционировать ОТГ как ведущую интеграционную площадку для государств ЦА, включая и Казахстан. Но подобные усилия не всегда бывают эффективными: во время саммита организации в 2023 г. Турция пыталась пролоббировать включение Турецкой Республики Северного Кипра (признана только самой Турцией) в ОТГ на правах наблюдателя. Казахстан выступил против вступления непризнанного Северного Кипра в организацию, продемонстрировав свое несогласие с турецким предложением¹⁰. Другой относительной неудачей следует считать слабую интеграцию в институты ОТГ Туркменистана ввиду желания последнего сохранить свою нейтральность [4, с. 64]. Однако сами же казахстанские дипломаты признают значимость ОТГ для собственной внешней политики, что подтвердило председательство Казахстана в организации в 2023–2024 гг., которое прошло под лозунгом «TURK TIME!»¹¹.

Развитие турецко-казахстанского сотрудничества по линии ОТГ является попыткой турецкой дипломатии институционализировать свое политическое влияние в Казахстане и других государствах ЦА (как тюркских, так и не только). Можно согласиться с мнением видного российского политолога-специалиста по политическим процессам в странах ЦА, который считает, что Центральная-Азиатский регион имеет меньший приоритет для турецкой внешней политики, чем Ближний Восток, на котором официальная Анкара является одной из ведущих региональных держав¹². В то же время ОТГ проходит процедуру институционализации в настоящий момент, и через некоторое время данная организация может вполне стать конкурентом поддерживаемых Россией СНГ и ЕАЭС (хотя последний логичнее сравнивать с ОЭС, который также поддерживается Турцией), активно используя идею пантюркизма¹³. ОТГ и формат C5+1 с участием Турции является важным проектом для турецкой внешней политики в ЦА.

10 Интервью с экспертом 2; 11 февраля 2025 г.

11 Казахстан успешно завершил свое председательство в ОТГ. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/878576>.

12 Интервью с экспертом 4; 20 февраля 2025 г.

13 Интервью с экспертом 1; 10, 12 февраля 2025 г.

«Умная сила»

Данное направление турецко-казахстанского взаимодействия является одним из приоритетных и эффективных в двусторонних отношениях. Турция активно влияет на культурно-гуманитарную и научно-образовательную сферы Казахстана с помощью таких институтов, как ТИКА, Институты Юнеса Эмре и Тюркская академия, базирующаяся в Астане.

ТИКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации) начало свою работу в Казахстане еще на излете существования Казахской ССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Однако вплоть до 2010-х гг. назвать эффективной работу организации в Казахстане было нельзя ввиду отсутствия четкого видения турецкой политики по отношению к странам ЦА¹⁴. Однако по мере усиления политического и экономического присутствия Турции в регионе роль ТИКА начинает качественно меняться: по линии организации идет активное финансирование разных турецких проектов в Казахстане – от экономических до культурно-гуманитарных – в духе пантюркизма¹⁵. Однако не только ТИКА играет значимую роль в усилении турецкого влияния в Казахстане.

Активную роль в продвижении турецких языка и культуры в Казахстане играют Институты Юнеса Эмре; в образовательной сфере – фонд «Маариф» и ранее – «Гюленовские школы». По словам одного из российских экспертов, опрошенных в ходе работы над статьей, научно-образовательное направление является одно из чувствительных точек для турецкой внешней политики. Ранее продвижением турецкого образования за рубежом занимались структуры, связанные с проповедником Ф.Гюленом и его движением «Хизмет», оказавшим сильное влияние на политические взгляды нынешнего турецкого президента Р.Т.Эрдогана. После попытки военного переворота в Турции в 2016 г. отношения между Ф.Гюленом и Р.Т.Эрдоганом ухудшились, что привело к постепенному закрытию «Гюленовских школ»¹⁶. Впоследствии некоторые зарубежные школы перешли под контроль турецкого правительства. Можно согласиться с заведующим сектором Центральной Азии ИМЭМО РАН С.А.Притчиным, который справедливо указывает на прямую связь между обучением на финансируемых турецким правительством образовательных программах и продвижением сторонников турецких интересов в странах ЦА [7, с. 58].

К важным инструментам культурно-гуманитарного влияния Турции в Казахстане можно отнести:

- финансирование стипендий для обучения в турецких вузах в рамках государственной программы «Turkiye Burslari»;
- финансирование программ мобильности по линии ЕТБ (взаимодействие с диаспорой и молодежные обмены);
- дианет (помощь в обучении религиозного персонала).

14 Там же.

15 Интервью с экспертом 5; 24 февраля 2025 г.

16 Там же.

Вышеперечисленные институты являются инструментами турецкой «умной силы» и способствуют повышению популярности турецкой модели среди молодежи стран ЦА, в том числе Казахстана [8, с. 142-143]. К этому можно добавить и деятельность Тюркской академии, деятельность которой прямо влияет на восприятие казахстанскими академическими кругами турецкой модели. Турция стремится предлагать свою модель высшего образования, которую можно охарактеризовать как гражданское и светское образование с адаптированными под турецкую реальность достижениями западного образования¹⁷. Создание и поддержка двух казахстанско-турецких университетов – Университета имени Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане и Университета имени Сулеймана Демиреля в Алматинской области – тоже можно отнести к инструментам турецкой «умной силы» в Казахстане.

Однако и в этом направлении у турецкой дипломатии имеются определенные неудачи. Имелись случаи, когда студенты, поступавшие в турецкие университеты при поддержке турецких институтов «умной силы» спустя некоторое время предпочитали либо возвращаться в Казахстан, либо поступать в российские или западные университеты по линии казахстанской государственной стипендии «Болашак»¹⁸.

В целом «умная сила» Турции является эффективным инструментом продвижения своего влияния на внешнюю политику Республики Казахстан: идеи продвижения турецкого образования, единых тюркских алфавита и языка и обучение кадров из стран ЦА в протурецком духе позволяют турецкой дипломатии рассчитывать на усиление своего влияния в Казахстане¹⁹. По словам одного из российских экспертов, идеологическая сфера – то направление турецкой внешней политики, которое можно назвать наиболее эффективным в ЦА. В определенной степени Турция уже не является игроком «второго ряда» в ЦА, но ее экономическое и политическое влияние недостаточно для «перехода» в «первый ряд»²⁰. По словам другого эксперта, Турция – государство, которое сумело перерасти статус региональной «средней державы» и которое будет использовать казахстанскую многовекторность для усиления своего влияния на официальную Астану²¹. Турецкое влияние на Казахстан является наиболее значимым из числа выбранных для данного исследования внерегиональных государств.

Казахстан – Индия

Экономическое сотрудничество

Индийское направление казахстанской внешней политики является относительно новым. Хотя торгово-экономические отношения были установлены

еще в 1990-х гг., но интенсификация экономического сотрудничества началась сравнительно недавно: согласно данным Министерства иностранных дел Индии, товарооборот между странами в 2023 г. составил примерно 1 млрд долларов США, что делает Казахстан ведущим торгово-экономическим партнером Индии в ЦА²². В то же время данные за сентябрь 2023 г. давали большую цифру – почти 2,5 млрд долларов США²³. Однако доля Индии во внешней торговле Казахстана является небольшой – лишь 0,41% и 11-е место в списке торгово-экономических партнеров [16, р. 71].

Экономическая сфера является наиболее проработанной в казахстанско-индийских отношениях: Казахстан поставляет в Индию нефть, ферросплавы и водород, а взамен импортирует из Индии лекарственные изделия, летательные и мобильные аппараты и чай²⁴. Также важными отраслями сотрудничества являются металлургическая и энергетическая сферы. Индийский металлургический флагман ArcelorMittal (2-я по величине в мире металлургическая компания) до ноября 2023 г. владел шахтами в Карагандинской области. После трагических событий в Темиртау компания окончательно продала свою долю казахстанским инвесторам. В то же время индийские инвесторы сумели найти свою нишу экономического сотрудничества с Казахстаном и принять правила игры в казахстанской экономике²⁵.

«Слабым звеном» торгово-экономического сотрудничества Индии и Казахстана является слабый показатель индийских инвестиций в ЦА: по данным на 2022 г., сумма индийских капиталовложений составила лишь 22 млн долларов США, или 0,09% от общего числа прямых иностранных инвестиций в Казахстан [16, р. 75]. Как показали в своей работе, посвященной анализу перспектив казахстанско-индийских отношений, казахстанские исследователи А.М.Муратбекова и А.А.Хитахунов, одним из возможных драйверов экономического взаимодействия между Казахстаном и Индией может стать сфера информационных технологий [16, р. 76]. Данная точка зрения является вполне реалистичной.

В целом экономическое сотрудничество рассматривается как наиболее развитое в казахстанско-индийских отношениях: индийский бизнес инвестирует в проекты в сфере металлургии и энергетики. В то же время экономическая сфера остается единственной относительно проработанной в казахстанско-индийских отношениях.

Политико-дипломатическое сотрудничество

Что касается политического взаимодействия Казахстана и Индии, то данное направление остается непроработанным ввиду тесных политических и

22 India-Kazakhstan Relations: Bilateral Brief. Ministry of External Affairs of India. URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Bilat-Brief-July-2024.pdf>.

23 India-Kazakhstan Relations: Bilateral Brief. Ministry of External Affairs of India. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Unclassified_bilateral_brief_Sept-2023.pdf.

24 Казахстан и Индия обсудили перспективы экономического сотрудничества. URL: <https://dknews.kz/ru/ekonomika/313414-kazakhstan-i-indiya-obsudili-perspektivy>.

25 Интервью с экспертом 1; 10, 12 февраля 2025 г.

17 Интервью с экспертом 1; 10, 12 февраля 2025 г.

18 Там же.

19 Интервью с экспертом 4; 20 февраля 2025 г.

20 Интервью с экспертом 2; 11 февраля 2025 г.

21 Интервью с экспертом 5; 24 февраля 2025 г.

экономических отношений Казахстана и Китая – давнего конкурента официального Нью-Дели. Военно-политическая поддержка Пакистана со стороны Китая является дополнительным фактором, ухудшающим отношения двух крупнейших по населению стран мира [2, с. 43]. В случае с Казахстаном это проявляется в том, что индийские инвесторы пытаются усложнить участие своих китайских конкурентов на бизнес-тендерах, и в бойкоте китайской продукции в Казахстане²⁶.

Политико-дипломатическое влияние Индии на Казахстан является небольшим и ограничивается совместным участием двух стран в деятельности ШОС и СВМДА. Имеется формат С5+Индия на уровне глав государств ЦА и Индии (с 2022 г.). Отдельно Индия заинтересована в заключении соглашения о Зоне свободной торговли с ЕАЭС [2, с. 46]. В то же время индийская дипломатия включает казахстанское направление как часть общей политики страны в ЦА.

Одним из немногих примеров активного прямого взаимодействия Индии и Казахстана является афганский фактор. После возвращения к власти в 2021 г. движения «Талибан» Казахстан и Индия активно оказывают гуманитарную поддержку стране, чья безопасность важна как для стран ЦА, так и для Индии. Основным документом в этом направлении является Делийская декларация от 27 января 2022 г. [6, с. 141]. Оба государства заинтересованы в обеспечении безопасности своих границ и уменьшении рисков, связанных с тяжелой внутривнутриполитической ситуацией в Афганистане.

Политико-дипломатическое направление между Казахстаном и Индией остается на «низком старте»: при наличии совместного членства в ШОС и СВМДА и стремлении к снижению рисков безопасности, связанных с Афганистаном, политический формат взаимодействия двух стран сильно уступает экономическому. На это влияют как тесные казахстанско-китайские отношения, так и малое количество иностранных инвестиций со стороны индийских компаний. Индийское влияние на внешнюю политику Казахстана является относительно небольшим, но стабильным, особенно в отдельных отраслях сотрудничества (металлургия, энергетика, ситуация в Афганистане). При этом оно значительно уступает турецкому и британскому влиянию в Казахстане.

«Умная сила»

Факторы «умной силы» в казахстанско-индийских отношениях остаются нереализованными при наличии у них потенциала. В отличие от Турции и Великобритании индийские государственные структуры и институты практически не активны в Казахстане.

Согласно данным индийского исследователя Р.Прадхана, между Министерством молодежных отношений и спорта Индии и Министерством культуры и спорта Казахстана было заключено соглашение о сотрудничестве в сфере

физической культуры и спорта. К этому соглашению можно добавить и инициативу «Connect Central Asia Policy», которая была выдвинута министром иностранных дел Индии и видным дипломатом Э.Ахамедом в еще в 2012 г. В рамках подобной инициативы предлагается налаживание совместного научного сотрудничества, стратегического партнерства в сфере обороны и безопасности, здравоохранения и информационных технологий [17, р. 56-57].

Однако данная инициатива была предназначена в целом для развития сотрудничества в формате «Индия – государства Центральной Азии» без отдельного выделения Казахстана. Индийская внешняя политика рассматривает Центрально-Азиатский регион в целом – без выделения отдельных государств. Например, в 2015 г. был создан деловой совет «Индия – Центральная Азия» и одновременно Индия выделила заем в размере 1 млрд долларов США странам ЦА [15, р. 359].

В отличие от турецких и британских инициатив индийские проекты в сфере «умной силы» ограничены реализацией проектов, связанных с экономическими и военно-политическими сферами. Можно согласиться с казахстанскими исследователями О.Абдурашитовым и Э.Гусейновым, которые справедливо указывают, что ИТ-технологии, здравоохранение и реализация инфраструктурных проектов между Индией и странами ЦА (в т.ч. Казахстаном) будут способствовать повышению роли Индии в регионе в долгосрочной перспективе [10]. Потенциальной «точкой роста» для индийской «умной силы» может стать развитие сотрудничества с Казахстаном в сфере ИТ-технологий и смежных с ней сферах. Однако подобное сотрудничество только начинает набирать свои обороты.

Казахстан – Великобритания

Экономическое сотрудничество

Великобритания и Казахстан имеют давние политико-дипломатические и экономические связи: британские компании активно работают на территории Казахстана, созданный в Астане Международный финансовый центр проводит арбитраж по англосаксонскому праву.

По данным посольства Казахстана в Великобритании, товарооборот между двумя странами за январь-ноябрь 2024 г. составил 800,8 млн долларов США с небольшим преобладанием импорта. Британские инвестиции в экономику Казахстана за январь-сентябрь 2024 г. составляют 546,2 млн долларов США²⁷. Однако важно оговориться, что британские инвестиции из офшорных территорий, входящих в состав Британского Содружества (Бермудские острова, Каймановы острова, Британские Виргинские острова и др.), не включены в данные подсчеты. Это усложняет точный подсчет суммы британских прямых инвестиций в экономику Казахстана.

²⁶ Там же.

²⁷ Торгово-экономическое сотрудничество. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-london/press/article/details/4161>.

Первый президент Казахстана Н.А.Назарбаев в своих мемуарах, написанных после ухода из политики, позитивно отзывался об экономической политике консервативного премьер-министра Великобритании М.Тэтчер [5, с. 543-544]. Учитывая исторический интерес Великобритании к ЦА, анализ уровня британского влияния на внешнюю политику Казахстана вызывает определенный интерес.

Важным источником при рассмотрении британского влияния на внешнюю политику Казахстана и стран ЦА является доклад «Countries at Crossroads: UK Engagement in Central Asia» («Страны на перепутье: взаимодействие Великобритании в Центральной Азии»), выпущенный британской Палатой общин в октябре 2023 г.²⁸ Основанный на комментариях ведущих британских экспертов – специалистов по странам ЦА, документ обозначает основные направления взаимодействия Великобритании с государствами Центрально-Азиатского региона.

На территории Казахстана работают крупные британские компании, например British Petroleum. Кроме того, британские инвесторы через связанные с ними казахстанские фирмы владеют больше 50% акций ведущего казахстанского авиаперевозчика – Air Astana. По словам одного из опрошенных российских экспертов, британский контроль над Air Astana сыграл свою роль в 2022 г., когда после начала украинского кризиса британские акционеры авиаперевозчика заблокировали полеты над территорией России, в результате чего компания потеряла важный для нее рынок²⁹.

Тем не менее экономическое влияние Великобритании в Казахстане довольно ограничено, хотя и не является слабым: на территории Казахстана действуют 550 компаний с британским капиталом³⁰. Кроме того, сложная социально-экономическая ситуация в стране, вызванная выходом Великобритании из Евросоюза («Brexit»), сильно сокращает возможности Соединенного Королевства использовать финансовые рычаги в полной мере. В то же время рассмотрение финансовых вопросов в МФЦ «Астана» проходит по правилам англосаксонского прецедентного права и с привлечением британских судей. Наличие на территории Казахстана института, прямо работающего по принципу англосаксонского права, позволяет Великобритании иметь определенное влияние на казахстанские бизнес-круги.

Политико-дипломатическое сотрудничество

Политическое взаимодействие между Казахстаном и Великобританией является больше двусторонним (совместное членство двух государств в ОБСЕ скорее не учитывается). Важной вехой для взаимоотношений между Казахстаном (и другими

странами ЦА) и Великобританией стало турне в мае 2024 г. тогдашнего министра иностранных дел Королевства (и бывшего премьер-министра) Д.Кэмерона по странам региона (включая и Монголию, которая политически не является частью ЦА). В ходе визита в Казахстан Д.Кэмерон и его казахстанский коллега М.Нуртлеу заключили всеобъемлющее соглашение о стратегическом партнерстве между двумя странами и договорились о выделении 50 млн фунтов стерлингов на проекты по развитию в странах ЦА в течение 3 лет³¹.

С одной стороны, Великобритания стремится вести собственную внешнюю политику в регионе, хотя и в резонанс с американской и европейской. Интерес Соединенного Королевства к странам ЦА вполне укладывается в стремление западных государств к сдерживанию Китая и России в условиях ухудшения отношений западных стран с Россией [3, с. 106].

С другой стороны, у британской дипломатии имеется неформальный рычаг давления на казахстанскую политическую элиту с неформальных контактов. По мнению российского эксперта, опрошенного в ходе работы над данной статьей, британские и казахстанские дипломаты достаточно регулярно общаются, однако очень сложно определить грань между формальными и неформальными контактами³². По мнению другого исследователя, представители казахстанской политической элиты сейчас предпочитают выводить свои финансовые активы из Великобритании в более надежные юрисдикции – например, в Объединенные Арабские Эмираты³³.

Великобритания как политический игрок в уровне своего влияния на Казахстан несколько уступает не только крупным региональным игрокам, таким как Россия и/или Китай, но и своим союзникам по евроатлантическому лагерю в лице США, Германии и Франции. При наличии интересов к природным ресурсам Казахстана Соединенное Королевство проявляет больший интерес скорее к региону Ближнего Востока и Северной Африки, чем к ЦА³⁴. Однако у Великобритании остается важный инструмент влияния в регионе – «умная сила».

«Умная сила»

Факторы «умной силы» в лице культурно-гуманитарного и научно-образовательного компонентов играют немалую роль в казахстанско-британских отношениях. Учитывая, что британские университеты занимают высокие позиции в международных рейтингах, «умная сила» приобретает особое значение для британской внешней политики в ЦА.

По словам известного российского политолога, британская дипломатия заинтересована в привлечении элитных кадров из Казахстана для обучения

28 Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia. Tenth Report of Session 2022–23. House of Commons, 17 October 2023. <https://committees.parliament.uk/publications/41982/documents/208818/default/>.

29 Интервью с экспертом 2; 11 февраля 2025 г.

30 Тулекбаева А. В Казахстане действует 550 предприятий с участием британского капитала // Казахстанская правда, 17 января 2025 г. URL: <https://kazpravda.kz/n/v-kazahstane-deystvuyut-550-predpriyatij-s-uchastiem-britanskogo-kapitala/>.

31 Визит Кэмерона: о чем договорились Казахстан и Великобритания. URL: https://forbes.kz/articles/novyie_universitetyi_proizvodstvo_lekarstv_stroitelstvo_avtoservisov_o_chem_dogovorilis_kazahstan_i_velikobritaniya

32 Интервью с экспертом 2; 11 февраля 2025 г.

33 Интервью с экспертом 3; 19 февраля 2025 г.

34 Интервью с экспертом 4; 20 февраля 2025 г.

в собственных университетах. В пользу этого аргумента говорит и тот факт, что большинство стипендий по государственной стипендиальной программе «Болашак» предназначено для обучения в зарубежных вузах (страны-члены ЕС, США, Великобритания), а не в России³⁵.

Можно добавить, что Великобритания стремится развивать свою «умную силу» и через научно-образовательное сотрудничество: в Казахстане уже работает Казахстанско-Британский технический университет. Кроме того, в ходе ранее упомянутого визита министра иностранных дел Великобритании Д.Кэмерона в Астану были достигнуты договоренности о сотрудничестве между университетами Ковентри и казахстанским Primus Education, о создании кампуса британского университета в Казахстане и создании филиала Университета Королевы Белфаста на базе Университета Нархоз³⁶. В условиях, когда на территории Казахстана открываются филиалы иностранных вузов (Россия, США, Франция, Великобритания, Южная Корея, Германия и др.), данные проекты могут стать дополнительным фактором для усиления британской «умной силы» в регионе в целом и в Казахстане в частности.

Еще одним важным элементом британской «умной силы» в Казахстане следует считать финансирование медиаресурсов и некоммерческих организаций (НКО). По мнению российского эксперта, у британской дипломатии есть два рычага воздействия в этом направлении: финансовая поддержка НКО и СМИ и оказание услуг в сфере консалтинга и стратегического планирования. В последнем случае на руку организациям, которые поддерживаются британской дипломатией, играет отсутствие либо слабый интерес казахстанских чиновников к разработке собственных документов (стратегий) в сфере государственного управления и менеджмента³⁷. «Консалтинговый рычаг» является специфическим инструментом британского влияния в Казахстане и возможностью прямо влиять на казахстанских чиновников и бизнесменов. В то же время, по мнению исследователя, возможности для прозападных СМИ в Казахстане постепенно сокращаются, и им приходится действовать более осторожно для реализации своей повестки дня³⁸.

В целом британское влияние на внешнюю политику Казахстана уступает турецкому, но превосходит индийское. Основную роль в продвижении британских интересов играет фактор «умной силы» в лице высококачественного высшего образования в самой Великобритании и влияния консалтинговых фирм на реализацию стратегий и управленческих решений среди казахстанских чиновников и бизнесменов. Великобритания стремится реализовывать собственную внешнюю политику в ЦА, но в резонансе с союзниками по евроатлантическому пространству. В то же время в ходе турне 2023 г. тогдашнего министра иностранных дел Великобритании Д.Кэмерона Великобритания добилась ограниченных результатов,

35 Интервью с экспертом 3; 19 февраля 2025 г.

36 Визит Кэмерона: о чем договорились Казахстан и Великобритания. URL: https://forbes.kz/articles/novyie_universitetyi_proizvodstvo_lekarstv_stroitelstvo_avtoservisov_o_chem_dogovorilis_kazahstan_i_velikobritaniya.

37 Интервью с экспертом 1; 10, 12 февраля 2025 г.

38 Там же.

в основном – в сфере «умной силы» (образование, наука и культура), в частности, через организацию курсов изучения английского языка по линии British Council³⁹.

Выводы

Как показало данное исследование, влияние внерегиональных государств «второго ряда» на внешнюю политику Казахстана является разным: в случае с Турцией можно говорить об успешном влиянии методов «умной силы» на взаимоотношения с Казахстаном; в то время как индийское влияние является относительно новым в ЦА и значительно уступает турецкому и британскому. В таблице ниже представлены те виды влияния, которые проявляются внерегиональными государствами во взаимодействии с Казахстаном, где «+» – скорее полное присутствие; «+ –» – скорее присутствует; «– +» – скорее слабое; «–» – практически полностью отсутствует.

Таблица. Наличие / отсутствие внешнеполитического влияния государств «второго ряда» на внешнюю политику Республики Казахстан

Table. The Presence / Absence of the Influence of Foreign Policy of the “Second-Tier” States on the Foreign Policy of Kazakhstan

Влияние	Турция	Великобритания	Индия
Экономическое	+ –	+ – либо – +	–
Политико-дипломатическое	+	+ –	–
«Умная сила»	+	+	–

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

Как видно из таблицы, наиболее проработанную политику взаимодействия с Казахстаном имеет Турция. Великобритания обладает относительно сильным влиянием в сферах, связанных с «мягкой силой» при более худших показателях в экономической и политико-дипломатической сферах. Индия же обладает наименьшим влиянием из выбранных стран «второго ряда». Это можно объяснить тем, что ЦА является относительно новым направлением для индийской внешней политики, и тем, что государства ЦА имеют тесные связи с Китаем – давним конкурентом Индии. В то же время у официального Нью-Дели есть шанс расширить свои источники влияния в Казахстане с помощью либо экономических факторов (сотрудничество по линии IT-индустрии и смежных направлений), либо с помощью политических механизмов по линии ШОС.

В целом данный сравнительный анализ показал, что ни одна из стран «второго ряда» не обладает полным стабильным влиянием на внешнюю политику Казахстана, включая Турцию. В то же время Турция имеет определенные шансы на то, чтобы

39 * Генпрокуратура России признала нежелательной деятельность в РФ международной организации The British Council (Британский Совет).

перейти из стран «второго ряда» в «полупорядок» благодаря своей «умной силе» и политико-дипломатической деятельности по линии ОТГ.

Список источников

1. Бритова В.Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» [Basic Approaches to Understanding the Concept of «Middle Power»] // Евразийство и мир. 2022. № 1. С. 47–53.
2. Гарбузарова Е.Г. Центральназиатская политика Индии [India's Central Asian Policy] // Россия и АТР. 2023. № 3. С. 37–51.
3. Жильцов С.С. Политика Великобритании в Центральной Азии [The British Policy in Central Asia] // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 11(2). С. 104–111.
4. Малышева Д.Б. Центральназиатское направление внешней политики Турции [Central Asian Direction of Turkish Foreign Policy] // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2(63). С. 60–72.
5. Назарбаев Н.А. Моя жизнь: от зависимости к свободе [My Life: from Dependency to Freedom]. Астана: Фолиант, 2023. 708 с.
6. Оракбаева У.М., Амренова А.А., Аккаженев А.М. Роль Афганистана в выстраивании гуманитарного сотрудничества Казахстана и Индии [The Role of Afghanistan in Building Humanitarian Cooperation between Kazakhstan and India] // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилёва. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2024. Т. 147. № 2. С. 140–153.
7. Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители [Turkish Strategy Towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2(69). С. 52–62.
8. Толеген Д. Политика Турции в Центральной Азии [Turkey's Policy in Central Asia] // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 11(2). С. 138–146.
9. Утегенова А. Теоретические подходы к анализу статуса Казахстана как «средней державы» [The Theoretical Approaches to the Analysis of the Status of Kazakhstan as a «Middle Power»] // Казахстан-Спектр. 2023. № 1(105). С. 24–37.
10. Abdurashitov O., Gusseinov E. India in the Caucasus and Central Asia: The Giant Next Door // The Diplomat Magazine, 06 June 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/india-in-the-caucasus-and-central-asia-the-giant-next-door/>.
11. Bakhtiyarova A., Avcu S.A. Middle Power Behavior During the Transition in World Order: The Case of Kazakhstan // International Relations and International Law. 2022. № 1(97). Pp. 52–62.
12. Contessi N.P. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power // Problems of Post-Communism. 2015. № 62(5). Pp. 299–311.
13. Efstathopoulos C. Global IR and the Middle Power Concept: Exploring Different Paths to Agency // Australian Journal of International Affairs. 2023. № 77(2). Pp. 213–232.
14. Fonseca P.C.D., De Oliveira Paes L., Moreira Cunha A. The Concept of Emerging Power in International Politics and Economy // Brazilian Journal of Political Economy. January-March 2016. Vol. 36, No. 1(142). Pp. 46–69.
15. Mohapatra N. K. Geopolitical Dimension of India's Relations with Central Asia // Indian Foreign Affairs Journal. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 351–366.
16. Muratbekova A.M., Khitakhunov A.A. India's Foreign Policy in Kazakhstan: Analysis of Cooperation Potential // International Relations and International Law. 2024. Vol. 105. № 1. Pp. 69–78.
17. Pradhan R. India's Expanding Interests in Central Asia. Policies, Issues and Challenges // The Journal of Central Asian Studies. 2018. Vol. XXV. Pp. 45–63.
18. Zhiyenbayev M. Widening the Scope: How Middle Powers Are Changing Liberal Institutionalism. Astana. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2023. 296 p.

Информация об авторе

КОТИК Антон Вадимович. Аспирант 3-го года обучения по направлению «История международных отношений и внешней политики» Новосибирского государственного университета экономики и управления. Адрес: Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск,

ул. Каменская, 56. Научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза, Кыргызско-Российский славянский университет имени Б.Н.Ельцина. Адрес: Кыргызская Республика, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44. anton96nov@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 9 марта 2025 г. Одобрена после рецензирования: 12 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Britova V.R. Basic Approaches to Understanding the Concept of «Middle Power». *Evrasiistvo i mir* [Eurasianism and the World]. 2022; 1:47–53 [In Russian].
2. Garbuzarova E.G. India's Central Asian Policy. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific]. 2023; 3:37–51 [In Russian].
3. Zhiltsov S.S. The British Policy in Central Asia. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Post-Soviet Issues]. 2024; 11(2):104–111 [In Russian].
4. Malysheva D.B. Central Asian Direction of Turkish Foreign Policy. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia]. 2024; 2(63):60–72 [In Russian].
5. Nazarbayev N.A. My Life: from Dependency to Freedom. Astana. Foliant, 2023:708 [In Russian].
6. Orakbayeva U.M., Amrenova A.A., Akkazhenov A.M. The Role of Afghanistan in Building Humanitarian Cooperation between Kazakhstan and India. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N.Gumilyova. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Turkologia*. [Bulletin of L.N.Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology]. 2024; 147(2):140–153 [In Russian].
7. Pritchkin S.A. Turkish Strategy Towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovania* [Ojkumena. Regional Researches]. 2024; 2(69):52–62. [In Russian].
8. Tolegen D. Turkey's Policy in Central Asia. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Post-Soviet Issues]. 2024; 11(2):138–146 [In Russian].
9. Utegenova A. The Theoretical Approaches to the Analysis of the Status of Kazakhstan as a «Middle Power». *Kazakhstan-Spektr* [Kazakhstan-Spectrum]. 2023; 1(105):24–37 [In Russian].
10. Abdurashitov O., Gusseinov E. India in the Caucasus and Central Asia: The Giant Next Door. *The Diplomat Magazine*. 06 June 2024 [In English]. Available from: <https://thediplomat.com/2024/06/india-in-the-caucasus-and-central-asia-the-giant-next-door/>.
11. Bakhtiyarova A., Avcu S. A. Middle Power Behavior During the Transition in World Order: The Case of Kazakhstan. *International Relations and International Law*. 2022; 1(97):52–62 [In English].
12. Contessi N.P. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power. *Problems of Post-Communism*. 2015; 62(5):299–311 [In English].
13. Efstathopoulos C. Global IR and the Middle Power Concept: Exploring Different Paths to Agency. *Australian Journal of International Affairs*. 2023; 77(2):213–232 [In English].
14. Fonseca P.C.D., De Oliveira Paes L., Moreira Cunha A. The Concept of Emerging Power in International Politics and Economy. *Brazilian Journal of Political Economy*. January-March 2016; Vol. 36, 1(142):46–69 [In English].

15. Mohapatra N.K. Geopolitical Dimension of India's Relations with Central Asia. *Indian Foreign Affairs Journal*. 2021; 16(4):351–366 [In English].
16. Muratbekova A.M., Khitakhunov A.A. India's Foreign Policy in Kazakhstan: Analysis of Cooperation Potential. *International Relations and International Law*. 2024; 105(1):69–78 [In English].
17. Pradhan R. India's Expanding Interests in Central Asia. Policies, Issues and Challenges. *The Journal of Central Asian Studies*. 2018; XXV:45–63 [In English].
18. Zhiyenbayev M. Widening the Scope: How Middle Powers Are Changing Liberal Institutionalism. Astana. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2023:296 [In English].

About the author

Anton V. KOTIK. 3rd year postgraduate student in the field of History of International Relations and Foreign Policy at Novosibirsk State University of Economics and Management. Address: 56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation. Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N.Yeltsin. Address: 44, Kievskaya str., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic. anton96nov@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 9, 2025. Approved after review: May 12, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-79-92](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-79-92)

Политические науки

Россия в системе международного климатического регулирования

Елена Александровна Колесниченко ✉

Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф.Морозова, Воронеж, Россия
ekolesnichenko@live.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1213-3199>

Аннотация. Статья посвящена исследованию тенденций и результатов климатического регулирования на современном этапе хозяйствования. Авторами приведены ретроспективные данные, характеризующие усиление внимания к вопросам климатических изменений в мире и интеграции России в данные процессы. Проанализированы показатели инвестирования в климатические проекты и выявлена тенденция их усиления за последние несколько лет. Особую значимость имеют исследования и практические разработки, направленные на обновление методической и информационной базы для оценки и прогноза углерододепонирующей способности лесов, а также нормативно-методических документов, обеспечивающих уточнение расчетов количественного объема поглощения парниковых газов лесами. Сделан вывод, что сложившаяся ситуация является результатом многолетнего институционального оформления различных аспектов климатического регулирования и формирования методических основ сертификации углеродных единиц. Отдельное внимание уделено природно-климатическим и лесоклиматическим проектам как ключевым в обеспечении углеродной нейтральности. Рассмотрено место России в климатическом регулировании. Выявлено, что сформирована достаточная нормативно-правовая база и система инструментов государственной поддержки реализации климатических проектов, что обеспечило как формирование карбоновых полигонов на территории страны, так и участие предпринимательских структур в

прибыльных проектах на рынках углеродных единиц. Определено, что для наиболее эффективного обеспечения углеродной нейтральности необходимо внесение изменений методического характера в нормативные документы. Сделан вывод о перспективности реализации лесных климатических проектов как в международном аспекте, так и в России с учетом нарождающихся новых возможностей в сфере обращения высококачественных углеродных единиц.

Ключевые слова: международное климатическое регулирование, международные климатические соглашения, международные климатические проекты

Для цитирования: Колесниченко Е.А. Россия в системе международного климатического регулирования // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 79-92, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-79-92](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-79-92)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-79-92](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-79-92)

Russia in the System of International Climate Regulation

Elena A. Kolesnichenko ✉

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F.Morozov, Voronezh, Russia
ekolesnichenko@live.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1213-3199>

Abstract. The article is devoted to the study of trends and results of climate regulation at the present stage of management. The author presents retrospective data characterizing increased attention to issues of climate change in the world and Russia's integration into these processes. Indicators of investment in climate projects are analyzed, and a tendency towards their strengthening over recent years is revealed. Research and practical developments aimed at updating methodological and informational bases for assessing and predicting the carbon-sequestering capacity of forests are of particular importance, as well as regulatory documents clarifying calculations of the amount of greenhouse gases absorbed by forests. It can be concluded that the current situation is the result of many years of institutionalization in various aspects of climate control and the establishment of methodological bases for carbon credit certification. Special attention is paid to natural-climatic and forest-climate projects as key to achieving carbon neutrality. The role of Russia in climate regulation has been considered. It was revealed that a sufficient regulatory framework and system of tools for state support for climate projects have been developed, which ensured the formation of both carbon landfills in the country and participation of business in profitable projects on carbon markets. To ensure carbon neutrality more effectively, it is necessary to make methodological changes to regulatory documents. Conclusion is drawn about the prospects for implementing forest climate projects, both internationally and in Russia, taking into account emerging new opportunities for high-quality carbon circulation.

Keywords: international climate regulation, international climate agreements, international climate projects

For citation: Kolesnichenko E.A. Russia in the System of International Climate Regulation. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 79-92, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-79-92](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-79-92)

Введение

Проблема климатических изменений берет свое начало еще в XX в. Так, В.И.Данилов-Данильян отмечает, что она привлекла внимание не только ученых, но и политиков, и общественных деятелей еще в 80-х гг. прошлого века [2]. Уже в 1986 г. был принят Монреальский протокол о сохранении озонового слоя. В течение тридцати лет данная проблема обсуждалась на различных уровнях, проводились прогнозные оценки и исследования [16–18]. Итогом стало признание ООН климатических изменений как глобальной проблемы. Уже в 2015 г. было принято Парижское соглашение о переходе к низкоуглеродной экономике и сокращению выбросов парниковых газов.

Отметим, что Россия активно включилась в данные процессы; с 2012 г. стали выходить Национальные доклады¹. В настоящее время необходимость противодействия климатическим изменениям сохраняет актуальность в мире, а в России продолжается активное развитие климатической политики. Значительные сложности вызывает и оценка поглощающей способности различных экосистем (пастбищ, болот, водоемов и т.д.), на которую, в частности, Россия делает акцент в своей климатической политике [4]. Неопределенность при оценке глобальных выбросов углекислого газа составляет 10%, метана – 25%, закиси азота – 30%, фторсодержащих газов – 20%. Считается, что ключевым источником сокращения углерода, а соответственно, и минимизации воздействия климатических изменений, является сохранение и восстановление лесов планеты. Леса планеты в период 2001–2019 гг. обеспечивали чистый сток углерода в объеме $-7,6 \pm 49$ ГтCO₂-экв. год⁻¹, отражающем баланс между валовым поглощением ($-15,6 \pm 49$ ГтCO₂-экв. год⁻¹) и валовыми эмиссиями ($8,1 \pm 2,5$ ГтCO₂-экв. год⁻¹)². Прекращение процесса обезлесения и увеличение площади лесного покрова являются экономически эффективными решениями по смягчению последствий изменения климата, позволяющими сокращать выбросы более чем на 5 гигатонн (Гт) эквивалента CO₂ ежегодно, что составляет порядка 11% общего годового объема выбросов³.

¹ Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2010 гг. / А.И.Нахутин, М.Л.Гитарский, А.А.Романовская [и др.]. Ч. 1–2. М.: Институт глобального климата и экологии имени академика Ю.А.Израэля, 2012.

² Глобальная карта углеродных потоков в лесах. URL: <http://cepl.rssi.ru/news-2021-01-26/>.

³ Изменение климата 2022: смягчение последствий изменения климата. URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-3/>.

Таким образом, целью данного исследования является анализ сложившейся мировой политики и практики реализации климатических проектов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов, а также оценка роли и места России в системе климатического регулирования.

Материалы и методы

В первую очередь данное исследование базируется на монографическом методе исследования, который предполагает изучение работ ученых-климатологов, занимавшихся проблематикой климатических изменений в период с 2010 по 2023 г.

Основу анализа аспектов нормативного регулирования в мировой и отечественной практике составило исследование нормативно-правовых актов, содержащихся на официальных сайтах UN Climate Change⁴ и Фонда сохранения и поддержки культурного наследия «Эффект Мамонта»⁵.

Динамика инвестиционной деятельности в сфере реализации климатических проектов и показателей результативности их реализации была оценена как на основе статистических данных, имеющих в общем доступе, так и на основе данных, публикуемых на официальных сайтах организаций, участвующих в реализации климатических проектов, и органов власти, курирующих вопросы климатических изменений.

Результаты исследования

Исследования показали, что мировые инвестиции по реализации климатических проектов с 2013 по 2023 г. превысили 40 млрд долл. США, при этом больше половины вложений пришлось на последние три года: 2021–2023 гг.

Пик инвестиций пришелся на 2022 г., когда было зафиксировано 8,9 млрд долл. США вложений, но за 2023 г. произошло небольшое снижение – до 6,5 млрд долл. США. Азиатские страны (Китай, Индия и др.) становятся главными инициаторами этих проектов, вложив в их осуществление больше половины глобальных расходов на климатические проекты, а именно: 20,2 млрд долл. США за 2013–2023 гг. А южноамериканские (Мексика, Бразилия, Колумбия и др.) и африканские (Кения, Нигерия и др.) резиденты занимают второе и третье места соответственно по уровню инвестиций в климатические проекты [11; 12; 16].

Помимо непосредственного удаления парниковых газов из атмосферы климатические проекты продуцируют широкий спектр социальноэкономических и экологических эффектов (рисунок 1).

⁴ UN Climate Change. URL: <https://unfccc.int/>.

⁵ Климат / Фонд сохранения и поддержки культурного наследия «Эффект Мамонта». URL: <https://mammotheffect.org/acts-climate>.

Рисунок 1. Количество зарегистрированных климатических проектов, выполняющих Цели устойчивого развития ООН (за исключением цели 13, связанной с непосредственным воздействием на изменение климата)

Figure 1. The Number of Registered Climate Projects that Meet the UN Sustainable Development Goals, with the Exception of Goal 13, Which is Related to Direct Impacts on Climate Change

Источник: World Bank, 2024⁶

Source: World Bank, 2024⁶

Социальноэкономические эффекты, такие как улучшение здоровья и достижение благополучия (цель 3), повышение доступности электроэнергии (цель 7) и экономический рост (цель 8), являются наиболее приоритетными параметрами реализации климатических проектов. Более того, по оценкам Всемирного банка, на основе анализа лесоклиматических проектов сделан вывод, что такие проекты создают в среднем до 100 новых рабочих мест, а в случае крупномасштабных лесоклиматических проектов занятость в них достигает 1 000 человек⁷.

Оценка социальноэкономических и экологических эффектов становится все более важным этапом реализации климатических проектов и сертификации высококачественных углеродных единиц. Так, новые стандарты оценки климатических проектов, например, ассоциации «Climate, Community & Biodiversity» (CCB), разработаны специально для количественной оценки не только изменений парниковых газов, но и других важных сопутствующих эффектов. Другой верификатор, Plan Vivo, разработал рамочные положения для реализации межрегиональных масштабных климатических инициатив и количественной оценки справедливого распределения выгод и издержек между прямыми и опосредованными участниками лесоклиматических проектов [1]. В рамках

⁶ World Bank, 2024. URL: <https://www.worldbank.org>.

⁷ Там же.

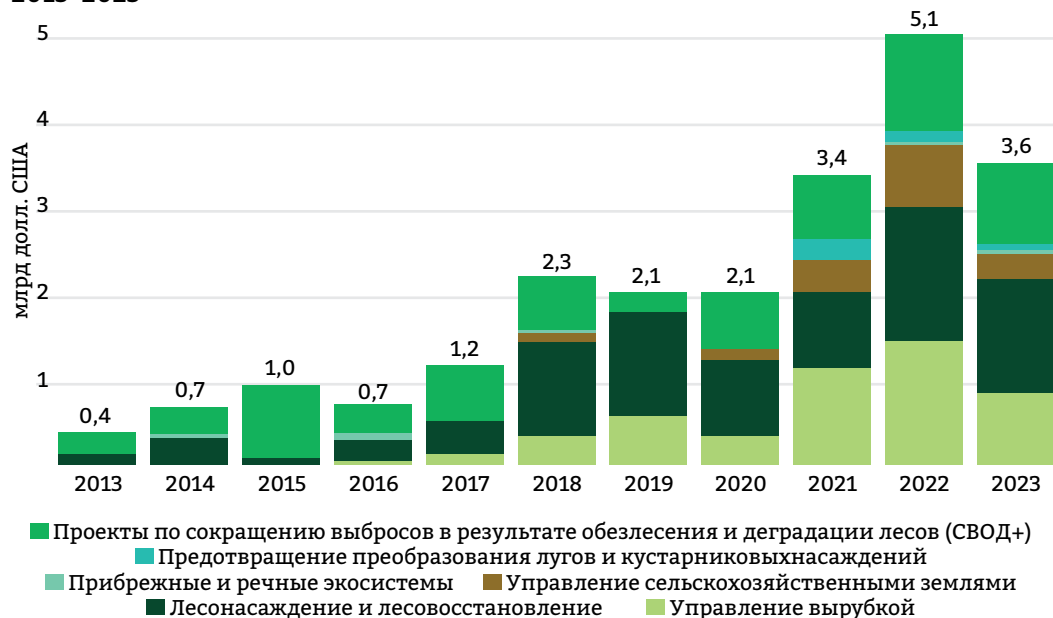
новых стандартов оценки уже зарегистрировано более 100 лесоклиматических проектов.

Особое место в системе климатических проектов отводится природно-климатическим, которые позволяют не только сохранить существующий природный капитал, но и восстановить деградирующие и нарушенные экосистемы. Характер реализации таких климатических проектов отличается от традиционной деятельности в лесном и сельском хозяйстве, поскольку все проекты в лесном и сельском хозяйстве могут быть жизнеспособны без углеродного кредитования, финансируя традиционную деятельность за счет продажи продукции, например, урожая зерновых культур или пиломатериала, или за счет государственных субсидий. Главное отличие природно-климатических проектов – в соблюдении принципа дополнителности [1].

Таким образом, природно-климатические проекты становятся главным реципиентом мировых вложений на добровольных углеродных рынках. За 2013–2023 гг. на реализацию природно-климатических проектов было направлено более 23 млрд долл. США (54% от совокупных мировых инвестиций), из которых более половины (12,1 млрд долл. США) пришлось на последние три года: 2021–2023 гг. (рисунок 2).

Рисунок 2. Мировые инвестиции в природно-климатические проекты разного типа, 2013–2023 гг.

Figure 2. Global Investments in Various Types of Environmental and Climate Projects, 2013–2023

Источник: State and trends of carbon pricing, 2024⁸

Source: State and trends of carbon pricing, 2024⁸

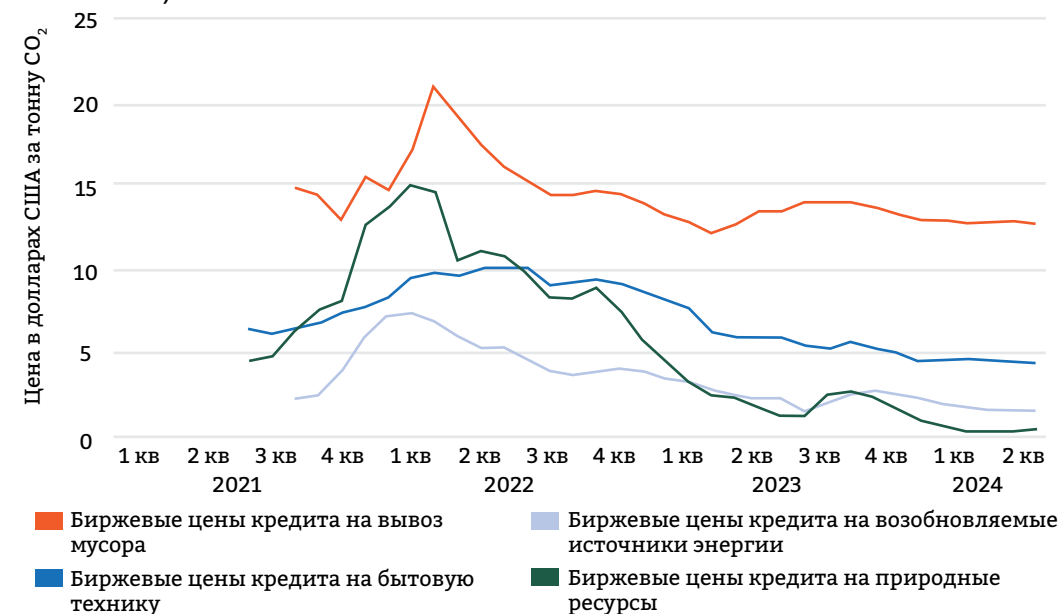
8 State and trends of carbon pricing, 2024. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/253e6cdd-9631-4db2-8cc5-1d013956de15/content>.

Лесоклиматические проекты представляют самую значимую категорию в составе природно-климатических проектов в мире, на которую пришлось 37% мировых вложений в их реализацию (8,3 млрд долл. США). Инвестиции в подобные проекты устойчиво растут с 2017 г., и, несмотря на общее снижение инвестиций на добровольных рынках в 2023 г., снижение вложений в проекты лесонасаждений оказалось менее драматичным: 13% сокращение против 27% общего рыночного спада.

Лесоклиматические проекты остаются наиболее востребованными объектами в первую очередь в целях выпуска сертифицированных углеродных единиц на добровольных углеродных рынках. Так, по данным исследований добровольных углеродных рынков, цены на углеродные единицы по проектам, связанным с лесным хозяйством и землепользованием, более востребованы. Причем с течением времени экологическая ценность углеродных единиц от лесоклиматических проектов возрастает [10]. На рисунке 3 представлена динамика цен на углеродные единицы от природно-климатических решений в 2021–2024 гг.

Рисунок 3. Динамика цен на углеродные единицы на углеродных рынках (по данным Всемирного банка)

Figure 3. Dynamics of Prices for Carbon Units on Carbon Markets (According to the World Bank)

Источник: World Bank, 2024⁹ [9]

Source: World Bank, 2024⁹ [9]

Исследователи данной проблематики отмечают, что на цену углеродных единиц влияют несколько основных факторов: спрос на углеродные единицы [12];

9 World Bank, 2024. URL: <https://www.worldbank.org>.

предложение углеродных единиц [3]; конкуренция на рынке углеродных единиц [11]; субъективная экологическая ценность углеродных единиц как фактор их товарного «качества», снижающаяся с течением времени; влияние иных неценовых факторов [15] – публикации, инсайдерская информация о рынке, аффилированность организаций на торгах и др.; обеспечение экономической привлекательности лесоклиматического проекта, предполагающее покрытие инвестиционных затрат [6]; необходимость снижения углеродного следа [7].

Роль России в реализации природно-климатических и, в частности, лесоклиматических проектов определяется имеющимися ресурсами. На долю России приходится 20% всех мировых лесных ресурсов и более половины бореальных лесов планеты, поэтому вклад лесов нашей страны в мировой баланс углерода трудно переоценить. Климатические проекты в России реализовывались в рамках ст. 6 Киотского протокола, а с 2003 г. – международной программы «Joint Implementation» преимущественно на основе энергетических проектов сокращения или предотвращения эмиссии парниковых газов для нужд экспортно-ориентированных российских компаний. Воткрытых источниках упоминается всего два зарегистрированных проектов: проект снижения воздействия лесозаготовок компании «Тернейлес» в Приморском крае и проект лесовосстановления некоммерческой организации «Центр экологических инноваций» в Алтайском крае (не прошли международную верификацию для выпуска углеродных кредитов). На первоначальном этапе природоохранные проекты получали международное финансирование, которое предоставлялось в виде кредитования российских предприятий. Несмотря на высокие международные оценки рентабельности подобных проектов (внутренняя норма доходности – около 70%), внутренний спрос на природные офсеты практически отсутствовал.

Россия активно включилась в реализацию глобальной климатической повестки; об этом свидетельствует принятый в 2020–2021 гг. соответствующий пакет государственных документов: утверждены Стратегия и перечень поручений Правительству РФ, принят ряд государственных программ и распоряжений Правительства РФ¹⁰. Благодаря сформированной нормативной базе начала создаваться государственная система обязательного и добровольного углеродного регулирования, согласно которым Россия отдает приоритет реализации природно-климатических решений и планирует нарастить поглощение парниковых газов с 535 до 1 200 млн т CO₂ к 2050 г., чтобы уже к 2060 г. достичь углеродной нейтральности [1]. Для формирования внутреннего спроса на углеродные единицы введена обязательная углеродная отчетность, которую российские предприятия, выбрасывающие более 150 тыс. т CO₂, в первый раз сдали в 2023 г., а после 2024 г. отчетность станет обязательной для предприятий с выбросами более 50 тыс. т CO₂.

¹⁰ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/>.

В соответствии с Национальным докладом¹¹ расчет углеродного баланса в лесах России осуществляется исходя из данных об абсорбции поглотителями парниковых газов, а также о потерях углерода от лесных пожаров (гибели лесов от пожаров) и от сплошных рубок. Распределение основных источников данных о лесах для расчета углеродного баланса представлено в таблице.

Таблица. Распределение основных источников данных о лесах для расчета углеродного баланса в Национальном докладе

Table. Distribution of the Main Sources of Forest Data for Calculating the Carbon Balance in the National Report

Показатель	Источник данных для расчета показателя
Абсорбция углерода лесами	Формы государственного лесного реестра 1-ГЛР, 2-ГЛР (информация о площадях лесов и запасах древесины)
Потери углерода от лесных пожаров	Форма отраслевой отчетности Рослесхоза 10-ОИП (информация о гибели лесов от различных причин)
Потери углерода от сплошных рубок	Форма отраслевой отчетности Рослесхоза 12-ОИП (информация о сплошных рубках в Российской Федерации)

Источник: Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2021 гг.¹²

Source: National Inventory Report on Anthropogenic Emissions from Sources and Sinks of Greenhouse Gases not Controlled by the Montreal Protocol, 1990–2021¹²

Следовательно, необходимо повышать абсорбцию углерода лесами, а также снижать потери углерода от лесных пожаров и потери углерода от сплошных рубок. Для повышения абсорбции углерода лесами следует обеспечивать повышение эффективности охраны лесов от пожаров, защиты лесов от болезней и вредителей, воспроизводства лесов и лесоразведения. Для снижения потерь углерода от лесных пожаров следует обеспечивать снижение площадей, пройденных пожарами, и также повышать эффективность охраны лесов от пожаров. Используя мнение экспертов, из одиннадцати укрупненных групп приоритетов развития лесного хозяйства сформирован перечень перспективных областей научных исследований, которые как с практической, так и с научной точки зрения позволят получить новые научные и научно-инновационные результаты и технологии: охрана лесов от пожаров, защита лесов от вредных организмов, включая химические и биологические средства защиты лесов; лесовосстановление, лесоразведение и биотехнологии в воспроизводстве лесов; лесная генетика, селекция, сохранение биоразнообразия; лесохозяйственное машиностроение, робототехника [7].

¹¹ Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2021 гг. / А.А.Романовская, А.И.Нахутин, В.А.Гинзбург [и др.]. Ч. 1–2. М.: Институт глобального климата и экологии имени академика Ю.А.Израэля, 2023.

¹² Там же.

Особую значимость с точки зрения выполнения Россией обязательств Парижской конференции по климату имеют исследования и практические разработки, направленные на обновление методической и информационной базы для оценки и прогноза углероддепонирующей способности лесов, а также нормативно-методических документов, обеспечивающих уточнение расчетов количественного объема поглощения парниковых газов лесами. К приоритетам низкой научной значимости относят цифровое лесное хозяйство и т.д. Однако следует отметить, что мировые тренды развития цифровизации во всех отраслях экономики предположительно к 2030 г. достигнут высокой значимости, в связи с чем будут определены востребованы и из низового порога приоритетности переместятся на место первоочередных задач, требующих принятия соответствующих мер государственной поддержки в сфере научно-технологического развития по данному направлению.

Наиболее востребованный способ сохранения уровня частных инвестиций в лесное хозяйство – реализация климатических проектов, которые позволяют не только сократить углеродных след своим исполнителям [5], но и обеспечить им дополнительную прибыль на рынках углеродных единиц [8].

Для перехода от учета к мониторингу углеродного баланса в лесах осуществляется специальный проект Минобрнауки России по формированию карбоновых полигонов и карбоновых ферм. В настоящий момент действуют 17 карбоновых полигонов (рисунок 4).

Рисунок 4. Локация карбоновых полигонов с учетом экорегиона
Figure 4. Location of Carbon Polygons Considering the Ecoregion

Источник: Карбоновые полигоны Российской Федерации¹³
Source: Carbon Landfills of the Russian Federation¹³

¹³ Карбоновые полигоны Российской Федерации. URL: <https://carbon-polygons.ru/polygons/>.

Для использования данных о фактической абсорбции следует внести изменения в приказ Минприроды России от 25.04.2022 № 298¹⁴, а именно – включить в перечень данных о процессах и видах деятельности, в результате которых происходят антропогенные выбросы из источников и абсорбция поглотителями парниковых газов, представляемых федеральными органами исполнительной власти, данные о фактической абсорбции парниковых газов древесными насаждениями на площадях карбоновых полигонов; ответственным за предоставление таких данных определить Минобрнауки России.

Выводы

В результате проведенного исследования сделан вывод об усилении внимания к реализации природно-климатических проектов, обеспечивающих наиболее эффективное нивелирование климатических изменений, среди которых ключевое место занимают лесоклиматические проекты. Определено, что в современных условиях сформированы достаточные институционально-организационные предпосылки для формирования рынка углеродных проектов, где привлекательность участия определяется стоимостью углеродных единиц, которые формируются в результате использования углероддепонирующих технологий. Однако отсутствие единой методологии оценки результатов реализации климатических проектов и верификации полученных углеродных единиц свидетельствуют о необходимости усиления внимания к данной проблематике и ее дальнейшей проработке на международном уровне.

Выявлено, что природно-климатические проекты стали востребованы российскими компаниями не как инструмент компенсации прямых выбросов, а как самостоятельный источник дохода. Российские компании выступают не только потребителями, но и главными поставщиками углеродных кредитов на мировой рынок, что обусловлено наличием природных ресурсов, преимущественно лесных. Реестр углеродных единиц РФ зафиксировал в 2022 г. реализацию первого климатического проекта компании «ДальЭнергоИнвест», связанного с предотвращением 1,8 тыс. т эмиссии CO₂ в результате выработки электроэнергии солнечными электростанциями на Курильских островах в Сахалинской области. Но пролонгированный характер и неоднозначность оценок эффектов порождают справедливые сомнения в их валидности.

В итоге отметим, что анализ тенденций развития обязательных и добровольных углеродных рынков демонстрирует перспективность реализации лесных климатических проектов как в международном аспекте, так и в России с учетом нарождающихся новых возможностей в сфере обращения высококачественных углеродных единиц.

¹⁴ Об утверждении порядка подготовки кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов: приказ Минприроды России от 25.04.2022 № 298. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350341012>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбачева Н.В. Экономическая эффективность климатических проектов: традиционный и темпоральный подходы [Economic Efficiency of Climate Projects: Traditional and Temporal Approaches] // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 28. № 4. С. 587–614.
2. Данилов-Данильян В.И. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования [Global Climate Problem and Forecasting Possibilities] // Век глобализации. 2019. № 4(32). С. 3–15. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.04.01>.
3. Исмаилова О.Д. Ценообразование на углеродные выбросы: мировой опыт [Carbon Pricing: Global Experience] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2023. № 4. С. 470–495. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.402>.
4. Карбоновые полигоны России: настоящее и будущее [Carbon Landfills in Russia: the Present and the Future]. М., 2022. 33 с.
5. Колесниченко Е.А., Третьяков А.Г., Морковина С.С., Раецкая Е.В. Методические аспекты оценки экономической привлекательности участия в климатических проектах по лесовосстановлению и лесоразведению на землях лесного фонда [Methodological Aspects of Assessing the Economic Attractiveness of Participation in Climate Projects for Reforestation and Afforestation on Forest Lands] // Лесотехнический журнал. 2024. № 4. С. 143–155. <https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2024.4/10>.
6. Лысуец М.В. Углеродное ценообразование как инструмент трансграничного углеродного регулирования и «зеленой» трансформации мировой экономики [Carbon Pricing as a Tool for Cross-border Carbon Regulation and the «Green» Transformation of the Global Economy] // Мир новой экономики. 2023. № 2. С. 27–36. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-27-36>.
7. Морковина С.С., Иванова А.В., Панявина Е.А. Приоритеты научно-технологического развития лесного хозяйства Российской Федерации [Priorities of Scientific and Technological Development of Forestry in the Russian Federation] // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2022. Т. 10. № 4(59). С. 164–180. <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-4-164-180>.
8. Морковина С.С., Кузнецов Д.К. Экономика «климатических проектов в лесах» как составляющая низкоуглеродного развития: анализ феномена [Economics of «Climate Projects in Forests» as a Component of Low-Carbon Development: an Analysis of the Phenomenon] // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. 2023. № 2. С. 99–113. <https://doi.org/10.21178/2079-6080.2023.2.99>.
9. Морковина С.С., Кузнецов Д.К., Шашкин А.П. Применение концепции компаундирования для оценки эффективности «зеленых» инвестиций [Application of the Concept of Compounding to Assess the Effectiveness of «Green» Investments] // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. 2024. № 3. С. 142–157. <https://doi.org/10.21178/2079-6080.2024.3.142>.
10. Мусихин В.И., Рогатных Е.Б. Современная система торговли квотами на выбросы и углеродными единицами [Modern System of Trading in Emission Quotas and Carbon Units] // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 1. С. 39–56. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-1-39-56>.
11. Ситников С.Л. Некоторые аспекты углеродного ценообразования и его особенности [Some Aspects of Carbon Pricing and its Features] // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина. 2023. № 9(109). С. 188–198. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.109.9.188-198>.
12. Скворцова М.А., Тяглов С.Г. Формирование и развитие российского рынка углеродных единиц [Formation and Development of the Russian Market of Carbon Units] // Journal of economic regulation. 2022. № 4. С. 89–98. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.4.089-098>.
13. Duyck S., Attorney S. et al. Promoting Public Participation in Climate Action: Not Just Good Practice, but a Legal Duty of European Governments. Center for International Environmental Law, 2018. URL: <https://www.ciel.org/promoting-public-participation-climate-action-legal-duty/>.
14. Espinosa P. Guidelines for Participation. Climate Neutral Now. Global Climate Action, 2021. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/CNN%20Guidelines.pdf>.
15. Ji Changjing, Hu Yu-jie, Tang Bao-Jun Research on carbon market price mechanism and influencing factors: a literature review // Natural Hazards. 2018. Vol. 92. URL: https://www.researchgate.net/publication/323403444_Research_on_carbon_market_price_mechanism_and_influencing_factors_a_literature_review.
16. Masson-Delmotte V., Zhai P., Pörtner H.-O. Global Warming of 1.5 °C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty. Geneva: World Meteorological Organization, 2018. 32 p.
17. Peterson D.L., Vose J.M., Patel-Weynand T. Climate change and United States for-ests // Advances in Global Change Research 57. Dordrecht, The Netherlands: Springer. 2014. P. 223–244.

18. Stocks B.J., Ward P.C. Climate change, carbon sequestration, and forest fire protection in Canadian boreal zone. CRR-20. Ontario, 2011. 26 p.
19. Subhajyoti S., Oteng-Ababioand M. and etc. Successful Community Participation in Climate Change Adaptation Programs: on Whose Terms? // Environmental Management. 2021. № 67. P. 747–762. <https://doi.org/10.1007/s00267-020-01421-2>.

Информация об авторе

КОЛЕСНИЧЕНКО Елена Александровна. Доктор экономических наук. Профессор. Главный научный сотрудник НИИ «Инновационных технологий и лесного комплекса» Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф.Морозова. <https://orcid.org/0000-0002-1213-3199>. Адрес: Российская Федерация, 394087, Воронеж, ул. Тимирязева, 8 г. ekolesnichenko@live.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г. Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gorbacheva N.V. Economic Efficiency of Climate Projects: Traditional and Temporal Approaches. Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Higher School of Economics. Economic Journal]. 2024; 28(4):587–614 [In Russian].
2. Danilov-Danilyan V.I. Global Climate Problem and Forecasting Possibilities. Vek globalizacii [The Age of Globalization]. 2019; 4(32):3–15 [In Russian]. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.04.01>.
3. Ismagilova O.D. Carbon Pricing: Global Experience. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of St.Petersburg University. Economy]. 2023; 4:470–495 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.402>.
4. Carbon Landfills in Russia: the Present and the Future. Moscow, 2022:33 [In Russian].
5. Kolesnichenko E.A., Tretyakov A.G., Morkovina S.S., Raetskaya E.V. Methodological Aspects of Assessing the Economic Attractiveness of Participation in Climate Projects for Reforestation and Afforestation on Forest Lands. Lesotekhnicheskij zhurnal [Forestry Engineering Journal]. 2024; 4:143–155 [In Russian]. <https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2024.4/10>.
6. Lysunets M.V. Carbon Pricing as a Tool for Cross-border Carbon Regulation and the “Green” Transformation of the Global Economy. Mir novej ekonomiki [The World of the New Economy]. 2023; 2:27–36 [In Russian]. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-27-36>.
7. Morkovina S.S., Ivanova A.V., Panyavina E.A. Priorities of Scientific and Technological Development of Forestry in the Russian Federation. Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij XXI veka: teoriya i praktika [Current Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice]. 2022; 10.4(59):164–180 [In Russian]. <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-4-164-180>.
8. Morkovina S.S., Kuznetsov D.K. Economics of “Climate Projects in Forests” as a Component of Low-Carbon Development: an Analysis of the Phenomenon. Trudy Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta lesnogo hozyajstva [Proceedings of the St.Petersburg Scientific Research Institute of Forestry]. 2023; 2:99–113 [In Russian]. <https://doi.org/10.21178/2079-6080.2023.2.99>.

9. Morkovina S.S., Kuznetsov D.K., Shashkin A.P. Application of the Concept of Compounding to Assess the Effectiveness of "Green" Investments. Trudy Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta lesnogo hozyajstva [Proceedings of the St.Petersburg Scientific Research Institute of Forestry]. 2024; 3:142–157 [In Russian]. <https://doi.org/10.21178/2079-6080.2024.3.142>.
10. Musikhin V.I., Rogatnykh E.B. Modern System of Trading in Emission Quotas and Carbon Units. Rossijskij vnesheekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. 2024; 1:39–56 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-1-39-56>.
11. Sitnikov S.L. Some Aspects of Carbon Pricing and its Features. Vestnik Universiteta imeni O.E.Kutafina [Bulletin of the O.E.Kutafin University]. 2023; 9(109):188-198 [In Russian]. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.109.9.188-198>.
12. Skvortsova M.A., Tyaglov S.G. Formation and Development of the Russian Market of Carbon Units. Journal of economic regulation. 2022; 4:89–98 [In Russian] <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.4.089-098>.
13. Duyck S., Attorney S. et al. Promoting Public Participation in Climate Action: Not Just Good Practice, but a Legal Duty of European Governments. Center for International Environmental Law; 2018 [In English]. Available from: <https://www.ciel.org/promoting-public-participation-climate-action-legal-duty/>.
14. Espinosa P. Guidelines for Participation. Climate Neutral Now. Global Climate Action; 2021 [In English]. Available from: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/CNN%20Guidelines.pdf>.
15. Ji Changjing & Hu Yu-Jie & Tang Bao-Jun Research on carbon market price mechanism and influencing factors: a literature review. Natural Hazards. 2018; 92 [In English]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/323403444_Research_on_carbon_market_price_mechanism_and_influencing_factors_a_literature_review/
16. Masson-Delmotte V., Zhai P., Pörtner H.-O. Global Warming of 1.5 °C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty. Geneva: World Meteorological Organization, 2018. 32 [In English].
17. Peterson D.L., Vose J.M., Patel-Weyand T. Climate change and United States forests // Advances in Global Change Research 57. Dordrecht, The Netherlands: Springer. 2014:223–244 [In English].
18. Stocks B.J., Ward P.C. Climate change, carbon sequestration, and forest fire protection in Canadian boreal zone. CRR-20. Ontario, 2011:26 [In English].
19. Subhajyoti S., Oteng-Ababioand M. and etc. Successful Community Participation in Climate Change Adaptation Programs: on Whose Terms? Environmental Management; 2021; 67:747–762 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s00267-020-01421-2>.

About the author

Elena A. KOLESNICHENKO. DSc. (Econom.). Professor. Chief Scientific Officer of Scientific Research Institute of Innovative Technologies and the Forest Complex at Voronezh State Forestry University named after G.F.Morozov. <https://orcid.org/0000-0002-1213-3199>. Address: 8 G, Timiryazev str., Voronezh, 394087, Russian Federation. ekolesnichenko@live.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 5, 2025. Approved after review: June 20, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 332.1

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-93-109](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-93-109)

Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации на примере Кыргызской Республики

Талгат Талантбекович Талантбеков^{1a}✉, Ольга Игоревна Беляева^{2b}✉

¹Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

^a mistertolik96@mail.ru

^b belyaeva_klgd@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу социально-экономических показателей и методам оценки региональной социально-экономической дифференциации Кыргызской Республики за период с 2019 по 2023 г. В работе рассмотрены ключевые аспекты, такие как динамика численности населения, валового внутреннего продукта (ВВП), уровня жизни, а также изменения в секторах промышленности, сельского хозяйства и услуг. Проблема исследования – высокий уровень региональной социально-экономической дифференциации в Республике Кыргызстан. Цель данного исследования заключается в выявлении и оценке уровня региональной социально-экономической дифференциации, разработке предложений по выравниванию на примере регионов Республики Кыргызстан. В качестве методов исследования применялись метод систематизации и анализ российской, кыргызской и зарубежной литературы, статистических данных. В работе приведена сравнительная характеристика понятий «региональное неравенство»,

«региональные диспропорции» и «региональная дифференциация». Вариантом преодоления неравенства является государственное регулирование регионов путем проведения экономической и социальной политики. Исследование выявляет устойчивый экономический рост Кыргызской Республике за последние годы, который сопровождается увеличением среднедушевых доходов и повышением уровня жизни населения. Однако также поднимаются вопросы, связанные с инфляционными процессами и безработицей, что требует дополнительного внимания со стороны государственных органов и разработки эффективных стратегий для дальнейшего социально-экономического развития страны и ее регионов. Полученные результаты подчеркивают необходимость комплексного подхода к анализу и управлению экономическими процессами в регионах Кыргызской Республики для обеспечения устойчивого роста и повышения благосостояния населения.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Республика Кыргызстан, развитие регионов, оценка регионов, методы оценки региональной дифференциации, социально-экономическое состояние региона, конкурентное преимущество, интеграционные процессы, повышение конкурентоспособности

Для цитирования: Талантбеков Т.Т., Беляева О.И. Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации на примере Кыргызской Республики // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 93-109, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-93-109](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-93-109)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-93-109](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-93-109)

Methods of Assessing Regional Socio-Economic Differentiation: an Example from the Kyrgyz Republic

Talgat T. Talantbekov^{1a}✉, Olga I. Belyayeva^{2b}✉¹Batken State University, Batken, Kyrgyzstan²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia^amistertolik96@mail.ru^bbelyaeva_klgd@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of socio-economic indicators and methods for assessing regional socio-economic differentiation of the Kyrgyz Republic for the period from 2019 to 2023. The paper considers such key aspects as the dynamics of population, gross domestic product (GDP), standard of living, as well as changes in industrial, agricultural, and service sectors. The research problem is a high level of regional social and economic differentiation in the Kyrgyz Republic. The purpose of this research is to identify and evaluate the level of social and economic regional differentiation, and develop proposals for equalization using the example of regions of the republic. Methods used in this research include systematization, analysis of Russian, Kyrgyz, and foreign literature, and statistical data. The paper provides a comparative analysis of the concepts of “regional inequality”, “regional disparities”, and “regional differentiation”. A solution to inequality is the state regulation of regions through economic and social policies. The study reveals sustained economic growth in the Kyrgyz Republic in recent years, accompanied by an increase in per capita income and an improvement in living standards. However, problems related to inflation and unemployment also exist, requiring additional attention from government agencies and the development of effective strategies for the socio-economic development of the country and its regions. The findings emphasize the need for an integrated approach to analyzing and managing economic processes in Kyrgyzstan’s regions to ensure sustained growth and improve population well-being.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Communication Development for young scientists from foreign countries.

Keywords: Kyrgyz Republic, regional development, regional assessment, methods for assessing regional differentiation, socio-economic state of the region, competitive advantage, integration processes, increasing competitiveness

For citation: Talantbekov T.T., Belyayeva O.I. Methods of Assessing Regional Socio-Economic Differentiation: an Example from the Kyrgyz Republic. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. 3(17): 93-109, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-93-109](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-93-109)

Введение

В современном мире актуализируется проблема социально-экономического неравенства и диспропорций между регионами. Различия регионов по уровню развития столь же значительны, как и различия между странами. Региональная дифференциация оказывает серьезное влияние на качество жизни населения. Диспропорции наблюдаются не только на международной арене, но и на уровне отдельных регионов.

Особо стоит отметить ситуацию в Центральной Азии, где Кыргызстан служит примером анализа сложного ландшафта социально-экономических диспропорций, которые усиливаются во многом из-за географических, исторических и экономических условий, что приводит к несбалансированности показателей как на сельских, так и урбанизированных территориях. Развитие экономики, доступ к образованию и здравоохранению значительно варьируются в зависимости от региона, усугубляя межрегиональные различия. Кроме того, глобальные экономические процессы и миграционные потоки также оказывают значительное влияние на локальные дисбалансы в экономических возможностях, что требует особого внимания и разработки стратегических мер для их уменьшения.

Существует объективная необходимость разработки и внедрения комплексных методик оценки регионального развития, учитывающих региональную дифференциацию. Соответствующие методики оценки могут помочь в разработке эффективной государственной политики, направленной на уменьшение социально-экономического разрыва между регионами, что и обосновывает актуальность темы.

Неравенство зависит от многих факторов, определяющих потенциальные возможности территории. Основываясь на экономических и социальных показателях Республики Кыргызстан за последние годы, будет проанализирована дифференциация в регионах и выделены региональные группы, которые могут определять ключевые факторы развития и причины отсталости некоторых из них.

Материалы и методы

Проблема исследования – высокий уровень региональной социально-экономической дифференциации в Республике Кыргызстан. Объект – региональная социально-экономическая дифференциация. Предмет – оценка региональной социально-экономической дифференциации и ее применение на примере Республики Кыргызстан. Цель данного исследования заключается в выявлении и оценке уровня региональной социально-экономической дифференциации, разработке предложений по выравниванию на примере регионов Республики Кыргызстан.

Для успешного управления процессами экономического и социального развития необходимо адекватно оценивать различия между регионами, выявлять их особенности и проблемы. В статье рассмотрены методы оценки региональной социально-экономической дифференциации на примере Кыргызской Республики.

Для исследования была использована российская, кыргызская и зарубежная литература, статистические данные, переписи населения, научные публикации и статьи. При изучении указанной темы использовались общенаучные методы, системный анализ и сравнительно-исторический метод. Использование статистических данных позволило получить количественную информацию о демографии, экономике и других аспектах дифференциации территории.

Результаты обсуждения

Регион – это определенная территория, которая характеризуется отличительными признаками от других территорий (природными, экономическими, национально-культурными и др.). Диспропорция – это то, что характеризуется непропорциональностью. Проявлениями регионального неравенства являются неоднородность уровня доходов, доступности образования и здравоохранения, степень развития инфраструктуры, показатели безработицы

Таблица 1. Сравнительная характеристика понятий «региональное неравенство», «региональные диспропорции» и «региональная дифференциация»

Table 1. Comparative Characteristics of the Concepts of “Regional Inequality”, “Regional Disparities” and “Regional Differentiation”

Критерии	Региональное неравенство	Региональные диспропорции	Региональная дифференциация
Определение	Различия в уровне социально-экономического развития между регионами, качестве и уровне жизни населения	Несоответствие в экономическом развитии и структуре хозяйства между регионами	Различия в социально-экономических и экологических характеристиках регионов
Описание	Подразумевает различия в доходах, уровне жизни, доступе к образованию и здравоохранению	Включают в себя неравномерное распределение инфраструктуры, инвестиций и занятости	Отражает разнообразие в природных, культурных и экономических ресурсах регионов
Причины	Исторические, экономические и социальные факторы	Экономическая политика, специализация регионов, географические факторы	Природные условия, различия в ресурсной базе, культурные особенности
Эффекты	Социальная напряженность, миграционные потоки, политическая нестабильность	Снижение эффективности экономического развития, вынужденные миграции, нестабильное развитие	Могут стимулировать конкуренцию и инновации, но также усложняют координацию политики
Меры региональной политики	Программы выравнивания, инвестиции в инфраструктуру, социальная поддержка	Реализация стратегий интеграции и трансфертов, развитие транспортной сети	Учет специфики регионов, поддержка локальных инициатив и бизнеса
Цель	Уменьшение разрыва между регионами по показателям качества жизни	Сокращение несоответствий в экономическом и социальном развитии	Повышение эффективности и гармонизация развития с учетом региональных особенностей
Измерение и оценка	Индексы бедности, коэффициенты Джини и неравенства	Анализ структуры ВРП, распределение инвестиций и занятости по секторам	Исследование различий в экономических показателях, ресурсном обеспечении, уровнях образования и здравоохранения.
Примеры	Разрыв в ВРП на душу населения между столицей и регионами, городами	Гиперконцентрация промышленных предприятий в одном регионе при отсутствии их в другом	Разнообразие климатических условий и плодородия почв, влияющее на сельское хозяйство

Источник: составлено автором О.И.Беляевой

Source: compiled by O.I.Belyayeva

и др. Первопричинами регионального неравенства могут быть такие факторы, как географические условия, удаленность территорий, экономические тенденции региона и другие факторы [14].

Для соотнесения близких по сути и часто взаимозаменяемых понятий «региональное неравенство», «региональные диспропорции» и «региональная дифференциация» составим их сравнительную характеристику в таблице 1 по выделенным критериям.

Проблема неравенства усиливается, поскольку она замедляет социально-экономическое развитие отдельных регионов, что, в свою очередь, негативно влияет на экономику страны в целом.

Проблема регионального неравенства проявляется во всех странах, что делает эту проблему важной и актуальной для исследований. Так, российский ученый-географ, доктор географических наук А.Н.Пилясов в статье «Новая экономическая география» [12] не только поднимает вопрос влияния варьирования качества жизни населения от субъекта к субъекту, но и систематизирует проблему регионального неравенства, выявляя ее причины и следствия. Так, к факторам регионального неравенства он относит факторы «первой природы» и факторы «второй природы».

К первым можно отнести:

- местоположение региона;
- наличие природных ресурсов и др.

Факторы «второй природы» более разнообразны:

- агломерационные эффекты, заключающиеся в возможности экономить на логистике, масштабе и др.
- человеческие факторы (процент высококвалифицированных трудовых кадров из общего количества трудоспособного населения, уровень образованности населения, уровень смертности);
- наличие развитой инновационной инфраструктуры в производстве;
- готовность населения использовать инновационные технологии в работе.

Эти факторы оказывают большее влияние, если страна уже достаточно развита. И наоборот, на экономику и региональное неравенство развивающихся стран больше влияют факторы «первой природы». Модернизационным процессам менее способствуют факторы «первой природы» [6].

Пространственно-географический и ресурсный (природно-ресурсный) факторы являются основой социально-экономического развития, поскольку носят первичный характер, и именно в зависимости от них определяется государственная политика. Н.В.Зубаревич в этой связи выделяет обеспеченность природными ресурсами и географическое положение как факторы, дающие конкурентные преимущества¹. Очевидно, что те регионы, в которых имеются минеральные, земельные и прочие ресурсы, востребованные на рынке, а также географическое положение которых

¹ Зубаревич Н.В. Региональное неравенство в России // Эконс. Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/regionalnoe-neravenstvo-v-rossii/>.

наиболее выгодно с точки зрения торговли и транспортного сообщения, находятся в преимущественном положении.

Меры стимулирования территорий с низким экономическим ростом должны проводиться с учетом теории развития пространства Дж.Фридмана («центр – периферия») [17]. Влиянию государственной политики на региональное развитие посвящены работы Е.М.Бухвальда [2], А.В.Котова [10] Т.Б.Владиславлевой [3] и других деятелей науки. Основными векторами мысли являются меры и способы «выравнивания» удаленных от центра территорий. А.В.Суворова предлагает рассматривать не только факторы перспективной трансформации регионов, но и специфику их локализации, доступность для всех заинтересованных (в том числе потенциальных) [15].

В научных исследованиях встречаются разные подходы к выделению факторов социально-экономической дифференциации регионов. Так, В.С.Колосова выделяет, в частности, следующие:

- 1) географический фактор;
- 2) природно-климатический фактор;
- 3) ресурсный фактор (наличие именно природных ресурсов);
- 4) фактор территориального разделения труда;
- 5) фактор конкурентных преимуществ;
- 6) фактор государственного стимулирования регионов [9].

Особую роль в социально-экономическом развитии каждого конкретного региона играет фактор миграции, обусловленный, в свою очередь, его привлекательностью, а именно – объективными и субъективными параметрами привлекательности территории [5]. Немаловажным фактором можно назвать и внешнеэкономические связи, обуславливающие зависимость региона от иностранного капитала и сопутствующих факторов, характеризующих этот капитал [11].

На основе ранее проведенных исследований было установлено, что наиболее значимые теории и концепции при оценке региональной дифференциации включают в себя «следующие:

- концепция центральных мест (В.Кристаллер);
- теория поляризованного развития (Дж.Фридман);
- теории полюсов роста (Ф.Перру, Х.Ласуен, Ж.Будвиль);
- теория пространственной диффузии инноваций (Т.Хегерстранд);
- теории, объясняющие роль агломераций (Е.Глезер);
- новая экономическая география (П.Кругман)» [20].

Региональная социально-экономическая дифференциация характеризуется различиями в уровне и качестве жизни, а также в экономическом потенциале между различными территориями страны. Эти различия могут проявляться в таких аспектах, как доходы населения, уровень безработицы, доступность социальных услуг, степень урбанизации, структура экономики и другие параметры.

Дифференциация может быть как горизонтальной (между отдельными регионами), так и вертикальной (между социальными группами внутри одного региона).

Для комплексного анализа региональной дифференциации используется ряд методов, каждый из которых позволяет выявить разные аспекты различий между регионами. Рассмотрим основные из них (таблица 2).

Таблица 2. Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации

Table 2. Methods for Assessing Regional Socio-Economic Differentiation

Метод	Описание
Метод индексного анализа	Индексный метод позволяет свести многочисленные показатели, характеризующие состояние социальной и экономической ситуации в регионе, в одно числовое значение. Он используется для сравнительного анализа различных регионов по ряду факторов, таких как уровень жизни, здоровье, образование и занятость.
Метод кластерного анализа	Кластерный анализ используется для группировки регионов на основе схожести их социально-экономических характеристик. Этот метод позволяет выделить регионы, которые имеют сходные экономические и социальные особенности, и тем самым лучше понять причины дифференциации.
Метод пространственной статистики	Пространственная статистика позволяет анализировать, как территориальные различия влияют на социально-экономическое развитие. В Кыргызской Республике, например, может быть проведен анализ взаимосвязей между расположением природных ресурсов, транспортной инфраструктурой и социально-экономическим развитием регионов.
Метод анализа неравенства (кривая Лоренца, индекс Джини)	Методы, основанные на анализе неравенства, позволяют оценить, как распределяются экономические и социальные ресурсы среди различных слоев населения. Индекс Джини является одним из самых распространенных инструментов для оценки неравенства доходов, в том числе на уровне регионов.
Метод сравнительного анализа	Этот метод предполагает сравнительное исследование экономических и социальных показателей в разных регионах. Он может включать как статический анализ, сравнивая данные на определенный момент времени, так и динамический, исследуя изменения за несколько лет.

Источник: составлено автором Т.Т.Талантбековым

Source: compiled by T.T.Talantbekov

Многие другие методы оценки региональной социально-экономической дифференциации были проанализированы в НИР В.В.Комлевой, О.И.Беляевой и др. К ним относятся [19]:

- индекс Джини;
- кластерный анализ;
- факторный анализ;

- регрессионный анализ;
- индекс человеческого развития (ИЧР);
- многомерное шкалирование;
- сравнительный анализ.

Анализ региональной дифференциации осуществляется с помощью разных показателей: экономическая ситуация, объем инвестиций, уровень образования, здравоохранения, смертности и преступности, размер заработной платы населения, жилищные условия, экологическая обстановка и др. Индекс социально-экономического развития может быть представлен как взвешенная сумма отдельных индикаторов, что позволяет оценить общий уровень социально-экономической дифференциации между регионами. Тем не менее основой стремления достичь минимально возможного уровня неравенства является достижение территориальной и социальной справедливости [1].

Рассмотрим ситуацию в Республике Кыргызстан, где анализ неравенства может быть использован для оценки различий в уровне доходов между регионами, что позволит более точно определить проблемы бедности и неравномерного развития на территории страны. В Кыргызстане сравнительный анализ может выявить такие различия между регионами, как темпы роста ВРП, уровень бедности, качество образования и здравоохранения, а также другие показатели.

Территория Кыргызской Республики административно делится на 9 регионов: 7 областей (Ошская, Баткенская, Джалал-Абадская, Нарынская, Иссык-Кульская, Таласская и Чуйская) и 2 города областного подчинения – Бишкек и Ош. Существуют заметные различия в уровнях социально-экономического развития этих регионов, и очевидно, что это не может не отражаться на дифференциации основных показателей социально-экономического развития регионов Кыргызстана. Внутри областей существуют отдельные районы с низким уровнем развития, к примеру, Чаткальский район Джалал-Абадской области, Чон-Алайский район Ошской области, Ак-Талинский район Нарынской области.

По данным рейтингового агентства «Moody's», в мае 2024 г. рейтинг Кыргызской Республики был повышен с негативного на стабильный. Агентство подтвердило долгосрочный рейтинг эмитента в местной и иностранной валюте на уровне ВЗ². Объем экспортных операций характеризует внешнеэкономическую активность и конкурентоспособность Кыргызстана на мировом рынке.

В Кыргызской Республике разработана «Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг.», долгосрочная программа социально-экономического развития страны на период до 2040 г., а также «Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2023–2027 гг.», приоритетными направлениями которой определены следующие:

² Международное рейтинговое агентство Moody's. URL: <https://fsa.gov.kg/2024/06/05/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/>.

- «новая система планирования и развития регионов;
- экономика регионов;
- комплексное развитие опорных точек роста (урбанизация);
- директивная поддержка регионов»³.

Экономика Кыргызстана выросла на 6,2% в 2023 г. после 9%-ного расширения в 2022 г. Этот рост был обусловлен сектором услуг, в частности, услугами, связанными с транзитной торговлей из Китая и России. Кыргызская Республика характеризуется выраженной региональной дифференциацией, что связано с различиями в уровне развития инфраструктуры, доступности социальных услуг, а также природными и географическими особенностями. В таблице 3 приведены отдельные социально-экономические показатели Кыргызской Республики в динамике по годам.

На основе представленных данных в таблице можно сделать следующие выводы по социально-экономическим показателям Кыргызской Республики в период с 2019 по 2023 г. Население Кыргызской Республики показало устойчивый рост, увеличившись с 6 523,5 тыс. чел. в 2019 г. до 7 152,1 тыс. чел. в 2023 г. Это свидетельствует о положительной динамике демографической ситуации в стране. Валовой внутренний продукт (ВВП) значительно увеличился – с 590 042,4 млн сомов в 2019 г. до 1 228 898,8 млн сомов в 2023 г., что указывает на экономический рост и развитие страны. Необходимо отметить, что, несмотря на рост ВВП, объем ВВП на душу населения в 2020 г. показал снижение, составив 95 149,5 сомов (по сравнению с 99 834,3 сомов в 2019 г.). Однако с 2021 г. наблюдается его устойчивый рост, и в 2023 г. он составил 173 100,0 сомов, что свидетельствует об улучшении уровня жизни населения. Объем промышленного производства также демонстрирует положительную динамику, увеличившись с 278 565,0 млн сомов в 2019 г. до 482 801,5 млн сомов в 2023 г. Индекс физического объема производственной деятельности оставался в положительной зоне, что указывает на стабильный рост сектора.

Продолжая анализ, отметим, что сумма валового выпуска продукции сельского хозяйства также увеличилась, что говорит о развитии этого сектора. С 219 966,7 млн сомов в 2019 г. она возросла до 378 699,3 млн сомов в 2023 г., мы видим положительную динамику.

Общий объем инвестиций в основной капитал показывает некоторые колебания, однако в 2023 г. наблюдается рост до 168 537,4 млн сомов, что может быть признаком улучшения деловой активности и инвестиций в экономику.

Общий объем валовой продукции строительства значительно возрос в 2022 г. – до 175 749,8 млн сомов, однако в 2023 г. по сравнению с 2022 г. наблюдается снижение до 144 708,6 млн сомов.

Перейдем к показателям объема услуг, оказанных ресторанами и гостиницами, который увеличился с 25 545,5 млн сомов в 2019 г. до 41 191,1 млн сомов в 2023 г., что, возможно, отражает восстановление туристической отрасли после пандемии.

³ Утверждена Концепция проведения Пятилетия действий по развитию горных регионов и Дорожная карта. URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/23708-tooluu-regiondordu-onukturuu-boyunca-is-arakterdin-bes-zyldygyn-otkoruu-konceptsiyasy-zana-zol-kartasy-bekitildi>.

Одновременно с другими социально-экономическими показателями Кыргызской Республики мы рассмотрели и рост розничного товарооборота с 407 605,7 млн сомов в 2019 г. до 1 287 491,7 млн сомов в 2023 г., что свидетельствует о повышении покупательской способности населения и активности внутреннего рынка.

Среднемесячная заработная плата повысилась с 17 232 сомов в 2019 г. до 32 142 сомов в 2023 г., что является позитивным признаком роста уровня жизни. Наблюдается стабильный рост индекса потребительских цен, что указывает на инфляционные процессы в экономике, хотя уровень инфляции колебался в разные годы.

Численность официальных безработных в 2022 г. резко снизилась – до 74,7 тыс. чел. по сравнению с 150,2 тыс. чел. в 2020 г., что свидетельствует о возможном улучшении ситуации на рынке труда.

При этом межрегиональные различия достаточно сильны. Согласно данным Национального статистического комитета, наблюдается высокий уровень диспропорций между городскими и сельскими регионами. Например, ВВП на душу населения в Бишкеке значительно превышает аналогичный показатель в отдаленных регионах, таких как Нарынская или Таласская области.

В контексте Кыргызстана можно выделить несколько кластеров: высокоразвитыми регионами могут быть Бишкек и Ош, а более бедными – сельские районы или горные области. Необходимо отметить, что для кластеризации могут быть использованы такие параметры, как уровень урбанизации, плотность населения, состояние инфраструктуры.

Важно учитывать, что, например, сельские районы часто страдают от недостатка инфраструктуры и ограниченных возможностей для бизнеса, что приводит к большому уровню дифференциации.

Дифференциация по объему промышленного производства также заметна. Чуйская область производит около 40% всей промышленной продукции страны, Иссык-Кульская – более 24%, Джалал-Абадская – более 10%. Остальные четыре области в совокупности производят всего 6,3% промышленной продукции [8]. По производству сельскохозяйственной продукции лидируют Чуйская (27%), Джалал-Абадская (19,2%) и Ошская области (18%). В то же время относительно низок уровень Иссык-Кульской области (8,3%) и остальных малых регионов страны – Баткенской (7,2%), Таласской (8,9%) и Нарынской (7,1%) областей.

Вариантом преодоления неравенства является государственное регулирование регионов путем проведения экономической и социальной политики, направленной на нивелирование региональных расхождений. В ряде главных задач для преодоления регионального неравенства выделяют:

- исследование динамики неравенства российских регионов по отдельным показателям социально-экономического развития с помощью статистических характеристик дифференциации;
- проведение сравнительного анализа существующих методик оценивания регионального развития;

Таблица 3. Социально-экономические показатели Кыргызской Республики
Table 3. Socio-Economic Indicators of the Kyrgyz Republic

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Постоянное население, тыс. чел.	6 523,5	6 636,8	6 747,3	7 037,6	7 152,1
ВВП, млн сом.	590 042,4	739 818,5	919 444,6	1 020 744,6	1 228 898,8
Объем ВВП на душу населения, сом.	99 834,3	95 149,5	114 934,0	146 339,1	173 100,0
Промышленность, млн сом.	278 565,0	320 767,5	355 175,6	442 552,1	482 801,5
Индекс физического объема, %	106,2	107,0	109,0	111,4	102,7
Валовой выпуск продукции сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, млн сом.	219 966,7	247 298,2	324 283,1	354 680,8	378 699,3
Объем инвестиций в основную капитал, млн сом.	161 790,8	122 858,7	122 843,3	139 417,5	168 537,4
Общий объем валовой продукции строительства, млн сом.	89 444,8	65 146,1	79 512,6	175 749,8	144 708,6
Объем услуг, оказанных гостиницами и ресторанами, млн сом.	25 545,5	15 897,8	20 791,3	29 564,8	41 191,1
Розничный товарооборот, млн сом.	407 605,7	524 164,1	689 301,5	1 000 897,9	1 287 491,7
Среднемесячная з/п, сом.	17 232	18 940	19 609	25 711	32 142
Индекс потребительских цен, %	103,1	109,7	111,2	114,7	110,8
Численность официальных безработных, тыс. чел.	140,9	150,2	142,6	74,7	67,6

Источник: составлено автором Т.Т.Талантбековым по данным материалов интернет-сайта Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁴

Source: compiled by T.T.Talantbekov based on data from the National Statistics Committee website⁴

- разработка методики оценивания уровня социально-экономического неравенства регионов и применение ее для исследования динамики межрегиональных различий;
- выявление общих факторов социально-экономического развития регионов РФ и исследование их динамики;
- определение групп регионов, однородных по уровню социально-экономического развития.

⁴ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/>.

Выводы

Методы оценки региональной социально-экономической дифференциации предоставляют важные данные для разработки эффективной политики территориального и социального развития. Для Кыргызской Республики понимание региональных различий поможет в формировании более сбалансированного подхода к распределению ресурсов, улучшению качества жизни и сокращению социального неравенства. Разработка комплексных подходов, таких как индексный анализ, кластеризация и пространственная статистика, будет способствовать более точному оцениванию региональных различий и формированию направлений для их сглаживания.

Таким образом, в период с 2019 по 2023 г. Кыргызстан демонстрирует позитивные тренды в социально-экономическом развитии, несмотря на некоторые колебания в отдельных показателях. Основные индикаторы, включая темпы роста валового внутреннего продукта, ВВП на душу населения, объем промышленного производства и уровень жизни, демонстрируют стабильное улучшение, что может свидетельствовать об устойчивом росте экономики государства. Тем не менее необходимо также обратить внимание на инфляционные процессы и углубить работу над вопросами занятости, чтобы обеспечить дальнейшее социально-экономическое развитие.

В ходе исследования было установлено, что неравномерность социально-экономического развития регионов обусловлена их уникальными характеристиками. В соответствии с этими особенностями регионы Кыргызской Республики были классифицированы и разделены на три условные группы, с учетом таких параметров, как площадь, природно-экономический потенциал, численность населения и его распределение, а также структура хозяйства и уровень специализации.

Уровень жизни в городах значительно выше, чем в сельской местности. Это связано с доступностью рабочих мест, образованием, медицинскими услугами и более развитыми инфраструктурными объектами. Некоторые регионы ориентированы на сельское хозяйство, другие – на промышленность и услуги. Разница между регионами с высокоразвитыми и низкоразвитыми секторами экономики – продовольственная база республики с преобладанием доли сельскохозяйственного сектора.

Однако если обратить внимание на регионы-аутсайдеры Кыргызстана в части социально-экономического развития, то среди них преимущественно оказываются отдаленные регионы с неблагоприятными условиями. Очевидно, что развитию их территорий государство должно уделять повышенное внимание. Думается, что создание инновационных предприятий и введение налоговых льгот на территориях отстающих регионов может существенно повысить их инвестиционную привлекательность и способствовать сокращению отставания от среднероссийских показателей развития.

Выводы и авторские рекомендации:

- необходима реформа административно-территориального устройства и управления;
- целесообразно создавать специализированные институты по подготовке и оценке региональных инвестиционных проектов;
- требуется разработка специализированных программ развития приграничных территорий;
- развитие СЭЗ (свободных экономических зон) и ГЧП (государственно-частного партнерства);
- расширение доступа малого и среднего бизнеса к ресурсам в регионах в рамках государственных программ;
- реализация региональных туристических проектов;
- строительство нового жилья экономкласса;
- укрепление межрегиональных связей;
- необходимо обеспечить прозрачность распределения финансовых средств в бюджеты всех уровней.

Для достижения результатов государственной политики в регионах должна реализовываться деятельность по таким направлениям, как: развитие инфраструктуры и образования, поддержка сельского хозяйства и малого и среднего бизнеса, социальная поддержка и создание бренда региона для привлечения дополнительных средств. Комплексная реализация этих мер приведет к развитию социальной и экономической сферы региона. В регионах должна быть проведена политика, выстроенная под нужды конкретного региона и прежде всего ориентированная на людей.

Список литературы

1. Белькина А.С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы [Socio-Economic Inequality of Russian Regions: Ways to Solve the Problem] // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 246–247.
2. Бухвальд Е.М. Пространственные аспекты «Концепции-2020» и реализация целевых установок политики регионального развития [Spatial Aspects of «The Concept-2020» and the Implementation of the Targets of the Regional Development Policy] // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 67–83. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83.
3. Владиславлева Т.Б., Керов В.А. Государственная региональная политика: преодоление трудностей выработки и реализации [State regional policy: overcoming the difficulties of development and implementation] // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2020. № 2. С. 77–96.
4. Галушкина Е.А. Модели социальной политики в условиях Кыргызстана [Models of Social Policy in the Context of Kyrgyzstan] // Научный журнал УА. 2015. № 1. С. 136–144.
5. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report – 2022] / Отв. ред. Т.К.Ростовская, А.А.Шабунцова. М.: ИТД «Перспектива», 2022.
6. Захарова Е.А., Давыдов Д.В. Новая экономическая география в объяснении пространственного развития [New economic geography in explaining spatial development] // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6(464). С. 9–20. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10602>.
7. Ибраимова С.М., Абдивап-кызы У., Зулпуева Д.А. Стратегическое социально-экономическое управление развитием южных регионов Кыргызской Республики: целевые программы и

форсайт [Strategic Socio-Economic Development Management of the Southern Regions of the Kyrgyz Republic: Targeted Programs and Foresight] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 11. С. 114–119. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2019.45.557>.

8. Камчыбеков Т.К., Жапаров А.У., Джаилова А.Д. Стратегия экономической интеграции Кыргызстана в условиях глобализации [Strategy of economic integration of kyrgyzstan under conditions of globalization] // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2020. Т. 19. № 2. С. 50–63. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2020-19-2-50-63>.
9. Колосова В.С. Дифференциация социально-экономического развития регионов России: причины и сравнительный анализ [Differentiation of Socio-Economic Development of Russian Regions: Causes and Comparative Analysis] // Процессы интеграции и дифференциации в мире: социально-гуманитарный аспект: Материалы Всероссийской студенческой научной конференции (Екатеринбург, 1–2 декабря 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. С. 98–102.
10. Котов А.В. Оценка эффективности инструментов региональной политики [Assessing the Effectiveness of Regional Policy Tools] // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 352–362. <http://doi.org/10.17059/2020-2-2>.
11. Кузнецова О.В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России [New patterns of modern socio-economic development of Russian regions] // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 19–30. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>.
12. Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей [New Economic Geography: Preconditions, Ideological Basis and Applicability of the Models] // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17.
13. Сепик Д. Индикаторы конкурентоспособности регионов: европейский подход [Indicators of Regional Competitiveness: a European Approach] // Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 197–205.
14. Смирнов С.Н. Региональные факторы социального неравенства и его следствия: пример современной России [Regional Factors of Social Inequality and its consequences: the Example of Modern Russia] // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 46–66.
15. Суворова А.В. Особенности устойчивого развития городов: пространственные аспекты [Features of sustainable urban development: spatial aspects] // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 2(77). С. 26–32. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-26-32>.
16. Талантбеков Т.Т., Осмонов З.А., Гяззов А.Т. Теоретические основы региональной дифференциации Кыргызской Республики [Theoretical Foundations of the Regional Differentiation of the Kyrgyz Republic] // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2023. № 5. С. 159–163. <https://doi.org/10.26104/IVK.2023.45.557>.
17. Урманов Д.В. Локальные территории в пространственном развитии системы «Центр – периферия» региона [Local Territories in the Spatial Development of the “Center-Periphery” System of the Region] // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 127–130.
18. Усонов М.М., Кадыров Ш.И., Кунназаров А.Б. Динамика развития конкурентных отношений [Dynamics of the Development of Competitive Relations] // Вестник Кыргызстана. 2022. № 1(2). С. 49–54.
19. Komleva V., Belyaeva O., Golubchenko I. Political Factors of Regional Inequality: Comparative Studies. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 2020. 56 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3690877>.
20. Komleva V., Belyaeva O., Komleva E., Silkirinskaya K. Regional Inequality Assessment Methodology: Preprint. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 2020. 56 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3889031>.

Информация об авторах

ТАЛАНТБЕКОВ Талгат Талантбекович. Старший преподаватель. Соискатель кафедры экономики Кызыл-Кийского института технологии экономики и права Баткенского государственного университета. Адрес: Кыргызская Республика, 720300, Баткенская область, г. Кызыл-Кия, улица Нигматулина, 1. mistertolik96@mail.ru

БЕЛЯЕВА Ольга Игоревна. Кандидат экономических наук. Доцент кафедры регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82. belyaeva_klgd@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 января 2024 г. Одобрена после рецензирования:
2 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликована: 1 сентября 2025 г.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belkina A.S. Socio-Economic Inequality of Russian Regions: Ways to Solve the Problem. *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. 2015; 3:246–247 [In Russian].
2. Buchwald E.M. Spatial Aspects of “The Concept-2020” and the Implementation of the Targets of the Regional Development Policy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2021; 2:67–83 [In Russian]. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83.
3. Vladislavleva T.B., Kerov V.A. State regional policy: overcoming the difficulties of development and implementation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. Governance (State and Society)]. 2020; 2:77–96 [In Russian].
4. Galushkina E.A. Models of Social Policy in the Context of Kyrgyzstan. *Nauchnyj zhurnal UA* [Scientific Journal UA]. 2015; 1:136–144 [In Russian].
5. Demographic Well-Being of the Regions of Russia. *National Demographic Report – 2022* / Ed. T.K.Rostovskaya, A.A.Shabunova. Moscow: ITD “Perspektiva” [Publishing House “Perspektiva”], 2022 [In Russian].
6. Zakharova E.A., Davydov D.V. New economic geography in explaining spatial development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2022; 6(464):9–20 [In Russian]. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10602>.
7. Ibrahimova S.M., Abdivap-kyzy U., Zulpueva D.A., Strategic Socio-Economic Development Management of the Southern Regions of the Kyrgyz Republic: Targeted Programs and Foresight. *Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana* [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2019; 11:114–119 [In Russian]. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2019.45.557>.
8. Kamchybekov T.K., Zhaparov A.U., Dzhaилоva A.D. Strategy of economic integration of kyrgyzstan under conditions of globalization. *Uchenye zapiski Rossijskoj akademii predprinimatel'stva* [Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship]. 2020; 19(2):50–63 [In Russian]. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2020-19-2-50-63>.
9. Kolosova V.S. Differentiation of Socio-Economic Development of Russian Regions: Causes and Comparative Analysis. *Integration and Differentiation Processes in the World: Social and Humanitarian Aspect: Precedings of the All-Russian Student Scientific Conference, Ekaterinburg, December 1-2, 2021*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta [Ural University Publishing House], 2022:98–102 [In Russian].
10. Kotov A.V. Assessing the Effectiveness of Regional Policy Tools. *Ekonomika regiona* [Economy of region]. 2020; 16(2):352–362 [In Russian]. <http://doi.org/10.17059/2020-2-2>.
11. Kuznetsova O.V. New patterns of modern socio-economic development of Russian regions. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies]. 2023; 1:19–30 [In Russian]. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>.
12. Pilyasov A.N. New Economic Geography: Preconditions, Ideological Basis and Applicability of the

Models. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series]. 2011; 4:7–17 [In Russian].

13. Sepik D. Indicators of Regional Competitiveness: a European Approach. *Region: Ekonomika i Sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2005; 2:197–205 [In Russian].
14. Smirnov S.N. Regional Factors of Social Inequality and its consequences: the Example of Modern Russia. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii* [Economic and social problems of Russia]. 2017; 2:46–66 [In Russian].
15. Suvorova A.V. Features of sustainable urban development: spatial aspects. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: problems and prospects of development]. 2024; 2(77):26–32 [In Russian]. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-26-32>.
16. Talantbekov T., Osmonov Z., Gyyazov A. Theoretical Foundations of the Regional Differentiation of the Kyrgyz Republic. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana* [Izvestia of Universities of Kyrgyzstan]. 2023; 5:159–163 [In Russian]. <https://doi.org/10.26104/IVK.2023.45.557>.
17. Urmanov D.V. Local Territories in the Spatial Development of the “Center-Periphery” System of the Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2010; 339:127–130 [In Russian].
18. Usonov M., Kadyrov Sh., Kunnazarov A. Dynamics of the Development of Competitive Relations. *Vestnik Kyrgyzstana* [Bulletin of Kyrgyzstan]. 2022; 1(2):49–54 [In Russian].
19. Komleva V., Belyayeva O., Golubchenko I. Political Factors of Regional Inequality: Comparative Studies. *Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)*, 2020:56 [In English]. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3690877>.
20. Komleva V., Belyayeva O., Komleva E., Sikirinskaya K. Regional Inequality Assessment Methodology: Preprint. *Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)*, 2020:56 [In English]. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3889031>.

About the authors

Talgat T. TALANTBEKOV. Senior Lecturer, Applicant of the Department of Economics at the Kyzyl-Kiya Institute of Technology, Economics and Law of the Batken State University, Kyrgyz Republic. Address: 1, Nigmatulina Street, Kyzyl Kiya, Batken Region, 720300, Kyrgyz Republic. mistertolik96@mail.ru

Olga I. BELYAEVA. CandSc. (Economics), Associate Professor of the Department of Regional Management at the Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Address: 82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation. belyayeva_klgd@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: January 15, 2025. Approved after review: May 2, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327.56

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-110-119](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-110-119)

Политические науки

Конфронтация Запада с Россией как фактор расширения НАТО

Ярослав Сергеевич Бударин✉

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
y.s.budarin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2115-6293>

Аннотация. Современная конфронтация между странами коллективного Запада и Россией приобретает новый прагматичный характер, который способствует обострению социокультурных проблем во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. Организация Североатлантического договора, как геополитический инструмент давления коллективного Запада, формирует повестку в различной интерпретации для эскалации напряженности или, напротив, для сдерживания России. Пути исследования данного вопроса на текущий момент имеют ярко выраженный враждебный характер. Это не позволяет сформировать устойчивую позицию для дальнейшей деэскалации напряженности, так как исследователи стран Запада и России преследуют политический подтекст текущей международной повестки. В связи с этим в данной статье предлагается рассмотреть альтернативный взгляд на конфронтацию между коллективным Западом и Россией, в том числе в лице своего инструмента – НАТО. Автор проводит обзорный ретроспективный анализ исторических предпосылок, которые, возможно, стали одним из факторов обострения отношений между Западом и Россией со стороны Российского государства. Позиция автора основана на изучении открытых источников информации. Предполагается, что альтернативный подход может способствовать открытию нового подхода к изучению конфронтации между коллективным Западом и Россией. Дальнейшие исследования в области ретроспективных действий и бездействий стран Запада по отношению к России позволят проводить более прагматичные исследования в вопросах формирования международного баланса интересов ключевых политических акторов.

Ключевые слова: НАТО, Россия, коллективный Запад, политические акторы, конфронтация, Украина, Грузия, переговоры России и США

Для цитирования: Бударин Я.С. Конфронтация Запада с Россией как фактор расширения НАТО // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 110-119, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-110-119](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-110-119)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-110-119](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-110-119)

Political Sciences

The West's Confrontation with Russia as a Factor in NATO Expansion

Yaroslav S. Budarin✉

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

y.s.budarin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2115-6293>

Abstract. The modern confrontation between the countries of the collective West and Russia is acquiring a new pragmatic character, which contributes to the aggravation of socio-cultural problems in many countries in the near and far abroad. The North Atlantic Treaty Organization (NATO), as a geopolitical instrument of pressure from the collective West, is forming an agenda in various interpretations to either escalate tensions or contain Russia. Currently, the ways of investigating this issue have a pronouncedly hostile character, which does not allow for a stable position to be formed for further de-escalation of tensions. As researchers from Western countries and Russia pursue the political implications of the current international agenda, this article suggests considering an alternative view of the confrontation between the collective West and Russia, including through its instrument NATO. The author conducts a retrospective analysis of historical background, which may have led to the aggravation of relations between West and Russia from the Russian side. The position of the author is based on open sources of information, and it is assumed that alternative approach can contribute to finding new ways of studying the confrontation. Further research into the actions and inactions of Western countries towards Russia will allow for a more pragmatic approach to balancing interests of major political actors.

Keywords: NATO, Russia, collective West, political actors, confrontation, Ukraine, Georgia, negotiations between Russia and the United States

For citation: Budarin Ya.S. The West's Confrontation with Russia as a Factor in NATO Expansion. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 110-119, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-110-119](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-110-119)

Введение

Геополитическая ситуация в современном мире становится все более напряженной. Мы наблюдаем активное противостояние между различными странами, в ходе которого заинтересованные стороны стремятся реализовать свои цели [7]. Россия в 2022 г. также оказалась вовлечена в вооруженный конфликт. Под воздействием внешних факторов или в результате интересов экономических и политических сил наша страна была вынуждена начать специальную военную операцию на территории Украины. На данный момент, по мнению автора, отсутствуют все необходимые данные для объективного анализа происходящих событий.

Но чтобы понять исторические хронологические связи, автор предлагает провести ретроспективный обзор событий со стороны Российского государства, которые могли стать причиной нынешнего недоверия между Западом и Россией. Необходимо подчеркнуть, что для создания научного баланса в дальнейшем потребуются изучение аналогичных событий со стороны стран коллективного Запада.

Материалы и методы

В ходе подготовки работы автором были изучены научные статьи, которые отражают традиционные взгляды на события, приведшие к созданию НАТО и его последующему расширению. Общая позиция отечественных ученых основывается на следующих основных тезисах:

- «геостратегическое расширение НАТО на восток» [2];
- «отстраненность России от главных линий международно-политического развития» [3];
- «действия НАТО носят провокационный характер» [13];
- «расширение НАТО не способствует снижению мировых опасностей и может привести к утрате взаимного доверия» [1];
- «задачи противостояния угрозам терроризма, росту военной мощи Китая, России и Ирана» [14].

Авторы работ, опубликованных с 2009 по 2023 г., занимают жесткую позицию, рассматривая НАТО как основную угрозу для мирного существования России. Безусловно, указанные аргументы имеют право на существование. НАТО, как военно-политический союз, выступает важным политическим актором в Европе, способным проводить единую и последовательную политику, направленную на насаждение принципов, характерных для западного общества. С этой точки зрения позиция кажется весьма многообещающей и последовательной. Однако что же стоит за этой маской отстаивания принципов и почему сложилась такая ситуация?

Результаты исследований

Запад и Россия, несмотря на различия в формах государственного строя, систематически находились в положении взаимовыгодного сотрудничества. Данные отношения претерпевали взлеты и падения: от практически «полной потери государственности» [8] до участия в «антифранцузской коалиции» [6]. Но в любом случае они имели определенный баланс, который оставлял за Россией право для участия в европейских делах. Возможно ли рассматривать текущую геополитическую обстановку в данном контексте? Вероятно, большинство политологов не согласятся с данной позицией. Но ретроспективный подход позволяет зафиксировать все события, создав массив данных действий или бездействий всех государств, с которыми взаимодействовало изучаемое государство. Стоит подчеркнуть, что под «Западом» в данном контексте понимаются отдельно взятые или альянсы европейских государств в различные исторические периоды.

В данной работе мы рассматриваем некоторые шаги Российского государства, которые могли оказать негативное влияние на доверительные отношения с Западом.

По мнению автора, первым серьезным испытанием для отношений между Западом и Россией стало присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. и стремление реализовать «Греческий проект» [9]. В XVIII в. в Европе не было общепринятых принципов, направленных на поддержание мира и стабильности, и войны следовали одна за другой [15]. Поэтому действия всех европейских государств мотивировались территориальными и/или личными амбициями соответствующих лидеров. В Российской империи амбиции Екатерины II воспринимались как возможность получить надежный контроль над проливом Босфор и создать буферную зону на южном направлении [9]. Это позволило бы Российской империи действовать в Европе более свободно и расширить свое влияние на Западе. Несмотря на то, что на тот момент не существовало коллективного Запада, европейские державы настороженно отнеслись к данному проекту и не поддержали его.

Вторым серьезным шагом стали заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. и последовавший за ним контроль над европейскими государствами [16]. Несмотря на стабилизацию Европы и установление «венской системы» под покровительством Российской империи, укрепление России в Европе вызывало озабоченность и беспокойство Запада. Это привело к постепенному усилению конфронтации.

Третьим шагом стала Крымская война 1853–1856 гг. Она стала следствием дипломатических просчетов Российской империи в стремлении завладеть территориями Османской империи [5]. Подчеркнем, что это стало первым коллективным объединением стран Запада против России.

Четвертым шагом стал дипломатический просчет, когда в 1906 г. Российская империя взяла в долг у Франции 2 млрд франков. В результате этого шага Россия отказалась от своего традиционного союзника – Германской империи – в пользу долговых обязательств перед Францией [11]. По мнению автора, вследствие этого Российское государство оказалось на ином историческом «фронте», который

привел к предательству со стороны союзников. Последующие революции и захват власти Лениным усугубили ситуацию. Желание осуществить мировую революцию окончательно оттолкнуло Запад от партнерства с Россией. Фактически путь конфронтации Запада и России был заложен в начале XIX в. По мнению автора, данный период особенно интересен будет в контексте текущего противостояния стран Запада в последующих исследованиях.

Пятый шаг был сделан после Второй мировой войны, когда И.В.Сталин задумал реализовать проект Балканской федерации 1947 г. [4]. Однако внутренние политические разногласия не позволили этому проекту воплотиться в жизнь. Гражданская война в Греции, разгоревшаяся в 1946–1949 гг., усугубила конфронтацию. С одной стороны, ее поддерживали Великобритания и США, а с другой – коммунистические партизаны, которые опирались на поддержку СССР, Югославии, Албании и Болгарии. Вероятно, именно в этот момент возникла идея создать военно-политический блок, способный противостоять «советской красной машине».

Шестым шагом стал визит Н.С.Хрущева, который стал известен своей знаменитой фразой «Показать кузькину мать». Этот визит лишь усугубил напряженность в отношениях между Западом и СССР. Как следствие данного недоверия, карибский кризис 1962 г. стал еще одним звеном в снижении доверия между двумя сторонами.

Седьмой шаг был закономерным следствием пятого, поскольку объединение различных этнических и религиозных групп в рамках относительно небольшого государства Югославия неизбежно привело бы к возникновению очагов напряженности. Руководство СССР, а затем и ее преемницы – Российской Федерации – последовательно оказывало поддержку югославскому режиму. Для западных стран Югославия представлялась «балканской пороховой бочкой», а для России – инструментом культурного влияния [12]. Возможно, в этом и заключается ключевое противоречие современной истории: Россия не обладает ни культурными инструментами, ни силовыми и/или дипломатическими ресурсами для решения балканского вопроса. Мы утверждаем, что это наша зона влияния, но при этом не можем ничего гарантировать в этом регионе. Поэтому страны Запада постепенно решали накопившиеся проблемы на Балканах. Это привело к определенной стабильности в регионе, но вызывает возмущение у органов власти и граждан России. Последующий «кризис грузинского режима в 2008 г.» стал наглядным примером того, что недопонимание только усиливается. Пятидневная война в 2008 г. стала радикальным инструментом решения этого кризиса. Украинский кризис, начавшийся в 2013 г., привел к провокационным действиям со стороны украинского режима и началу специальной военной операции на территории Украины, что способствовало дополнительному нарастанию напряженности между Западом и Россией.

Обсуждение

Это лишь некоторые события, которые, по мнению исследователя, предопределили отношение стран Запада к России. Во внешнеполитической деятельности России на Западе, вероятно, наблюдается некоторая непоследовательность. Мы замораживаем решение таких проблем, как Нагорный Карабах, Абхазия и Приднестровье [17; 18; 21], вместо того, чтобы активно искать их дипломатическое урегулирование. Отсутствие действий в этом направлении лишь усугубляет ситуацию. На Западе это воспринимается как проявление слабости и попытка покуситься на суверенитет других стран.

Данная конфронтация усиливается из-за отсутствия полноценного диалога со стороны западных стран и России. В настоящее время нам не до конца понятны мотивы, которыми руководствуется Запад в своих действиях, а им – стратегические интересы России. Данная недоговоренность приводит к интерпретации действий или бездействий в искаженном формате.

В свою очередь, расширение НАТО на восток не воспринимается Западом как инструмент давления на Россию [20], так как ближайшая точка для нанесения ракетно-авиационного удара по центру принятия решений в России находится примерно на удалении 774 км от границы с НАТО [19]. С другой стороны, российский военный авангард в Калининградской области находится на расстоянии от их центров принятия решений: 274 км – до Варшавы; 507 км – до Копенгагена; 520 км – до Берлина; 806 км – до Будапешта; 1 154 км – до Брюсселя; 1 396 км – до Парижа; 1 398 км – до Лондона.

Подобный геостратегический паритет между Западом и Россией создает определенную стабильность в существующей системе безопасности, но, к сожалению, не гарантирует политическую стабильность. Принято считать, что европейские государства являются «военно-политическими марионетками» США [10] и готовы жертвовать миллионами граждан ради своей экономической и политической выгоды. Однако такой сценарий развития событий, по мнению автора статьи, маловероятен. Западные страны достигают своих целей с помощью «мягкой силы».

Российская Федерация ощущает данное давление как внутри страны, так и в ближайших странах постсоветского пространства. Это заставляет ее выработать политическую рефлексию. Чтобы донести свои ключевые послания до государств, которые не должны находиться под влиянием «мягкой силы» Запада, России приходится применять силовой метод, так как иных инструментов нет. Возникает конфронтация интересов России и Запада на территории суверенных государств [24]. С одной стороны, «мягкая сила», с другой – силовой подход. Государство, оказавшееся между двух огней, становится заложником и теряет свой суверенитет.

Чтобы получить гарантированный иммунитет, страны Европы стремятся вступить в НАТО, теряя свою независимость в обмен на военно-политическую стабильность [23]. Однако на данный момент НАТО достигло пика своего расширения,

и дальнейшее расширение невозможно из-за нерешенных внутренних и внешних политических конфликтов: Грузия с Абхазией, Молдавия с Приднестровьем, Армения с Азербайджаном, Украина и Россия, Израиль и Палестина и т.д.

Выводы

Таким образом, альтернативный взгляд на расширение НАТО дает нам понимание, что конфронтация между Западом и Россией является следствием череды исторических событий, которые постепенно усугубляли существующие недопонимания. Выходом из этой ситуации может быть только открытый, конструктивный диалог при посредничестве крупного политического актора на основе международного права и принципов ООН.

Однако, чтобы «созреть» для данного диалога, необходимо провести исследование по следующим темам: «Ретроспективные действия Запада, которые привели к недоверию со стороны Российского государства» и «Ретроспективные события, которые сформировали доверие между Западом и Российским государством». Это позволит более предметно понять действия потенциальных партнеров. Данный принцип стоит применять в том числе и в иных дипломатических отношениях, моделируя все плюсы и минусы соответствующих взаимоотношений государств.

Список источников

- Алиев В.Р. Расширение НАТО на Восток в контексте геополитической ситуации на постсоветском пространстве [NATO Expansion to the East in the Context of the Geopolitical Situation in the Post-Soviet Space] // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 5. С. 67–73.
- Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы [NATO's Capabilities in Global Governance: on the Balkan Scene] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 2. С. 208–223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>.
- Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений [The Evolution of the NATO-Russia Relations] // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 1. С. 3–31. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31>.
- Белянкина В.Ю. Исторические проекты балканской федерации во внешнеполитических взглядах русской общественности второй половины XIX – начала XX века [The Balkan Federation Projects in Foreign Policy Views of the Russian Society of the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century] // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 13–18. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.2>.
- Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов [On Causes and Results of the Crimean War (1853–1856)] // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10.
- Бовыкин Д.Ю. Король Франции и первая антифранцузская коалиция [The King of France and the First Anti-French Coalition] // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. № 15. С. 91–102.
- Бударин Я.С., Чирков Д.К. Общество знаний – настоящее и предполагаемое [Knowledge Society – Present and Prospected] // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12(100). С. 6477–6487. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.100.12.005>.
- Иерусалимский Ю.Ю., Дутов Н.В. Смутное время начала XVII века в Ярославле [Time of Troubles in the Early XVII Century in Yaroslavl] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4–5. С. 10–13.

- Лупанова М.Е. «Греческий проект» Екатерины Великой [«Greek Project» of Catherine the Great] // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 198–207.
- Матвеев Р.Ф. Военно-политические и экономические «Партнерства» как инструмент распространения влияния США в современном мире [Military-Political and Economic Partnerships as Expansion of the US Influence in the Modern World] // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 3(23). С. 65–72. <https://doi.org/10.12737/18154>.
- Раздорский Е.А. «Русские займы» во Франции: история размещения и текущее состояние дел [«Russian Loans» in France: History of Placement and Current Situation of Affairs] // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 18–24.
- Ратушняк И.О. Проблема безопасности на Балканах: взгляд из Италии и России (конец XX – начало XXI в.) [Security Problem in the Balkans: View from Italy and Russia (Late XX – Early XXI)] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1. Ч. 2. С. 93–101. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-93-101>.
- Теплухин В.В. Расширение НАТО на восток после 1991 года [The Expansion of NATO to the East After 1991] // Filo Ariadne. 2018. № 2(10). С. 66–80.
- Туганов В.Б. Теоретические подходы к анализу деятельности НАТО как сообщества безопасности в условиях пандемии COVID-19 [Theoretical Approaches to NATO's Operations Analysis as a Security Community During the COVID-19 Pandemic] // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии: Материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 25 ноября 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 269–274.
- Фархутдинов И.З. Посттутретская Европа – нескончаемые войны в XVIII в. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права (продолжение) [Posttutrecht Europe – Endless Wars in the XVIII Century. The Doctrinal Research of the Problem of the Formation of the Contemporary Model of International Relations in the Context of the Development of the International Law (Continuation)] // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12(139). С. 22–33.
- Федина Н.Г. Особенности российской историографии заграничного похода (1813–1814 гг.) [Features of Russian Historiography of the Foreign Campaign (1813–1814)] // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 131–135. <https://doi.org/10.17223/15617793/402/17>.
- Dressler W. Between Empires and Europe: The Tragic Fate of Moldova // Diogenes. 2006. № 53(2). P. 29–49. <https://doi.org/10.1177/0392192106065970>.
- Dzehtsiarou K. Georgia v. Russia (II) // American Journal of International Law. 2021 № 115(2). P. 288–294. <https://doi.org/10.1017/ajil.2021.7>.
- Hill S. AI's Impact on Multilateral Military Cooperation: Experience from NATO // AJIL Unbound. 2020. № 114. P. 147–151. <https://doi.org/10.1017/aju.2020.27>.
- Marten K. Reconsidering NATO expansion: a counterfactual analysis of Russia and the West in the 1990s // European Journal of International Security. 2018. № 3(2). P. 135–161. <https://doi.org/10.1017/eis.2017.16>.
- Miarka A. Patron-Client Relations in the Post-Soviet Area in the 21st Century – The Case Study of Armenia and the Nagorno-Karabakh Republic // Nationalities Papers. 2023. № 51(5). P. 1189–1201. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.26>.
- Nielsen C.A. Introduction: The Balkans. Contemporary European History. Published online 2024. № 1–2. P. 867–868. <https://doi.org/10.1017/S0960777323000607>.
- Sperling J., Webber M. Trump's foreign policy and NATO: Exit and voice // Review of International Studies. 2019. № 45(3). P. 511–526. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000123>.
- Way L.A. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. № 57(2). P. 231–261. <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>.

Информация об авторе

БУДАРИН Ярослав Сергеевич. Слушатель программы МРА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0003-2115-6293>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 84. y.s.budarin@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 марта 2025 г. Одобрена после рецензирования:
20 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликована: 1 сентября 2025 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Aliyev V.R. NATO Expansion to the East in the Context of the Geopolitical Situation in the Post-Soviet Space. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Sciences]. 2009; 5:67–73 [In Russian].
2. Arlyapova E.S., Ponomareva E.G., Prorokovich D. NATO's Capabilities in Global Governance: on the Balkan Scene. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of International Organizations research Journal]. 2022; 17(2):208–223 [In Russian]. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-9>.
3. Batyuk V.I. The Evolution of the NATO-Russia Relations. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye Otnosheniya i Mirovaya Politika* [Moscow State University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics]. 2020; 12(1):3–31. [In Russian] <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31>.
4. Belyankina V.Yu. The Balkan Federation Projects in Foreign Policy Views of the Russian Society of the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century. *Manuskript. Tambov: Gramota* [Manuskript. Tambov: Gramota]. 2019; 12(11):13–18 [In Russian]. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.11.2>.
5. Besov A.G. On Causes and Results of the Crimean War (1853-1856). *Vostochnyj arhiv* [Oriental Archive]. 2006; 14–15:5–10 [In Russian].
6. Bovykin D.Yu. The King of France and the First Anti-French Coalition. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V.Lomonosova* [History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University]. 2020; 15:91–102 [In Russian].
7. Budarin Y.S., Chirkov D.K. Knowledge Society – Present and Prospected. *Voprosy politologii* [Political Science Issues]. 2023; 13. 12(100):6477–6487 [In Russian]. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.100.12.005>.
8. Yerusalmitskiy Yu.Yu., Dutov N.V. Time of Troubles in the Early XVII Century in Yaroslavl. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: Scientific and Practical Journal. Humanities Series]. 2012; 4–5:10–13 [In Russian].
9. Lupanova M.E. "Greek Project" of Catherine the Great. *Izvestiya RGPU imeni A.I.Gercena* [Herzen Russian Pedagogical University Journal]. 2008; 65:198–207 [In Russian].
10. Matveev R.F. Military-Political and Economic Partnerships as Expansion of the US Influence in the Modern World. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. 2016; 3(23):65–72 [In Russian]. <https://doi.org/10.12737/18154>.
11. Razdorsky E.A. "Russian Loans" in France: History of Placement and Current Situation of Affairs. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2016; 1:18–24 [In Russian].
12. Ratushnyak I.O. Security Problem in the Balkans: View from Italy and Russia (Late XX – Early XXI). *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-Educational Idea]. 2016; Vol. 8. 1(2):93–101 [In Russian]. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-93-101>.
13. Teplukhin V.V. The Expansion of NATO to the East After 1991. *Filo Ariadne*. 2018; 2(10):66–80.

14. Tuganov V.B. Theoretical Approaches to NATO's Operations Analysis as a Security Community During the COVID-19 Pandemic. *The world and Pandemics: Transformations, Communications, Strategies: Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Oxford Russian Foundation Students-Scholars* (Ekaterinburg, 25 November 2020). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta [Ural University Publishing House]. 2021:269–274 [In Russian].
15. Farkhutdinov I.Z. Postutrecht Europe – Endless Wars in the XVIII Century. *The Doctrinal Research of the Problem of the Formation of the Contemporary Model of International Relations in the Context of the Development of the International Law (Continuation)*. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2019; 12(139):22–33 [In Russian].
16. Fedina N.G. Features of Russian Historiography of the Foreign Campaign (1813-1814). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2016; 402:131–135 [In Russian]. <https://doi.org/10.17223/15617793/402/17>.
17. Dressler W. Between Empires and Europe: The Tragic Fate of Moldova. *Diogenes*. 2006; 53(2):29–49 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0392192106065970>.
18. Dzehtsiarou K. Georgia v. Russia (II). *The American Journal of International Law*. 2021; 115(2):288–294 [In English]. <https://doi.org/10.1017/ajil.2021.7>.
19. Hill S. AI's Impact on Multilateral Military Cooperation: Experience from NATO. *AJIL Unbound*. 2020; 114:147–151 [In English]. <https://doi.org/10.1017/aju.2020.27>.
20. Marten K. Reconsidering NATO Expansion: a Counterfactual Analysis of Russia and the West in the 1990s. *European Journal of International Security*. 2018; 3(2):135–161 [In English]. <https://doi.org/10.1017/eis.2017.16>.
21. Miarka A. Patron-Client Relations in the Post-Soviet Area in the 21st Century – The Case Study of Armenia and the Nagorno-Karabakh Republic. *Nationalities Papers*. 2023; 51(5):1189–1201 [In English]. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.26>.
22. Nielsen C.A. Introduction: The Balkans. *Contemporary European History*. 2024; 1–2:867–868 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S0960777323000607>.
23. Sperling J., Webber M. Trump's Foreign Policy and NATO: Exit and Voice. *Review of International Studies*. 2019; 45(3):511–526 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000123>.
24. Way LA. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*. 2005; 57(2):231–261 [In English]. <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>.

About the author

Yaroslav S. BUDARIN. Student of the MPA Program of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. <https://orcid.org/0000-0003-2115-6293>. Address: 84, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation. y.s.budarin@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 5, 2025. Approved after review: May 20, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes.

Political sociology

Япония является собой пример формирования институциональной матрицы гибридного типа у социальной общности при оторванности от корневого социума и нахождения в условиях фронтальной колонизации.

Барахвостов П.А.

Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации

Феномен формирования в условиях СВО нового типа взаимодействия гражданского общества и государства отражает эволюцию традиционных моделей гражданского участия, где ключевым становится не противостояние или пассивное согласие, а конструктивное сотрудничество на основе общих целей.

Гореликов Е.С.

Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и органов государственного и военного управления

...Символический капитал Великобритании, который мы рассматриваем через призму привычных для обывателя институциональных образов, доставшихся ей в наследство от богатого прошлого, продолжает выполнять / имитировать свои основные функции: фундирование национального сознания в британскую идентичность и транслирование его за пределы национальной британской семиосферы, т.е. сферы определенных смыслов, в виде привлекательного и желанного мифа.

Макаров Е.Б.

Символический капитал Великобритании – кризис, который назрел

Рейтинги стран по уровню развития ИИ не только являются индикаторами технологического прогресса и интеллектуального потенциала государства, но и оказывают существенное влияние на его экономические показатели и глобальную конкурентоспособность.

Жуликов С.Е., Жуликова О.В.

Оценка достижений государств в сфере искусственного интеллекта в разрезе международных рейтингов

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 1:304.5

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации

Павел Александрович Барахвостов ✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. Экономические, политические и социальные трансформации последних десятилетий в различных странах мира актуализировали исследования генезиса и эволюции институциональной среды общественной системы, что неразрывно связано с проблемой осмысления особенностей и направленности исторического процесса. Одним из интересных кейсов является Япония, где слились институты как «западного», так и «незападного» типа. Цель исследования – попытка философского осмысления японской истории, выявления ее наиболее общих трендов и их причин, определяющих особенности современного и в значительной степени будущего развития Японии. Методологической основой исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц (ИМ), в соответствии с которой сущностные черты общественной системы определяются ее институциональной матрицей, образованной базовыми институтами альтернативных типов (редистрибутивными и рыночными), сосуществующими на условиях доминантности / комплементарности и регулируемыми взаимосвязанными

и взаимозависимые подсистемы общества (экономическую, политическую, социокультурную). Показано, что в отличие от других стран с выраженным типом доминирования институтов в ИМ Японии обладает институциональной матрицей гибридного типа, что обусловлено особенностями формирования ее общественной системы: нахождением социальной общности в условиях фронтальной колонизации и оторванности от «корневой» социальной системы, частью которой она являлась ранее. Гибридизация институтов на стадии формирования общественной системы предопределила специфику развития страны, что проиллюстрировано в ходе анализа широкого временного среза японской истории. В частности, показано, что при трансплантации институтов извне в институциональную среду Японии они приобретали отдельные элементы альтернативного типа. Продемонстрировано сохранение институциональной амбивалентности Японии (отсутствие выраженного доминирования институтов определенного типа в институциональной матрице) до настоящего времени. Гибридизация институтов, обусловленная особенностями генезиса институциональной матрицы, обеспечивает восприятие институциональных инноваций и устойчивость развития Японии.

Ключевые слова: институциональная матрица, редистрибутивные институты, рыночные институты, экономические институты, политические институты, социокультурные институты, общественная система Японии

Для цитирования: Барахвостов П.А. Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 122-142, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

The Formation and Evolution of Japan's Institutional Matrix as a Case of Institutional Hybridization

Pavel A. Barakhvostov ✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. Economic, political and social transformations in various countries in recent decades have contributed to the relevance of studying the genesis and evolution of the institutional environment of social systems, and, consequently, the problem of features and directions of historical process. A case of particular interest is Japan, where institutions of both “Western” and “non-Western” types have been historically intertwined. The aim of this paper is to attempt a philosophical understanding of Japanese history by identifying its general trends and causes. The methodological basis of this study is the institutional approach, supplemented by the theory of institutional matrices (IM). According to this

theory, the essential features of a social system are determined by its institutional matrix, formed by basic institutions of redistributive and market types coexisting under conditions of dominance-complementarity and regulating interconnected economic, political and socio-cultural subsystems of society. It is shown that Japan, unlike other countries, is characterized by a hybrid institutional matrix due to the peculiarities of its formation as a social community in the context of frontier colonization and isolation from its "root" social system. Hybridization of institutions during the formation of the social system predetermines the specifics of Japan's development, which can be illustrated over a wide period of time. In particular, it was shown that when institutions were transplanted from outside into Japan's institutional environment, they acquired certain elements of an alternative type. The preservation of Japan's institutional ambivalence (the lack of a clear dominance of either redistributive or market-based institutions in economic, political and socio-cultural spheres) has been shown to be maintained up to the present day.

Keywords: institutional matrix, redistributive institutions, market institutions, economic institutions, political institutions, sociocultural institutions, Japan's social system

For citation: Barakhvostov P.A. The Formation and Evolution of Japan's Institutional Matrix as a Case of Institutional Hybridization. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 3(17): 122-142, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Введение

В течение последних десятилетий различные страны и регионы мира переживают процесс глубинных экономических и политических трансформаций. В этой связи приобретает особый интерес изучение проблем генезиса и эволюции институциональной среды социальных систем. Институциональный подход, незаменимый в подобного рода исследованиях, может быть дополнен теорией институциональных матриц (ИМ) [9], рассматривающей общественную систему как целостную совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической и социокультурной), которые администрируются сложной системой институтов, определяемых в широком смысле как «правила игры, определяющие направленность социальных действий» [34]. Среди них можно выделить базовые институты – «исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [9, с. 56]. Система таких институтов образует институциональную матрицу.

Выделяют базовые институты двух типов: ридистрибутивные и рыночные [9]. Базовыми ридистрибутивными институтами являются: общественная собственность; ридистрибуция, или перераспределение ресурсов и продуктов производства с задействованием центра; централизация политического устройства (выраженное доминирование вертикальной политической коммуникации над горизонтальной); иерархическая система управления; коммуитарное мировоззрение; эгалитаризм. Базовые рыночные институты: частная собственность; отношения купли-продажи; наемный труд; федеративное политическое устройство, предполагающее превалирование горизонтального взаимодействия центров принятия решений; индивидуалистское мировоззрение. Базовые институты этих двух типов не

существуют по отдельности – в полном соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, они одновременно сосуществуют в институциональной матрице, становясь в ней либо доминантными, либо комплементарными [9, с. 74]. Институциональные матрицы с доминирующими ридистрибутивными институтами характеризуют как матрицы X-типа (также встречаются наименования «азиатские» или «незападные»), с доминирующими рыночными институтами – как матрицы Y-типа («западные»).

Генезис и эволюция институциональных матриц находятся в фокусе большого количества научных публикаций (см., например, [3; 27-29; 35]). Однако акцент этих исследований в основном делается на западных странах, в то время как незападные страны рассматриваются преимущественно с использованием сравнительного институционального подхода в контексте наиболее общих отличий их институциональных матриц от Y-типа [4; 10; 25]. Мало работ посвящено философскому осмыслению исторического прошлого незападных стран, определившего особенности их современного развития, еще меньше исследований использует для этой цели институциональный подход, рассматривающий все подсистемы общества (экономическую, политическую и социокультурную) не по отдельности, а в их диалектическом единстве. В этом контексте заслуживает неперенного упоминания концепция гидравлического общества К.Виттфогеля [38], посредством которой осуществлена попытка объяснения «азиатского способа производства» (в марксистской терминологии), или, иначе говоря, специфики институциональной среды классических восточных государств (например, Китая). Однако при всех достоинствах указанной концепции ее критиками сразу отмечалась некоторая слабость и неубедительность аргументов, выдвинутых Виттфогелем относительно одной из азиатских стран – Японии [36].

Единственная азиатская страна «Большой семерки», лидер экономико-политической модернизации в Азии в Новое время, Япония демонстрирует слияние рыночных и ридистрибутивных институтов в весьма своеобразных формах, что заставляет задуматься о факторах, определивших такую траекторию развития, и – более глобально – о том, как и почему одни институты приживаются в процессе имплементации, а другие нет. В настоящей работе будут детально рассмотрены эти вопросы, а также будет показано, что теория институциональных матриц хорошо применима для анализа сложных институциональных трансформаций в кейсах, где она дополняет классические подходы, не дававшие всю полноту картины в своем объяснении.

Материалы и методы

Исследование базируется на постмарксистской методологии. В ее основе – институциональный подход, согласно которому социальная система есть целостная структура, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем

(экономической, политической и социокультурной), регулируемая сложной системой институтов, дополненная теорией институциональных матриц, в соответствии с которой сущностные характеристики социальной системы и характер ее эволюции определяются институциональной матрицей, образованной базовыми (ключевыми) институтами.

Результаты исследования

Рассмотрим, в каких условиях зарождалась общественная система и, следовательно, институциональная матрица Японии. Формирование социума, населяющего Японские острова, осуществлялось в результате тесного взаимодействия различных этнических компонентов, из которых наиболее существенную роль играли переселенцы из Китая и с Корейского полуострова. Одним из главных видов их хозяйственной деятельности было выращивание риса [15, с. 225]. Его возделывание является весьма трудоемким процессом, требует коллективного труда и мощных ирригационных систем, что обуславливает превалирование системы координации общественной деятельности редиистрибутивного типа (формирование базовых институтов редиистрибутивного типа). Однако переселенцы, бывшие прежде частью таких обществ и, соответственно, носителями характерных для них базовых институтов, оказались в принципиально других условиях – условиях фронтальной колонизации. Фронт представляет собой особое географическое пространство, характеризующееся не только пониженной плотностью населения, но и «взаимопроникновением и противоречивым сочетанием различных культурно-цивилизационных практик, территорию встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [12, с. 194], «размытую область переменной ширины» [37] с признаками культурной мозаичности и «неустойчивого равновесия» [7, с. 82], особыми социальными условиями, связанными со спецификой Японского архипелага, служившего «конечным пунктом дрейфа различных культур и народов» [14]. Переселенцам необходимо было отвоевывать пространство у природы и автохтонного населения, в том числе эмиси, айнов и др. Проживая на севере Японского архипелага, данные народы создали свой уникальный мир, отличный от того, что было характерно для переселенцев-колонизаторов. В геополитическом смысле автохтонные жители были более подвержены формирующему влиянию моря, нежели суши [6], и, соответственно, здесь формировались характерные для них институты рыночного типа. Основные сферы их хозяйственной деятельности: собирательство, рыболовство и охота. Автохтонное население «было включено в товарообмен между этносами, населявшими берега севера Тихого океана и Охотского моря, северо-востока Китая и дельты Амура» [23, с. 165].

В отличие, например, от русского фронта, где процесс колонизации был неразрывно связан с Российским государством [2], борьба с природными условиями и

автохтонным населением, отвоевывание у них острова за островом и, следовательно, движение фронта осуществлялись в уникальных условиях оторванности, изолированности колонизаторов от корневого социума, частью которого они являлись прежде. Диффузия институтов рыночного типа вследствие контакта с автохтонным населением и принципиально новые географические условия, в которых оказались переселенцы, обусловили разложение принесенных ими редиистрибутивных институтов.

В силу географических особенностей в Японии в период Яёй сформировались «три территориально близкие, но отличные по природным условиям зоны, на основе которых оформились три экономико-культурных комплекса: морской, с процветанием рыболовства и выпаривания соли; равнинный с доминированием имплементированного с континента заливного рисоводства; и горный, где, как в незапамятной древности, развивались охота, собирательство и лесоводство» [15, с. 228]. Приблизженность этих комплексов в условиях островной жизни предопределила необходимость интенсивных процессов обмена, в том числе товарного, т.е. развития экономических рыночных институтов. Археологические данные свидетельствуют о развитии торговли в период Яёй, когда вследствие инноваций в сельском хозяйстве возникли излишки, позволившие более широко обмениваться рисом, металлическими инструментами и другими товарами. При этом всё большее значение стали приобретать торговые пути вдоль рек и побережья [33].

С другой стороны, география Японского архипелага способствовала «выраженной изолированности регионов друг от друга» [15, с. 228]. Японские реки, отличающиеся небольшой протяженностью и высокой скоростью течения, берут начало в горах и текут в широтном направлении, что препятствовало их использованию в качестве путей сообщения между провинциями. Кроме того, обилие гор способствовало изолированности жизни отдельных небольших сообществ (деревень) вследствие муссонных снегопадов. Более того, архипелаг представляет собой гряду островов, некоторые из которых вели вполне независимое существование достаточно продолжительное время. Всё это требовало децентрализации системы управления (дрейфа в сторону политических рыночных институтов).

Вместе с тем высокая сейсмическая активность, как следствие, разрушительные и непредсказуемые тайфуны, цунами, а также вызванные муссонными дождями смертельные грязевые лавины¹ требовали такую систему управления, которая бы быстро и эффективно мобилизовала население для коллективной деятельности по препятствованию природным катаклизмам и ликвидации их последствий и, кроме того, выполняла бы сбор-аккумуляцию-распределение экономического продукта для снижения последствий неурожаев, случающихся по вине природных катаклизмов.

¹ Географические факторы Японии способствовали созданию особой культуры «тайфунного типа»: «Она постоянно претерпевает натиск штормов и ударов природных катаклизмов. Однако лишь только тайфун стихает, тьма рассеивается, вновь появляется солнце, и японцы, наподобие муравьев, берутся всем миром за обыденные труды, будто никаких встрясок не случилось» [24, с. 57].

Таким образом, существовала также объективная потребность в сохранении редистрибутивных институтов.

Подобный дуализм общества, требовавшего активного задействования двух механизмов координации общественной деятельности – как рыночного (опирающегося на индивидуума, его личную инициативу), так и редистрибутивного (опирающегося на организованную, властную иерархическую структуру), определил специфику Японии – институциональную гибридизацию, которая проявлялась во всех сферах. В частности, построение первого японского государства Ямато осуществлено на основе объединения, но по «конфедеративному» принципу. «Эта модель предполагает, что общество было скорее свободной конфедерацией различных государств с различной степенью сложности, объединенных одним кланом, который был сильнее других. При этом пути, по которому различные союзы объединялись и были связаны с центром, в разных районах отличались друг от друга» [11, с. 49].

Возникнув на стадии формирования социума, институциональные гибриды, отвечающие оптимальному состоянию институциональной матрицы, стали уникальной особенностью Японии, сохраняющейся в ходе последующего развития вследствие эффекта «социальной памяти» (path dependence).

На протяжении столетий страна испытывала сильное институциональное воздействие соседнего Китая, но при имплементации институтов «соседки» (как правило, редистрибутивных) наблюдались в конечном итоге либо их отторжение, либо (в более «мягком» варианте) гибридизация. Рассмотрим данное явление на конкретных примерах.

Возьмем письменность. Возникновение иероглифической письменности не случайно: в регионах Китая диалекты настолько различаются, что их жители могут просто не понять друг друга; письменность же, в основу которой положены не звуки, а символы, способствует коммуникации и, следовательно, является необходимой для объединения империи. В то же время для изучения китайских иероглифов необходимы значительные время и усилия, поскольку, в отличие от слоговой или буквенной записи, иероглифическая система письма имеет гораздо больше символов, что значительно затрудняет ее изучение и требует усиления вмешательства государства в процесс обучения: выделения государством социальной страты и обеспечения ей условий для такого рода занятий. Таким образом, китайская письменность, по сути, является редистрибутивным институтом. У японцев же вскоре после появления иероглифов (кандзи) появилось два слоговых алфавита (хирагана и катакана), которые использовались не только для передачи особенностей японской грамматики, таких как изменяемые части глаголов, но и в качестве фонетических подсказок (фуригана) к иероглифам. Иными словами, человек, вообще не знающий написание иероглифа, теперь смог узнать его значение, что обусловило индивидуацию образовательного процесса – выделение личности из социума при получении знаний, представляющую собой, по сути, институциональную гибридизацию в сторону рыночности.

Извне на Японские острова проникла также централизованная модель правления по китайскому образцу (редистрибутивный политический институт).

Начало ее имплементации было положено Конституцией из 17 статей², включавшей основанные на буддизме и конфуцианстве моральные нормы правящего класса. Основной упор делался на: китайские конфуцианские концепции единого государства, управляемого одним сувереном; наем чиновников на основе заслуг, а не наследственности; обязанности чиновников перед управляемыми и повиновение подданных своим правителям; идеальную бюрократию, действия которой основаны на конфуцианских добродетелях справедливости, приличия и усердия.

Оформление централизованной системы правления с императором в качестве абсолютного монарха началось по Манифесту Тайка 646 г.³, в соответствии с которым была отменена частная собственность на землю. Земля вместе с проживающими на ней людьми провозглашалась собственностью государства в лице императора и должна была быть распределена между всеми, кто достиг определенного возраста, с правом возделывания, арендаторы должны были платить фиксированный налог. «Император там являлся собственником всех имуществ» [17].

Кроме того, японцами была предпринята попытка трансплантации китайского права, в результате чего возникла система рицурё. Однако при ее анализе наблюдается гибридизация имплементированных редистрибутивных институтов. В частности, центральное правительство возглавлялось не одним, а двумя управлениями: Палатой большого государственного совета (Дадзёкан), осуществляющей различные практические функции управления, и Палатой небесных и земных божеств (Дзингикан), ведавшей делами синто, религиозными ритуалами, священничеством и святилищами, параллельной бюрократической структурой для поклонения божествам. Кроме того, система рицурё не предусматривала особые льготы мужчинам высокого ранга из хорошей семьи. Системой не предусматривалось запрета (и достаточно долго это просуществовало) на переход из сословия в сословие, что не встречается в обществах с институциональной матрицей X-типа. Так, объединитель страны Тоётоми Хидэёси был крестьянином, возведенным в XVI в. в ранг самурая по совокупности заслуг и талантов.

В соответствии с системой рицурё общество делилось на два основных класса: свободных и рабов. Рабы, которые являлись собственностью правительства, аристократии, святилищ и храмов, составляли, однако, менее одной десятой населения. Большинство свободного населения были крестьянами. В возрасте шести лет каждому мальчику выделялись рисовые поля, которые оставались в его пожизненном владении. Налог взимался с урожая риса (около 5% урожая), а на взрослых мужчин, кроме того, налагался подушный налог, уплачиваемый ремесленными изделиями (шелк, пенька) [31, р. 18]. Примечательно, что социальной единицей налогообложения являлась крестьянская община. Однако наряду с

² The Constitution of Prince Shōtoku. URL: <https://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/shotoku.pdf>.

³ Манифест Тайка. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/frameset.htm.

чертами, которые характеризуют общину как редистрибутивный институт (система круговой поруки и взаимопомощи, запрет для своих членов на продажу надела и уход с места проживания), в качестве основного принципа ее функционирования была установлена коллегиальная система принятия решений, что свидетельствует о наличии в этом институте элементов рыночности.

Условия фронтальной колонизации, словно киркой, дробили редистрибутивные институты. В частности, освоенные целинные земли при условии создания новой или использования старой ирригационной системы могли быть переданы из государственного фонда в частную собственность соответственно пожизненно или на три поколения. В середине VIII в. возникают поместья (частная собственность феодальной знати и буддистских монастырей). Стимулировал данный процесс указ 743 г. о вечном владении освоенной целиной.

Становление крепкого частного сектора вне государственного контроля начало разрушать принцип государственной собственности на землю, предусмотренный в системе рицурё, и пошатнуло позиции императора. Стабилизировать институциональную матрицу можно было двумя путями: усилив редистрибутивные институты (ужесточив контроль за распределением земель и налогообложением) либо опять-таки гибридизировав их (например, открытием «клапана» социальной мобильности путем гибридизации иерархической системы правления (политического института редистрибутивного типа) рыночными элементами, когда во властную вертикаль на основе конкуренции рекрутируются те, кто обладает высокой образованностью или буддистскими знаниями, попытки чего и были сделаны в эпоху Нара).

Эпоха Хэйан принесла новые институты в политическую сферу Японии, в частности институт регентства, что предполагало усиление одного клана (Фудзивара), члены которого занимали высочайшую должность регента при несовершеннолетнем императоре-ребенке и, соответственно, владели монополией на высокие государственные должности, ослабляя императорскую власть. В этот период шла активная институциональная гибридизация: государственная собственность на землю (редистрибутивный институт) сохранилась только по названию; земля перешла в частные руки, что свидетельствует об усилении рыночности в ИМ. Но в то же время аристократия и храмы вокруг столицы пользовались освобождением от налогов на свои частные земли, однако эти привилегии не были доступны могущественным семьям в провинциях. Последние заключали с членами императорской семьи и аристократами договоры, по которым те становились номинальными владельцами, в то время как первые сохраняли права фактических собственников. Возможность осуществления подобных сделок вызвала активный отток аристократов низшего ранга в провинции, где они приобретали собственные земли и устанавливали собственную власть, для защиты которой им была необходима сила – самураи. В условиях роста частного землевладения, слабой контролируемости экономических и политических процессов центральной властью, необходимости борьбы с айнами [21] самурайское военное сословие превратилось в

грозную, независимую, самостоятельную силу [20], что, в конце концов, привело к установлению сёгуната – военного правительства.

Выделяют три сёгунских династии. Первая из них (Минамото) не уничтожила существовавшие до того органы власти во главе с императором, а создала параллельную властную ветвь (военных губернаторов в провинциях и военных администраторов в частных поместьях), целью которой было поддержание работы традиционных органов власти и выполнение полицейских, военных и судебных функций. В ходе правления первого сёгуната имели место постепенный переход всей полноты власти от гражданских органов к военным, а также распространение власти сёгунского правительства (бакуфу) на всю страну. Сёгун обладал широкими правами: он не только отвечал за несение службы, но и подтверждал наследственные права на землю, одаривал новыми землями после военных побед, ходатайствовал перед императором о присуждении почетных титулов, назначал на ключевые должности.

Второй сёгунат, основанный Асикага Такаудзи, в целом унаследовал общее устройство властной системы, однако к тому времени традиционные органы власти во главе с императором существенно ослабли, и важнейшими фигурами стали военные губернаторы провинций. Опорой дома сёгунов Асикага стали другие военные дома, главы которых, пользуясь влиянием в бакуфу, стремились расширить подконтрольные земли и ходатайствовали о должностях военных губернаторов в нескольких смежных провинциях, формируя огромные владения. В результате данного процесса наблюдалось падение авторитета сёгунского правительства, в провинциях развернулась борьба за места глав военных домов, а в стране сложилось множество княжеств – территориальных образований со своим административным аппаратом и законодательством, которые объединяли от нескольких уездов до нескольких провинций и могли вступать в независимые внешние сношения. Во главе княжеств стояли князья – сэнгоку-даймё.

Третий сёгунат, основателем которого явился Токугава Иэясу, принудил всех князей признать себя его вассалами, сохранив при этом за большинством фамильные владения. Правительство сёгуна практически не вмешивалось во внутренние дела княжеств, земли которых не принадлежали дому сёгунов, сфокусировавшись на осуществлении контроля за внешней торговлей, всеми рудниками страны и крупнейшими городами.

Таким образом, по своим сущностным характеристикам сёгунат – политический институт рыночного типа, препятствовавший консолидации светской и религиозной власти в одних руках – руках императора. В западноевропейских странах легитимность власти монарха основывалась на «божественном праве». В Японии император также обладал «божественным правом» править, но, руководствуясь принципом «место Бога в храме», с течением времени он был изолирован, а реальной властью стал обладать сёгун, получивший ее не как ставленник Бога на Земле, но за военные заслуги.

В ходе правления династий сёгунов была построена властная система федеративного типа, включавшая два уровня правительств (первый – центральное правительство во главе с сёгуном, второй – местные в провинциях, обладавшие в

обмен на верность сёгуну определенным уровнем суверенитета). Каждая провинция осуществляла свою независимую экономическую политику и сбор налогов. Верховная же власть отвечала за вопросы безопасности: управление классами, поддержание общего порядка в стране. Большое значение имели городские советы старейшин; в крупных городах, кроме того, была учреждена должность самостоятельного правителя – гундай. Подобное разделение функций и усиление местной власти стимулировали развитие рыночных институтов самоуправления и subsidiarity.

Примечательно, что ни один из сёгунов официально не упразднил императора. Таким образом, была создана гибридная система управления, состоящая из двух ветвей: императорская вертикаль и сёгунат. Интересно, что их сосуществование привело к взаимной трансформации; в частности, при укреплении власти сёгунов ими начала проводиться политика усиления редистрибутивных институтов. Так, например, в XVII в. сёгуны Токугава провели сословную реформу в соответствии с китайскими легалистскими нормами, предполагавшими, базируясь на конфуцианских принципах, что общество по статусу делится на четыре социальные группы, низшей из которых является купечество. Переход из сословия в сословие был запрещен.

В середине XIX в. возникла угроза колонизации Японии индустриально развитыми западными странами, что обусловило необходимость модернизации и укрепления системы управления. С этой целью был упразднен сёгунат, и власть полностью перешла к императору Мэйдзи. Однако император не был сторонником коренной ломки сложившихся (гибридных) институтов [16], которые соответствовали сбалансированной институциональной матрице, в наибольшей степени отвечавшей интересам развития Японии. Политический курс новой власти был тезисно изложен в так называемой «Клятве Пяти пунктов» 1868 г., где император, в частности, обещал править, считаясь с общественным мнением, и заимствовать познания как у Запада, так и у Востока. Мэйдзи ликвидировал даймё, лишив их власти в провинциях: они стали частью нового сословия кадзоку и были обязаны селиться при императорском дворе. В то же время императором был создан парламент, в верхнюю палату которого вошли наиболее могущественные из них. Кроме того, согласно Указу о государственном устройстве от 17 мая 1868 г., государственная власть была передана Большому государственному совету (Дацзёкан), наделенному законодательными и исполнительными полномочиями. Здесь решения обсуждались и принимались коллегиально, но затем они утверждались императором. Подобная двойственность характерна и для административно-территориальной реформы. На первом этапе реформирования (1868–1871 гг.) были созданы гибридные институты управления, одинаковые для всей Японии: в княжествах вводились органы императорского правительства, утверждаемые центром, как звено между центральной и местной властью. На втором этапе реформа 1871 г., направленная на ослабление социального и экономического «противовеса» императорской ветви власти, упразднила феодальные уделы и наследственные привилегии князей даймё. На третьем этапе

была реорганизована система административно-территориального деления и управления: вместо ликвидированных княжеств возникли имперские владения – префектуры, возглавляемые губернаторами, которые утверждались Дацзёканом [18, с. 198]. Тем не менее в вопросы формирования чиновничества на местах, как правило, центральная власть не вмешивалась. В деревнях и городских кварталах продолжало действовать общинное самоуправление. Впоследствии были учреждены выборные префектуральные и городские собрания. Члены городских собраний избирали мэров из своих рядов.

Другим примером двойственного характера реформ Мэйдзи являются преобразования социальной структуры. Общество отныне делилось на знать (семьи бывших даймё и высшей аристократии), бывших самураев и простолюдинов (к числу последних относилось 90% населения). С одной стороны, простолюдины наделялись правом иметь собственные фамилии, с другой – сохранялись старые феодальные титулы, а потерявшие земельные владения князья и самураи, не ставшие чиновниками, получали пенсии из казны. В этот период на основе наиболее влиятельных купеческих домов эпохи Токугава возникают бизнес-конгломераты дзайбацу [26].

Двойственный характер созданного в результате реформ Мэйдзи строя зафиксирован в Конституции 11.02.1889⁴. В ней отмечен особый статус императора как источника власти, император провозглашался «персоной священной и неприкосновенной», а власть правящей Хризантемовой династии – существующей с начала времен. Вместе с тем Конституция отмечала, что император осуществляет законодательную власть в согласии с имперским парламентом. Император созывал, открывал и закрывал парламент, но императорские указы, изданные между сессиями парламента, должны быть представлены имперскому парламенту и, если имперский парламент их не одобрит, должны быть объявлены правительством недействительными. Император имеет право издавать указы, но они не должны вносить изменения в действующие законы. Император также наделялся правом формировать высший исполнительный орган страны (правительство).

Кроме того, заслуживает внимания такой японский институт, как гэнро (совет старейшин), созданный после ликвидации Императорского совета в 1885 г. и конституционной реформы. Совет гэнро – гибридный по своей сути институт вне рамок политической и правовой системы Японии в эпоху Мэйдзи. В его функции входило: осуществление кадровой политики (назначения на высшие государственные должности не делались без рекомендации гэнро); консультация императора по внешнеполитическим вопросам. Все гэнро, получавшие свой статус пожизненно, имели огромный вес в финансово-промышленных кругах. В то же время гэнро – коллегиальный орган, где решения принимались на основе консенсуса, в соответствии с принципом большинства [8]. Формально на решения гэнро требовалось согласие императора, и они имели рекомендательный характер, однако на практике

⁴ Конституция Японской империи. 11 февраля 1889 г. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio55/.

подобное одобрение давалось всегда, и эти решения неукоснительно выполнялись исполнительной властью [30].

Подобная гибридность характерна и для экономических институтов эпохи Мэйдзи. Основной экономики Японии в данный период стали бизнес-конгломераты дзайбацу. Так или иначе, с дзайбацу были связаны все гэнро, т.е. дзайбацу обладали огромным влиянием в государстве. Могущество дзайбацу основывалось на принципах, сочетавших в себе как элементы редистрибуции, так и рынка – широко использовались практики перекрестного владения акциями структурных элементов конгломерата, разрешалась определенная автономия функционирования компаний в рамках общей финансовой политики; с другой стороны, многие вопросы решались в рамках неформальных отношений. Отличительной чертой Японии стала исключительная роль государства в деятельности дзайбацу, которое предоставляло необходимый для развития бизнеса капитал, обеспечивало благоприятный налоговый режим, силой закона защищало от иностранных конкурентов [30]. В то же время дзайбацу не искали политической власти, довольствуясь теми льготами и преференциями, которыми в обмен на лояльность щедро одаривало их правительство. Подобные факты свидетельствуют о гибридизации имплементированных в Японии рыночных экономических институтов.

Несмотря на двойственный характер реформ Мэйдзи, их реализация привела к существенному увеличению прослойки национальной торгово-промышленной буржуазии (социальной опоры для усиления рыночных институтов в институциональной матрице), которая стала добиваться усиления своих политических позиций и права влиять на государственную политику, в частности, путем создания и поддержки политических партий – выразителей своих интересов. Имела место трансформация общественного сознания от господства коммунитарного мировоззрения к индивидуализму. Началась эра «демократии Тайсё», главным содержанием которой является переход к правительствам, сформированным господствовавшими в парламенте политическими партиями. Среди наиболее значимых событий периода «демократии Тайсё» следует отметить следующие: «усиление роли нижней палаты парламента; введение в 1925 г. всеобщего избирательного права (для мужчин); формирование первых легальных пролетарских партий; смягчение трудового законодательства; установление первичных форм гражданского контроля над вооруженными силами; сокращение вооружений, в частности расформирование четырех дивизий в 1925 г. и подписание Японией в 1921 и 1930 г. соответственно Вашингтонского и Лондонского договоров по ограничению морских вооружений; постепенный отказ от политики военной экспансии» [13]. Таким образом, в период демократии Тайсё наблюдались попытки трансформации институциональной среды Японии в сторону рыночности.

Однако пришедшие к власти в условиях существующего строя партии не были заинтересованы в изменении сложившихся институтов (сработали так называемые «блокирующие эффекты» (Д.Норт)): не были реформированы Тайный совет при

императоре, палата пэров, не был упразднен институт гэнро; армия и флот не были полностью поставлены под контроль гражданской администрации [13].

1 сентября 1923 г. произошло Великое землетрясение Канто, необходимость ликвидации последствий которого потребовало усиления редистрибутивных институтов для мобилизации населения. Наиболее организованной силой общества еще со времен сёгуната была армия. Именно она была привлечена для проведения спасательных работ и наведения порядка, особенно в связи с межэтническими конфликтами (погромами корейцев). Разразившийся экономический кризис, усугубленный последствиями землетрясения, на фоне предоставления армии огромных полномочий обусловил реанимацию экспансионистских идей и наступление японского милитаризма, что стало возможным в результате существенного усиления в ИМ редистрибутивных институтов. При этом японский милитаризм, в отличие от «классического» (как, например, германского или итальянского) фашизма, представляет собой институциональный гибрид, что проявляется в отсутствии диктатуры императора (либо другого конкретного представителя власти).

Поражение Японии во Второй мировой войне привело к военной оккупации страны союзниками во главе с Д.Макартуром в период 1945–1952 гг. Это было время быстрых институциональных изменений, основанных на трансплантации западных институтов. Среди наиболее важных политических реформ – принятие новой Конституции⁵, провозгласившей, что император более не «священный» или «неприкосновенный», но «символ государства и единства народа». Конституция предусматривала двухпалатный парламент, при этом наибольшая власть была сосредоточена в Палате представителей, члены которой теперь избирались как мужчинами, так и женщинами. Кроме того, в ходе реформ был упразднен Тайный совет. Премьер-министр должен был избираться парламентом из числа его членов, была создана независимая судебная система с правом судебного надзора. Тем не менее и здесь можно найти элементы институциональной гибридизации: в результате реформ были сохранены император (хотя он уже не считался божеством) и императорская семья, но отменены аристократические титулы, что не встречается более нигде в мире. Значительные преобразования имели место и в экономике. В частности, ставшие опорой милитаризма дзайбацу были упразднены, внедрялись рыночные методы хозяйствования.

Однако с течением времени имплементированные рыночные институты претерпели гибридизацию. В частности, основой экономики современной Японии являются финансово-промышленные сети (кэйрэцу), не встречающиеся более нигде в мире [1]. Превалирование сетевых («горизонтальных») связей между субъектами хозяйствования (что характерно для кэйрэцу) – институт рыночного типа. Однако кэйрэцу формируются не с включением многих банков, специализирующихся на выполнении отдельных операций, как это имеет место в США, откуда подобная

⁵ Конституция Японии 1946 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2637>.

идея была заимствована, а вокруг одного ключевого банка, который предоставляет своим корпоративным клиентам кредиты и услуги по выпуску облигаций, акций, ведению расчетных счетов и консалтинговые услуги. Как правило, именно банк является главным держателем акций кэйрэцу. Сети кэйрэцу характеризуются общим заемным и акционерным капиталом, торговлей товарами и услугами, а также имеющими огромное значение неформальными деловыми контактами. Совет директоров японских корпораций практически полностью состоит из «внутренних» участников. Таким образом, в структуре и методах управления кэйрэцу широко используются редистрибутивные институты – опора на принцип «общинности».

«Владение и внутреннее управление компаниями остаются в частных руках, в то время как государство устанавливает цели и может оказывать влияние на принятие решений путём выдачи льготных кредитов, предоставления налоговых льгот, государственной поддержки отдельных отраслей» [22, с. 113]. Подобный тип взаимоотношений зародился после Второй мировой войны: США настаивали на ослаблении вмешательства государства в бизнес с целью недопущения милитаризации Японии, однако на восстановление практически полностью разрушенных предприятий у частного бизнеса не было средств, эту задачу могло решить только государство.

Взаимоотношения нанимателя и работника внутри предприятий выстраиваются на основе редистрибутивных институтов: системы «пожизненного найма», которая является своеобразной гарантией занятости; принципов карьерного роста и оплаты труда соответственно выслуге лет в фирме; активного использования как материальных, так и моральных стимулов к труду; использования элементов эгалитаризма при управлении [5]. Данные особенности связаны с влиянием религий (конфуцианства и буддизма) и укоренившимся общинным мировоззрением.

Политические институты, трансплантированные в Японию из США, также демонстрируют элементы гибридизации. В частности, своеобразна процедура принятия политических решений: «сверху» поступает выраженная в общих чертах инициатива, после чего начинается подготовка проекта решения, вырабатываемого в результате согласования между ведомствами. Наличие замечаний в процессе подготовки указывает на проблемы в достижении основанного на консенсусе единогласия, которое является обязательным условием принятия решения, как это имеет место в странах с Х-матрицей. Кроме того, для политической сферы Японии характерны: первичность исполнительной власти по отношению к законодательной (относительная слабость парламента, упор на клиентелизм, слабая межпартийная идеологическая конкуренция, растянутость предвыборной напряженности [19]); фактическое доминирование одной партии; принятие основных кадровых решений в непубличном формате; концентрация политического веса на крупных агрегаторах бизнес-интересов (в силу их спонсорского и лоббистского потенциала), а также на министерских структурах (в силу спаянности кадрового состава и достаточно плотных связей с агрегаторами бизнес-интересов) [19]. Более того, в годы высокого

экономического роста появилась еще одна особенность: правящая политическая партия выполняет особую, не политическую функцию перераспределения национального дохода с целью сглаживания гетерогенности регионального развития, формирования мощного среднего класса, повышения качества жизни, осуществляя тем самым эгалитаристскую политику, что типично для стран с Х-матрицей.

Обсуждение

Таким образом, Япония являет собой пример формирования институциональной матрицы гибридного типа у социальной общности при оторванности от корневого социума и нахождении в условиях фронтальной колонизации. Причиной гибридизации ИМ явилась необходимость одновременного активного задействования двух альтернативных механизмов координации общественной деятельности: рыночного, опирающегося на индивидуума и его личную инициативу, и редистрибутивного, опирающегося на организованную, иерархически выстроенную систему управления. Сложившаяся уникальная институциональная матрица обусловила существенные характеристики всей институциональной среды, регулирующие функционирование общественной системы.

Вследствие эффекта path dependence институциональная амбивалентность стала особенностью Японии, которая проявлялась на всех этапах развития общества, что продемонстрировано выше, и проявляется в различных сферах до настоящего времени. В социокультурной сфере – это формирование культуры «муссонного типа», сочетающей элементы индивидуализма и коллективизма, первоочередное написание фамилии (кланового имени), а затем имени собственного, что типично для всех обществ с доминированием редистрибутивных институтов; отсутствие четкой грамматической формулировки множественного числа, что, по сути, приводит к размытию границы между индивидуумом и коллективом (проявление редистрибутивности); отсутствие единого слова, обозначающего «я», применимого во всех жизненных ситуациях, как это имеет место, например, в русском или английском, и множественность (вариативность) местоимений, имеющих значение «я», для применения в зависимости от собеседника и контекста [32, р. 55] (проявление рыночности); забота о сохранении индивидуальной свободы и независимости, но обеспечивается и поддерживается она только в социальной изоляции, когда провозглашается социальный мораторий [32, р. 158]. В экономике институциональная амбивалентность проявляется в главенстве рыночных институтов между субъектами хозяйствования и редистрибутивных – внутри них; в политике – в наличии двухпалатного парламента, регулярных выборов (рыночные политические институты) и одновременно своеобразной процедуры принятия политических решений, проведении эгалитаристской политики правящей партией (элементы редистрибуции в политике).

Выводы

Таким образом, в настоящей работе показано, что причина, определяющая особенности исторического развития Японии, – гибридизация институтов на стадии формирования общественной системы вследствие нахождения социальной общности в условиях фронтальной колонизации и оторванности от «корневой» социальной системы, частью которой она являлась ранее. Данная особенность сохранилась и в последующие эпохи: при трансплантации редистрибутивных институтов в японскую институциональную среду они приобретали рыночные элементы, и наоборот. Продемонстрировано сохранение институциональной амбивалентности Японии (отсутствие выраженного доминирования институтов определенного типа в институциональной матрице) до настоящего времени.

Гибридизация институтов, обусловленная особенностями генезиса институциональной матрицы, обеспечивает восприятие институциональных инноваций и устойчивость развития Японии.

Список источников

1. Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках [State Counterfeiting of National Business in Foreign Markets]. Москва: МГИМО-Университет, 2015.
2. Бархвостов П.А. Формирование и эволюция русских фронтиров [Formation and Evolution of Russian Frontiers] // Россия и мир: научный диалог. 2022. Т. 2. № 2. С. 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177).
3. Бессонова О.Э. Раздаток как нерыночная система [Razdatok as Nonmarket System] // Известия СО РАН. Серия: Регион: экономика и социология. 1993. Вып. 1. С. 29–41.
4. Гуляева О.А. Сравнительный анализ развития института частной собственности в странах Востока и Запада: теория институциональных матриц [Comparative Analysis of the Development of the Institution of Private Property in the Countries of the East and West: The Theory of Institutional Matrices] // Вестник Тульского филиала Финансового университета. 2016. № 1. С. 264–272.
5. Дружинин Н.Л. Дуализм японской экономики и послевоенная система кэйрэцу [Dualism of Japanese Economy and Post-War Keiretsu System] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2008. № 2. С. 34–41.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики [Foundations of Geopolitics]. М.: Арктогея, 1997.
7. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах [The Development Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures] // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 75–88.
8. Кантур Р.А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи [The Institution of Genro in the System of Government Bodies of Japan During the Meiji Era] // Ежегодник Японии. 2015. № 44. С. 253–262.
9. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y теорию [Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction in X–Y Theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
10. Кирдина-Чэндлер С.Г. Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве [Western and Non-Western Institutional Models in Time and Space] // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1(2). С. 73–88. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005>.
11. Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии [Formation of an Ancient State in Japan] // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 48–61.
12. Левяш И.Я. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты [Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges] // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А.В.Данильченко. Минск: РИВШ, 2016. С. 193–196.

13. Марио Осима (大島真理夫). Образ экономической истории современной Японии и современной Азии: взлет и падение западной модели (近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰) [Image of the Economic History of Modern Japan and Contemporary Asia: the Rise and Fall of the Western Model] // Журнал «Экономика» (経済学雑誌). 2015. Т. 115. № 3. С. 85–108.
14. Мещеряков А.Н. История Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс [The History of the Japanese Archipelago as a Socio-Natural and Information Process] // История и современность. 2005. № 1. С. 56–77.
15. Мещеряков А.Н. Некоторые главные особенности японской цивилизационно-культурной модели [Some Main Features of the Japanese Civilizational and Cultural Model] // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 225–242.
16. Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение [Meiji Reforms: The Human Dimension] // Ежегодник Японии. 2018. № 47. С. 350–366. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
17. Монтескье Ш. О духе законов [On the Spirit of Law]. Женева, 1748. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>.
18. Полохало Ю.Н. Революция Мэйдзи и реформы управления в Японии [Meiji Revolution and government reforms in Japan] // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 195–205.
19. Семенов В.А. Методика анализа процесса принятия решений в политической системе по методу УАКР [Methodology for Analyzing the Decision-making Process in the Political System Using the. CACI] // Право и политика. 2023. № 8. С. 80–114. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43823>.
20. Спеваковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии [Samurai are Military Class of Japan]. М.: Наука, 1981.
21. Стрельцов Д.В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй [Japan: Political Modernization of the Heisei Era] // Ассоциация исследователей российского общества. 2013. С. 1–280.
22. Такэути Хироши (竹内洋君). В чем источник экономической мощи Японии? Экономическая война в 80-е гг. (日本の経済力の源泉は何でしょうか? 80年代の経済戦争) [What is the source of Japan's economic power? The economic war in the 80s.]. Токио: Тайё: кихаку сьуппан (東京: 大洋: 紀博出版), 1981.
23. Фролова Е.Л., Такакура Хироки, Такуда Юкако. Взгляд на историю Японии с точки зрения ее коренных народов: прошлое и настоящее [A Look at Japan's History from the Perspective of Its Indigenous Peoples: Past and Present] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 7. С. 164–169.
24. Чугров С.В. Переосмысляя доминанта японской политической культуры [Rethinking the Dominant Japanese Political Culture] // Японский феномен глазами российских востоковедов / Под ред. И.П.Лебедевой, А.Н.Мещерякова и Д.В.Стрельцова. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 57–75.
25. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России [China's Return to the National Path of Development in the Era of Globalization: Significance and Conclusions for Russia] // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 106–119. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.10>.
26. Addicott D.A.C. The Rise and Fall of The Zaibatsu: Japan's Industrial and Economic Modernization // Global Tides. 2017. Vol. 11. № 5. URL: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol11/iss1/5>.
27. Ahmad M., Hall S.G. The Growth Effects of Economic and Political Institutions: New Evidence from Spatial Econometrics Analysis Using Historical-Based Institutional Matrix // Economic Change and Restructuring. 2023. Vol. 56. Pp. 749–780. <https://doi.org/10.1007/s10644-022-09440-1>.
28. Barakhvostov P.A. Inheritance Rights in the Formation and Evolution of Institutional Matrices // Mir Rossii. 2022. Vol. 31. № 2. Pp. 163–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173>.
29. Bednar J. Modeling the Institutional Matrix: Norms, Culture, and Robust Design // A Research Agenda for New Institutional Economics. 2018. Pp. 162–170.
30. Chung K.H. Business Groups in Japan and Korea: Theoretical Boundaries and Future Direction // International Journal of Political Economy. 2014. Vol. 34. № 3. Pp. 67–98. <https://doi.org/10.1080/08911916.2004.11042925>.
31. Jerzemowska K.M. Was Tax Optimisation Used in Ancient Japan? // Argumenta Oeconomica. 2024. № 2(53). Pp. 14–31. <https://doi.org/10.15611/aoe.2024.2.02>.
32. Lebra T. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu: Univ. press of Hawaii, 1976.
33. Mizumura Naoto. Importance of Circum-Japan Sea Trade Networks in the Transition from the Yayoi Period to the Kofun Period // Japanese Journal of Archaeology. 2015. No. 3 Pp. 3–27.
34. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. Pp. 97–112.

35. Nowakowski K. The Institutional Matrices Theory as the Basis of Explanation of Real Estate Bubble // Managerial Economics. 2013. №14. Pp. 113–135. <http://dx.doi.org/10.7494/manage.2013.14.113>.
36. Price D. Wittfogel's Neglected Hydraulic. Hydroagricultural Distinction // Journal of Anthropological Research. 1994. Vol. 50. № 2. Pp. 187–204.
37. Semple E.C. Influences of Geographic Environment: on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeograph // Nature. 2015. Vol. 88. № 101. Pp. 1911. <https://doi.org/10.1177/000271621204100150>.
38. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative Study of Total Power. New Haven, London, Yale University Press, 1963.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: Белоруссия, 220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 февраля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 6 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Astakhov E.M., Rainkhardt R.O. State Counterfeiting of National Business in Foreign Markets. Moscow, MGIMO-University, 2015 [In Russian].
2. Barakhvostov P.A. Formation and Evolution of Russian Frontiers. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia&World: Scientific Dialogue]*. 2022; 2(2):166–177 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177).
3. Bessonova O.E. Razdatok as Nonmarket System. *Izvestiya SO RAN. Seriya: Region: ekonomika i sociologiya [Izvestiya SB RAS. Series: Region: Economics and Sociology]*. 1993; 1:29–41 [In Russian].
4. Gulyaeva O.A. Comparative Analysis of the Development of the Institution of Private Property in the Countries of the East and West: The Theory of Institutional Matrices. *Vestnik Tul'skogo filiala Finansovogo universiteta [Bulletin of the Tula branch of the Financial University]*. 2016; 1:264–272 [In Russian].
5. Druzhinin N.L. Dualism of Japanese Economy and Post-War Keiretsu System. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria. 5 [Bulletin of St. Petersburg University, Series 5]*. 2008; 2:34–41 [In Russian].
6. Dugin A.G. Foundations of Geopolitics. Moscow: Arktogeya [Arctogea], 1997 [In Russian].
7. Zamyatina N.Yu. The Development Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 1998; 2:75–88 [In Russian].

8. Kantur R.A. The Institution of Genro in the System of Government Bodies of Japan During the Meiji Era. *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*. 2015; 44:253–262 [In Russian].
9. Kirdina S.G. Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction in X-Y Theory. St. Petersburg: Nestor–Istoria, 2014 [In Russian].
10. Kirdina-Chandler S.G. Western and Non-Western Institutional Models in Time and Space. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Questions of Theoretical Economics]*. 2018; 1(2):73–88 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005>.
11. Kozhevnikov V.V. Formation of an Ancient State in Japan. *Izvestiya Vostochnogo instituta [Izvestia of the Oriental Institute]*. 2017; 4:48–61 [In Russian].
12. Levyash I.Ya. Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges. *Dialogue of Cultures in the Era of Global Risks*, ed. by A.V.Danilchenko. Minsk: RIVSH, 2016:193–196 [In Russian].
13. 大島真理夫 [] 近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰. *経済学雑誌 (Mario Oshima Image of the Economic History of Modern Japan and Contemporary Asia: the Rise and Fall of the Western Model. Zhurnal «Ekonomika» [Economics magazine])*. 2015; 115(3):85–108 [In Japanese].
14. Meshcheryakov A.N. The History of the Japanese Archipelago as a Socio-Natural and Information Process. *Istorija i sovremennost' [History and modernity]*. 2005; 1:56–77 [In Russian].
15. Meshcheryakov A.N. Some Main Features of the Japanese Civilizational and Cultural Model. *Izvestija Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]*. 2005; 9:225–242 [In Russian].
16. Meshcheryakov A.N. Meiji Reforms: The Human Dimension. *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*. 2018; 47:350–366 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
17. Montesquieu Ch. On the Spirit of Laws. Geneva, 1748 [In Russian]. Available from: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>.
18. Polokhalo Yu.N. Meiji Revolution and government reforms in Japan. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]*. 2006; 4:195–205 [In Russian].
19. Semenov V.A. Methodology for Analyzing the Decision-making Process in the Political System Using the. *CACI. Pravo i politika [Law and politics]*. 2023; 8:80–114 [In Russian]. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43823>.
20. Spevakovskyi D.V. Samurai are Military Class of Japan. Moscow: Nauka, 1981 [In Russian].
21. Streltsov D.V. Japan: Political Modernization of the Heisei Era. *Associacija issledovatelej rossijskogo obshchestva [Association of Researchers of the Russian Society]*. 2013:1–280 [In Russian].
22. 竹内洋君。日本の経済力の源泉は何でしょうか? 80年代の経済戦争 東京: 大洋: 紀博出版. 1981 (Takeuchi Hiroshi. What is the Source of Japan's Economic Power? Economic Warfare in the 1980s. Tokyo: Taiyo: Kihaku Shuppan), 1981 [In Japanese].
23. Frolova E.L., Takakura Hiroki, Takuda Yukako. A Look at Japan's History from the Perspective of Its Indigenous Peoples: Past and Present. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology]*. 2010; 9(7):164–169 [In Russian].
24. Chugrov S.V. Rethinking the Dominant Japanese Political Culture. The Japanese Phenomenon through the Eyes of Russian Orientalists / ed. by I.P.Lebedeva, A.N.Meshcheryakov and D.V.Streltsov. Moscow: Aspekt-Press, 2018:57–75 [In Russian].
25. Shevchenko V.N. China's Return to the National Path of Development in the Era of Globalization: Significance and Conclusions for Russia. *Vek globalizacii [The Age of Globalization]*. 2018; 3(27):106–119 [In Russian]. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.10>.
26. Addicott D.A.C. The Rise and Fall of The Zaibatsu: Japan's Industrial and Economic Modernization. *Global Tides*. 2017; 11(5) [In English]. Available from: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol11/iss1/5>.
27. Ahmad M., Hall S.G. The Growth Effects of Economic and Political Institutions: New Evidence from Spatial Econometrics Analysis Using Historical-Based Institutional Matrix. *Economic Change and Restructuring*. 2023; 56:749–780 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s10644-022-09440-1>.
28. Barakhvostov P.A. Inheritance Rights in the Formation and Evolution of Institutional Matrices. *Mir Rossii*. 2022; 31(2):163–173 [In English]. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173>.
29. Bednar J. Modeling the Institutional Matrix: Norms, Culture, and Robust Design. *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018:162–170 [In English].
30. Chung K.H. Business Groups in Japan and Korea: Theoretical Boundaries and Future Direction. *International Journal of Political Economy*. 2014; 34(3):67–98 [In English]. <https://doi.org/10.1080/08911916.2004.11042925>.
31. Jerzemowska K.M. Was Tax Optimisation Used in Ancient Japan? *Argumenta Oeconomica*. 2024; 2 (53):14–31 [In English]. <https://doi.org/10.15611/aoe.2024.2.02>.
32. Lebra T. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu: Univ. press of Hawaii, 1976 [In English].
33. Mizumura Naoto. Importance of Circum-Japan Sea Trade Networks in the Transition from the Yayoi Period to the Kofun Period. *Japanese Journal of Archaeology*. 2015; 3:3–27 [In English].

34. North D.C. Institutions. Journal of Economic Perspectives. 1991, 5(1):97–112 [In English].
35. Nowakowski K. The Institutional Matrices Theory as the Basis of Explanation of Real Estate Bubble. Managerial Economics. 2013; 14:113–135 [In English]. <http://dx.doi.org/10.7494/manage.2013.14.113>.
36. Price D. Wittfogel's Neglected Hydraulic. Hydroagricultural Distinction. Journal of Anthropological Research. 1994; 50(2):187–204 [In English].
37. Semple E.C. Influences of Geographic Environment: on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography. Nature. 2015; 88(101):1911 [In English]. <https://doi.org/10.1177/000271621204100150>.
38. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative Study of Total Power. New Haven, London, Yale University Press, 1963 [In English].

About the author

Pavel A. BARAKHVOSTOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: February 15, 2025. Approved after review: May 6, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.51

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-143-155](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-143-155)

Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и органов государственного и военного управления

Евгений Сергеевич Гореликов

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru

Аннотация. Специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией на Украине, выдвигает на передний план ряд проблем реорганизации различных структур государства, в том числе требования существенной корректировки военной политики, военного строительства и военного управления, а также меняет характер военно-гражданских отношений. Одним из видов военно-гражданских отношений является экспертное взаимодействие, которое основано на специальных знаниях и компетентности как гражданских экспертов, так и военных специалистов. При этом экспертное взаимодействие не означает, что гражданское общество получает право управлять военной организацией, но предполагает открытый диалог, обмен информацией и мнениями между сторонами для достижения взаимопонимания и разработки оптимальных решений. Целью статьи является описать предлагаемый механизм экспертного взаимодействия между гражданским обществом и военной организацией государства в сфере обеспечения военной безопасности. Раскрываются процессы взаимодействия государственных структур, гражданского

общества и военной организации государства. Механизм включает в себя процедуры сплочения смешанных коллективов экспертов и лиц, принимающих решения, распределение полномочий и ответственности, анализ типов субъектов экспертного взаимодействия, соображения о типах разрабатываемых совместно решений. Предложенный механизм представляет собой динамическую систему, направленную на повышение эффективности обеспечения национальной безопасности. Его внедрение способно укрепить доверие между гражданским обществом и органами государственного и военного управления, усилить общественную поддержку СВО, а также обеспечить приток новых знаний и технологий в военную сферу.

Ключевые слова: механизм, эксперт, гражданское общество, военная организация государства, военная безопасность, взаимодействие

Для цитирования: Гореликов Е.С. Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и органов государственного и военного управления // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 143-155, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-143-155](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-143-155)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-143-155](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-143-155)

The Mechanism of Expert Interaction Between Civil Society, State and Military Administration

Evgeniy S. Gorelikov✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru

Abstract. The special military operation carried out by the Russian Federation in Ukraine raises a number of issues related to reorganizing various state structures. These include requirements for significant changes to military policy, military construction, and military administration. It also includes changes in the nature of civilian-military relations. One type of civil-military cooperation is expert interaction, based on the specialized knowledge and skills of both civilian and military professionals. Expert interaction does not imply that civil society has the right to control the military. Instead, it involves open dialogue, information exchange, and opinion sharing between parties to achieve mutual understanding and make better decisions. The article describes a proposed mechanism for expert interaction between civil society and the military organization of a state in the area of military security. The processes of interaction between state structures, civil society, and the military organization of the state are revealed. The mechanism includes procedures for bringing together mixed teams of experts and decision-makers, the distribution of powers and responsibilities, analysis of the types of interactions between experts, and consideration of the types of decisions to be made. The proposed mechanism is a dynamic system aimed at improving national security. Its implementation could strengthen trust between civil society and government and military authorities, increase public support for special operations, and ensure the flow of new knowledge and technology into the military sphere.

Keywords: mechanism, expert, civil society, military organization of the state, military security, interaction

For citation: Gorelikov E.S. The Mechanism of Expert Interaction Between Civil Society, State and Military Administration. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 143-155, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-143-155](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-143-155)

Введение

С началом СВО российское гражданское общество встало перед выбором между принятием решений властей и сопротивлением. Однако общество показало, что традиционная дихотомия «противостояние – согласие» оказалась ложной. Немалая часть граждан избрала третий путь, в своем роде не имеющий аналогов. Сформировался новый тип гражданского общества – «страхующий», который, хотя и лоялен политическому режиму и президенту, поддерживает спецоперацию, но в то же время требует от властей большей справедливости, а свою функцию видит в создании широкого общественного фронта содействия для достижения общего конечного успеха [10, с. 10]. «И это проявляется не просто в благих намерениях и заявлениях, но в конкретных делах и поступках обычных граждан» [2, с. 11], принимающих участие в СВО в качестве добровольцев, в инициативном размещении беженцев, в консолидированном осуждении покинувших страну людей, в сборе гуманитарной помощи и материально-технической поддержке войск, в волонтерской и социальной активности представителей некоммерческих организаций и бизнеса, во активности патриотически настроенных информационных ресурсов. Более того, на данный момент можно наблюдать новые специфические формы экспертной деятельности гражданского общества. Социальные процессы, вызванные СВО, натолкнули на, казалось бы, саму собой очевидную вещь: качество и объем знаний, которые продуцируют экспертные сообщества и отдельные эксперты из числа гражданского общества, могут быть использованы в том числе и в целях обеспечения военной безопасности государства. Уникальность ситуации в том, что приоритеты своего участия в системе военно-гражданских отношений избираются гражданами и их объединениями на автономной и самостоятельной основе, во многих случаях не благодаря, а вопреки позиции административно-бюрократического аппарата [9, с. 94].

В целом социальная практика последних трех лет показала, что военно-гражданские отношения как система взаимодействия между военной организацией государства и гражданским обществом могут принимать самые разные формы. В данной статье рассматривается такой их частный случай, как экспертное взаимодействие, имеющее место в форме социального партнерства субъектов экспертной деятельности гражданского общества и представителей военной организации государства с целью обмена знаниями, совместной оценки ситуации и разработки решений по вопросам обеспечения военной безопасности. Подчеркнем,

что его целью является не просто выразить свое мнение, а прийти к общим выводам и рекомендациям для более рационального и эффективного принятия решений в военной сфере. Хотя такое взаимодействие фактически происходит на различных уровнях функционирования военной организации государства, нерешенными остаются многие вопросы его сущностного наполнения.

Материалы и методы

В статье использованы научные работы современных отечественных исследователей гражданского общества и военно-гражданских отношений. Также использованы труды, посвященные исследованию основ экспертного знания и применения экспертных технологий. Даются ссылки на законодательные акты и заявления официальных лиц Российской Федерации.

Автор использовал методы системного анализа, синтеза и структурно-функционального моделирования.

Результаты исследования

Механизм экспертного взаимодействия. Описание предлагаемого механизма экспертного взаимодействия гражданского общества и военной организации государства включает детализацию того, как разные субъекты в системе взаимодействия «государство – гражданское общество – военная организация государства» общаются, сотрудничают, влияют друг на друга, как происходит обмен информацией, ресурсами и влиянием в сфере обеспечения военной безопасности. Возможность внесения обновлений и уточнений делают этот механизм динамическим [5, с. 19].

Среди ожидаемых результатов работы механизма выделим:

- повышение эффективности функционирования военной организации государства;
- укрепление доверия между военной организацией государства и гражданским обществом;
- повышение общественной поддержки деятельности военной организации государства;
- развитие военной науки и технологий за счет привнесения нового опыта и знаний из гражданских областей.

Структура и процессуальное наполнение. Правительство РФ, как высший орган исполнительной власти, выступает как генератор экспертного взаимодействия военной организации государства и гражданского общества. Уровнем ниже в качестве уполномоченной третьей силы выступает управляющий орган, обеспечивающий конструктив и наполнение данного взаимодействия, выполняющий функции

проектирования, организации, координации, контроля, оценки и корректирования на всех этапах экспертного взаимодействия. На исполнительском уровне предлагается к созданию структура, объединяющая гражданских экспертов, взаимодействующих с военной организацией государства.

Исходя из этого, взаимодействуют три вида субъектов: субъекты-генераторы, они же уполномоченные на управление применением результатов экспертного взаимодействия, субъекты-акцепторы, то есть представители военной организации государства, которым направляется решение о применении результатов экспертного взаимодействия, и субъекты-источники специальных знаний или компетентностные субъекты, то есть гражданские эксперты.

Взаимодействующие элементы:

1. Федеральные органы исполнительной власти: Правительство РФ как высший орган исполнительной власти.

2. В качестве управляющего органа, реализующего экспертное взаимодействие, предлагаются следующие варианты:

а) на первичном этапе это может быть одна из уже функционирующих структур управления. Например, Национальный центр управления обороной Российской Федерации (НЦУО РФ)¹ – межведомственная организация, которая интегрирует и координирует действия всех национальных, региональных и территориальных сил по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, включая действия министерств, ведомств, государственных корпораций и гражданских властей. НЦУО РФ изначально создавался как точка интеграции для военно-гражданской координации, поэтому он способен замкнуть на себя управление военными и гражданскими усилиями при выполнении всех видов задач обеспечения военной безопасности – от стратегической аналитики до синхронизации материально-технического обеспечения войск, эффективно распределяя имеющиеся ресурсы²;

б) в качестве второго варианта предлагается Совет Безопасности Российской Федерации – совещательный орган, занимающийся анализом и стратегическим планированием по всему комплексу вопросов национальной безопасности. Поскольку Совет образует межведомственные комиссии как основные рабочие органы³, в части, касающейся военно-гражданских отношений, в его составе предлагается к созданию Комиссия по военно-гражданскому экспертному взаимодействию. В зависимости от возлагаемых задач, а также по функциональному или региональному признаку могут создаваться подкомиссии по федеральным министерствам и службам, входящим в состав военной организации Российской Федерации;

в) как третий вариант предлагается создание Совета по военно-гражданской экспертной политике смешанного состава: представители военной организации

¹ Национальный центр управления обороной Российской Федерации / Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=11206%40egOrganization&syslid=ma3n7b2r1p11424635.

² Там же.

³ Совет Безопасности Российской Федерации. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/security-council>.

Рисунок. Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и военной организации государства

Figure. Mechanism of Expert Interaction Between Civil Society and the Military Organization of the State

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

государства, представители политических сил (депутаты Государственной Думы, сенаторы Российской Федерации и др.) и представители общественных организаций.

3. Гражданское общество: любые представители, осуществляющие экспертную деятельность (индивидуальные эксперты и независимые исследовательские центры, аналитические группы, экспертные советы, общественные организации, НКО, СМИ, специализирующиеся на безопасности, обороне, военном деле, а также смежных областях). Предлагается создание Экспертного корпуса гражданского общества – структурированного объединения экспертов, являющегося подчиненным по отношению к управляющему органу и несущего собирающую функцию.

4. Военная организация государства: представители МО РФ, федеральных служб, научно-исследовательских институтов, военно-учебных заведений и т.д.

Содержательное наполнение механизма экспертного взаимодействия состоит из следующих разделов (рисунок).

Процедуры сплочения рабочей команды

С точки зрения социологии важно отметить, что только коллектив экспертов, а не группа «авторов-одиночек», может справиться с задачей по выявлению возможных направлений совершенствования предметной области рассматриваемого объекта. Коллективная работа предполагает осознание необходимости каждым его членом той функциональной нагрузки, которую выполняют другие члены коллектива. Лишь на такой основе может вестись работа по формированию комплексной концепции, в которой одновременно могут быть представлены отдельные концепции, разнообразие которых увеличивает полноту охвата проблем объекта анализа, а значит, и повышает качество комплексной концепции. Поэтому организаторам экспертного взаимодействия необходимо уже в первом общении с экспертами приступить к созданию коллектива как залога дальнейшего успеха [7, с. 5]. Убеждение эксперта в необходимости и ценности самого исследования и его целей, а также в значимости личного участия – важная часть процедуры сплочения рабочей команды, предопределяющая успех совместной работы [4, с. 40].

Типы субъектов экспертного взаимодействия (таблица).

Таблица. Социальная типология субъектов экспертного взаимодействия
Table. Social Typology of Expert Interaction Subjects

Субъект экспертного взаимодействия	Особенности
Задействованные эксперты	
Дистанционные консультанты	Уровень компетенции может быть очень высоким, однако степень погружения во взаимодействие может оказаться не слишком глубокой
Одиночные эксперты	Уровень компетенции – дискуссионный, ввиду невключенности в командную работу, что повышает вероятность субъективности
Экспертная команда	Группа профильных специалистов, профессионально занимающаяся экспертной деятельностью непосредственно на месте, может дать наилучший результат с точки зрения качества проделанной работы
Дилетанты	Привлеченные неспециалисты обладают весьма ограниченными возможностями. Дело не только в их компетенциях или нехватке таковых, но еще и в сложности организации труда большой команды разнородных людей, даже добросовестно заинтересованных в результате. К преимуществам такого подхода относится поток свежих взглядов на рассматриваемую проблему
Представители военной организации государства	
Эксперт со стороны военной организации государства	Экспертами со стороны военной организации государства могут быть как военнослужащие, так и гражданский персонал
Лицо, принимающее решение	Действующие военнослужащие органов военного управления

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

Видится необходимым на всех этапах экспертного взаимодействия поддерживать базу экспертов, фактически или потенциально участвующих во взаимодействии. Требования к такой базе могут быть следующие.

Свойства:

- Представительность (специалисты из разных областей знаний, отраслей экономики, научных дисциплин).
- Достоверность (актуальная, точная и проверенная информация о каждом эксперте).
- Полнота (квалификация, опыт работы, публикации, профессиональные награды, внешние рекомендации).
- Обновляемость (включение новых и отслеживание изменений в профессиональной деятельности уже зарегистрированных экспертов).
- Доступность (как для представителей военной организации, так и для самих экспертов).
- Независимость и непредвзятость (профессионализм экспертов как основа).
- Структура и возможности:
- Каталогизация (разделение экспертов по областям знаний и специализациям для удобства поиска и подбора).
- Профили экспертов.
- Рейтинг экспертов.
- Система обратной связи.

Эксперты со стороны военной организации государства как участники взаимодействия обладают некоторыми особенностями по сравнению с внешними гражданскими экспертами:

- они обладают специализированными знаниями и опытом в области военной безопасности в целом и функционирования военной организации государства в частности;
- они имеют доступ к конфиденциальной информации, которая не доступна широкой публике, что позволяет им обладать более полной и точной картиной ситуации;
- ввиду первых двух особенностей, а также ввиду продолжительности работы в организации они обладают весомым символическим капиталом.

Положительная роль экспертов со стороны военной организации может заключаться в обмене опытом, обучении, наставничестве и поддержке вновь включенных в работу гражданских экспертов в части определения направления исследований и координации их работы, чтобы помочь им лучше понять специфику и обеспечить соответствие их деятельности целям и задачам военной организации государства. Они также могут становиться лидерами в создании сетей контактов между гражданскими и военными экспертами, брать инициативу в формировании экспертных команд. Однако, кроме того, есть вероятность проявления их отрицательной роли в виде попыток оказывать давление на внешних гражданских экспертов, ограничивать им доступ к информации, используя свой символический

капитал, в борьбе за отстаивание местной конъюнктуры, либо преследуя личные интересы.

Лица, принимающие решения (ЛПР) со стороны военной организации государства, являются равными участниками экспертного взаимодействия. Не следует предполагать обладание ими каким-либо привилегированным положением. Согласно предлагаемой структуре, полномочия по инициированию и организации взаимодействия, определению проблем и формулировке задач, созданию механизмов и всестороннему обеспечению экспертного взаимодействия, а также ответственность за результаты экспертного взаимодействия возлагаются на управляющий орган. Роль ЛПР в экспертном взаимодействии сводится к:

- активному участию в экспертной деятельности;
- оцениванию эффективности решений на стадии их разработки;
- максимальному включению экспертных выводов в процесс принятия управленческого решения;
- осуществлению контроля за реализацией решений на предмет выполнения экспертных рекомендаций [3, с. 116].

Процедуры взаимодействия

В основу процедурной регламентации экспертного взаимодействия положен предлагаемый автором метод синтеза концепций гражданских экспертов и представителей военной организации государства. В общем виде в качестве основных групп процедур, входящих в этот метод, предлагаются следующие.

В первую группу входят процедуры, связанные с формированием и обработкой отдельных концепций совершенствования предметной области объекта и оценкой актуальности реализации этих концепций по факторам необходимости и факторам возможности. Сюда входит переработка эмпирических сведений и идей, касающихся проблем в предметной области объекта и способов их решения, в такую конструктивную форму, которая позволяет вводить эти сведения в дальнейшую обработку, необходимую для построения целевой комплексной программы.

Ко второй группе относятся процедуры, в результате которых отдельные концепции ставятся между собой в отношения, связанные с тем, что, например, одна концепция служит частью, условием или методом для реализации другой концепции. В результате отдельные концепции после согласования находятся в отношениях обуславливания или поглощения.

К третьей группе относятся процедуры формирования комплексной концепции совершенствования предметной области объекта, отражающей общий замысел, цели и стратегию совершенствования. В комплексной концепции присутствуют все отдельные концепции, иначе говоря, обобщенное мнение гражданских экспертов и представителей военной организации государства принимается как решение проблемы.

В применении метода синтеза отдельных концепций особый акцент следует сделать не на организацию, а на коллективность работы, ее социальный аспект [4, с. 87].

Типы совместно разрабатываемых решений

В данном аспекте важную роль играют ограничения, накладываемые закрытым характером военно-политической сферы, регламентированные Законом РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне». Описание системы принятия решений и градация типов принимаемых совместно решений напрямую зависит от необходимости и целесообразности допуска гражданских экспертов к сведениям, составляющим государственную тайну, и выходит за рамки данной статьи. Однако при этом представляется возможным описать общий методический подход к решению вопросов данного характера. Включение гражданских экспертов в совместную работу с представителями военной организации государства по исследованию тех или иных закрытых проблемных областей предлагается осуществлять двумя способами:

1. В необходимом и достаточном объеме допустить (с их согласия) нужных гражданских экспертов к сведениям, составляющим государственную тайну, и далее продолжать работу установленным порядком.

2. Назначить нужным гражданским экспертам работу с отдельными фрагментами исследуемой области таким образом, чтобы из доступных им обрывочных аспектов невозможно было составить представление о процессах, в которых они участвуют, а также о предпосылках, состоянии и сценариях развития проблемной области.

Распределение полномочий и ответственности. В процессе экспертного взаимодействия как представители военной организации государства, так и гражданские эксперты являются активными участниками реализации проектов, программ и инициатив в силу своих полномочий и компетенций, за что они несут ответственность. За конечные же результаты реализации совместно разработанных проектов и решений ответственность несет военная организация государства, поскольку их согласование полностью остается прерогативой последней.

В целом механизм экспертного взаимодействия работает на основе следующих принципов:

● **Общность целей.** Предполагается, что у гражданского общества и военной организации государства общей целью является реализация национальных интересов Российской Федерации, а именно – обеспечение военной безопасности.

● **Доверие.** Соблюдение этого принципа обеспечивается в первую очередь взаимным уважением. Гражданские эксперты должны позаботиться о том, чтобы доказать свою компетентность и приверженность национальным интересам [8, с. 210]. Представителям военной организации государства следует непредвзято, без кастовых и политических предрассудков отнестись к гражданским экспертам как к профессионалам-патриотам, способствующим эффективности работы.

● **Диалог.** Обычно закрытые военные структуры должны быть готовы к открытой коммуникации с гражданским обществом.

● **Партнерство.** Выстраивание доверия и коммуникации между военной организацией и гражданским обществом влечет формирование военно-гражданских отношений нового качества [2, с. 21].

● **Конструктивная критика.** В рамках работы управляющего органа и непосредственно во взаимодействии с гражданскими экспертами военная организация государства должна быть открыта к критике. Так же и обратно – гражданские эксперты открыты для критики своих взглядов и предложений. Однако критика должна быть конструктивной, то есть предлагать пути улучшения ситуации, а не просто выражать негативные эмоции и предвзятое отношение. Каждая сторона должна нести ответственность за критику, предоставляя доказательства и аргументы, а также быть инициативной в предложении новых реалистичных и практически ценных идей. Обе стороны при этом не просто готовы к компромиссам, так как это предполагало бы отказ от своих позиций и интересов хотя бы одной из сторон, но должны стремиться к реализации стратегии «win-win», в поиске инновационного «третьего решения», удовлетворяющего обе стороны и общие национальные интересы.

В идеальном случае успешная работа механизма экспертного взаимодействия военной организации государства и гражданского общества приводит к повышению эффективности этого взаимодействия, которая характеризуется эффективностью экспертной деятельности и эффективностью принимаемых управленческих решений. При их расчете учитываются не только реально экономические и материальные выгоды, но и соответствие социальным запросам, нуждам общества и иные социальные последствия.

Выводы

Феномен формирования в условиях СВО нового типа взаимодействия гражданского общества и государства отражает эволюцию традиционных моделей гражданского участия, где ключевым становится не противостояние или пассивное согласие, а конструктивное сотрудничество на основе общих целей. Стоит заметить, что поскольку гражданская активность представляет собой осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его сознательные, реальные, социально значимые действия, степень его проявления зависит в том числе и от целенаправленных действий государственных органов по выстраиванию взаимодействия с институтами гражданского общества [6, с. 368]. Несмотря на существующие вызовы, такие как закрытость военной сферы и риски бюрократических барьеров, предложенная модель открывает новые возможности для синергии государства и гражданского общества. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на детализации процедур взаимодействия, а также на оценке эффективности проектов, реализованных в рамках данного механизма.

Список источников

1. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» [The Development of Civil Society in Russia Under the Conditions of «Capitalism for the Elect»] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 9–40.
2. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества [The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 9–32. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>.
3. Литвак Б.Г. Экспертные технологии в управлении [Expert Technologies in Management]. М., 2004.
4. Масленников Е.В. Экспертное знание: интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании [Expert Knowledge: an Integration Approach and its Application in Sociological Research]. М.: Наука, 2001. 228 с.
5. О'Нил Кэти. Убийственные Большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения [Killer Big Data. How Mathematics Turned into a Weapon of Mass Destruction]. М.: Изд-во АСТ, 2018. 320 с.
6. Пилипенко А.Д. Гражданская активность в современной России: сущность понятия, формы проявления, факторы формирования [Civic Engagement in Modern Russia: the Essence of the Concept, Forms of Manifestation, Factors of Formation] // Молодой ученый. 2018. № 23(209). С. 366–368.
7. Пронин Э.А. Концептуальные основы теории межличностных конфликтов: методологический анализ [Conceptual Foundations of the Theory of Interpersonal Conflicts: Methodological Analysis]: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 Теория, методология и история социологии / Московский социальный университет. М., 1998. 18 с.
8. Уханова Ю.В. Экспертный образ гражданского общества в России [Expert Image of Civil Society in Russia] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 202–216.
9. Цыбаков Д.Л., Данкова Ж.Ю. Императивы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции [Imperatives of State-Civil Interaction in Russia During a Special Military Operation] // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 5. С. 80–95. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>.
10. Шатилов А.Б. Гражданское общество в России: третий путь [Civil Society in Russia: the Third Way] // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>.

Информация об авторе

ГОРЕЛИКОВ Евгений Сергеевич. Кандидат военных наук. Докторант кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Б.Садовая, 14. general85@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г. Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликована: 1 сентября 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ilyin V.A. The Development of Civil Society in Russia Under the Conditions of “Capitalism for the Elect”. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2017; 10(4):9–40 [In Russian].
2. Ilyin V.A., Morev M.V. The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2022; 15(5): 9–32 [In Russian]. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>.
3. Litvak B.G. *Expert Technologies in Management*. Moscow, 2004. [In Russian].
4. Maslennikov E.V. *Expert Knowledge: an Integration Approach and its Application in Sociological Research*. Moscow: Nauka, 2001:228 [In Russian].
5. O'Nil Keti. *Killer Big Data. How Mathematics Turned into a Weapon of Mass Destruction*. Moscow: Izdatel'stvo AST [AST Publishing House]. 2018:320 [In Russian].
6. Pilipenko A.D. *Civic Engagement in Modern Russia: the Essence of the Concept, Forms of Manifestation, Factors of Formation*. *Molodoy uchenyj* [Young scientist]. 2018; 23(209):366–368 [In Russian].
7. Pronin E.A. *Conceptual Foundations of the Theory of Interpersonal Conflicts: Methodological Analysis Abstract of Theses. ... CandSc (Soc.): 22.00.01 Theory, methodology and history of sociology / Moscow Social University*. Moscow, 1998:18 [In Russian].
8. Uhanova Yu.V. *Expert Image of Civil Society in Russia*. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2018; 11(4):202–216 [In Russian].
9. Cybakov D.L., Dankova Zh.Yu. *Imperatives of State-Civil Interaction in Russia During a Special Military Operation*. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2023; 18(5):80–95 [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>.
10. Shatilov A.B. *Civil Society in Russia: the Third Way*. *Vlast'* [Power]. 2023; 31(4):9–14 [In Russian]. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>.

About the author

Evgenij S. GORELIKOV. CandSc. (Military). Doctoral student of the Department of Sociology at Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Address: 14, B. Sadovaya str., Moscow, 123001, Russian Federation, general85@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 5, 2025. Approved after review: June 20, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.74

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-156-170](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-156-170)

Символический капитал Великобритании – кризис, который назрел

Евгений Борисович Макаров✉

Российская ассоциация прибалтийских исследований, Санкт-Петербург, Россия

makarov33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1993-5055>

Аннотация. Данное исследование предпринимает попытку проанализировать современные реалии и кризисные проявления в сфере символического капитала Соединенного Королевства, непосредственно связанного со структурой власти, престижа и идентичностью. Опираясь на методологию П.Бурдьё, позволяющую отождествлять символическое пространство с физическим через проекцию распределения отдельных видов капиталов, задающих таким образом социальную структуру, мы оказываемся в пространстве, где один из видов капитала – символический – обладает способностью формировать устойчивый образ формализованного социального сообщества – страны, государства – как наиболее привлекательного для многих людей. Используя это преимущество, Великобритания создала и поддерживает образ своих основополагающих институтов, таких как монархия, парламент, Англиканская церковь, Содружество, образование и сфера культурного наследия (Британский музей), как наиболее престижных проявлений культуры и общественного развития, создавая, таким образом, ореол высококачественного сообщества. В качестве исследовательского вопроса мы анализируем, насколько сегодня эти институты когерентны социальной динамике современного британского сообщества, каковы их основные проблемы и как сами британцы оценивают их эффективность и узнаваемость. Основная гипотеза, сопровождающая повествование, к подтверждению которой мы приходим в конце, состоит в том, что за «фасадом символической Великобритании» скрывается внутри социально-экономического и духовного кризиса. Однако, скрывая эти обстоятельства,

Британия предпринимает неустанные попытки использовать свой символический капитал, навязывая свой образ «лидера демократического мира». Можно обмануть некоторые страны и народы, но обмануть историю не получится.

Ключевые слова: Великобритания, британская монархия, британский парламент, Англиканская церковь, «Оксбридж», Британский музей

Для цитирования: Макаров Е.Б. Символический капитал Великобритании – кризис, который назрел // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 156-170, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-156-170](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-156-170)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-156-170](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-156-170)

The Symbolic Capital of Great Britain – the Crisis that has Matured

Evgeniy B. Makarov✉

Russian Association of Baltic Studies, Saint Petersburg, Russia
nakarov33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1993-5055>

Abstract. This study attempts to analyze the current realities and crisis manifestations in the sphere of symbolic capital in the United Kingdom, which is directly related to the structure of power, prestige, and identity. Based on the methodology of P. Bourdieu, who makes it possible to identify symbolic space with physical space through the projection of the distribution of certain types of capital, thus defining social structure, we find ourselves in a space where one type of capital – symbolic – has the ability to shape a stable image of formalized social communities – countries, states, as the most attractive for many people. Using this advantage, Great Britain has created and maintained the image of its fundamental institutions, such as Monarchy, Parliament, the Anglican Church, education, and cultural heritage, as prestigious manifestations of culture and social development, thereby creating an aura of high-quality communities. The research question that we analyze is how coherent these institutions are today with the social dynamics of the modern British community. What are their main problems and how do the British themselves assess their effectiveness and recognition? The main hypothesis accompanying this research and which we come to confirm at the end is that behind the “facade of symbolic Great Britain” a deep socio-economic and spiritual crisis is hidden.

Keywords: United Kingdom, British Monarchy, British Parliament, Anglican Church, Oxbridge, British Museum

For citation: Makarov E.B. The Symbolic Capital of Great Britain – the Crisis that has Matured. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 156-170, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-156-170](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-156-170)

Введение

В семиотике символические знаки основаны на лингвистических (общепринятых) конвенциях. Также и в жизни – под «символическим» мы понимаем то, что для большинства имеет олицетворение как образ, с помощью которого можно идентифицировать и отличить одно от другого. В данном случае, если мы говорим о стране (Великобритании), то мы подразумеваем те образы, что в первую очередь ассоциируются у нас с ней, например, Британская(-ий) монархия, аристократия, церковь, парламент, университет, музей, футбол, музыка и т.д. Эти образы важны, так как они оказывают неизбежное воздействие на наше представление и отношение к данной стране и, соответственно, их можно создавать и использовать намеренно для привлечения союзников и влияния. Для любой страны важно не только заполучить желаемый образ исходя из принципов самопозиционирования (создать миф), но и заполучить лидерство в какой-либо символической (культурной) области – это сегодня еще называют «мягкой силой»¹.

Материалы и методы

Методологически связь символического (мифологического) и физического пространств осуществляется в пространстве коммуникации с помощью официальных номинаций (конвенций), говоря социологическим языком П.Бурдьё. Тем более что, обладая глубокой исторической ретроспекцией, Великобритания приобрела (в борьбе) внушительный багаж символического капитала и, что наиболее важно, сумела им воспользоваться и трансформировать в престиж и влияние, чего, к сожалению, пока не смогла достичь Россия, как это представляется в классическом варианте у П.Бурдьё [2]. Ведь одеяние, корона, скипетр, крючок для шпаги (в Палате лордов) и т.д., – все это объективированные формы символической власти, представляющие саму власть и определенный порядок, основанный на этих же символах, а также возбуждающие тот престиж, которому поклоняются миллионы и который они желают заполучить, связав свое имя с именем этих образов и символов.

Поскольку, на наш взгляд, Великобритания на сегодняшний момент не располагает реальной военной или политической силой и ресурсами, а также имеет существенные внутренние социально-экономические разногласия², то она продолжает вкладывать большие средства и силы на поддержание своей символической сферы в свой символический капитал. Однако и здесь Соединенное

¹ Макаров Е.Б. Будущее Великобритании – будущее мягкой силы. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/e-makarov/budushchee-velikobritanii-budushchee-myagkoy-sily/>.

² Макаров Е.Б. Обзор внутренней политики Великобритании. Основные кризисные моменты: конец 2024 – начало 2025 гг. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/obzor-vnutrenney-politiki-velikobritanii>.

Королевство сталкивается с сущностными проблемами. Типичный вопрос, который задают себе молодые британцы или легализованные переселенцы, когда смотрят на монархию или парламент, – а для чего все это надо? Или: не устарело ли все это? Далее мы рассмотрим некоторые символические институты, являющиеся основой государственной идентичности Соединенного Королевства (далее – СК), такие как монархия, парламент, Англиканская церковь, сфера образования и Британский музей, и проанализируем, с какими вызовами столкнулись эти институты сегодня.

Таким образом, чтобы узнать, каков он, современный британец, мы должны узнать, в каких условиях оказались он и традиционные для него институты. Мы попытаемся это определить через те противоречия и проблемы, с которыми сталкивается страна в наше время. Дабы сделать эти противоречия наглядными, то в качестве основных источников иллюстрации мы будем опираться в основном на популярные средства массовой информации и коммуникации СК, а также на литературные источники.

Результаты исследования

Роль короны сегодня

Устойчивость британской монархии связывают с двумя факторами: островным положением и ранним ограничением прав суверена – за вторым стоит «готовность монарха подчиняться закону и способность к адаптации»; это и спасло его от свержения [6].

Институт монархии Великобритании олицетворяет единство нации («Хранитель»), он стал частью государственности, при этом не утратил доверие подданных и сохранил возможность непрямого воздействия на правительство [5, с. 417]. Периодически возникают нападки на корону, дабы упразднить этот институт как сохранившийся анахронизм, мешающий современному развитию, но это так и остается лишь открытым вопросом, тем более что помимо церемониальных и символических обязанностей (глава Англиканской церкви и Содружества наций), король или королева выполняют и другие важные функции:

(а) советник – британский монарх обладает широким кругом неформальных отношений, имеет доступ к закрытым источникам, в т.ч. семейным архивам (связь с историей) и обладает знанием текущей обстановки из «первых уст»;

(б) арбитр – занимает место над внутривнутриполитическими партийными баталиями, работает со всеми кандидатами и премьер-министрами, а также лидерами других стран тет-а-тет. Востребован в разгар кризиса власти.

Итак, мы можем выделить четыре основные роли монарха СК: хранитель, лидер (глава), советник и арбитр. Из них хранитель и лидер являются символическими атрибутами короны. Следовательно, стоит определить, справляется ли корона с этими обязанностями. Рассмотрим их подробнее.

Хранитель (традиций)

Одобрение (поддержка) института монархии: 1997 – 73%, 2006 – 80% [5, с. 426-427], 2011 – 61%, 2015 – 68%, 2022 – 62%, 2023 – 58%³, 2024 – 59%⁴. Мы видим, что, согласно опросам «YouGov», большинство британцев действительно доверяют этому институту, причем это доверие устойчиво, если брать последние 13 лет. Однако если брать молодежь 18–24 лет, то только 21% оценивают монархию положительно [5]. Также относительно небольшая поддержка – 34% (2023 г.) – среди этнических меньшинств⁵.

Помимо института монархии 63% британцев также положительно высказываются относительно королевской семьи, среди этнических меньшинств – 45%, а среди молодежи только 26% высказываются положительно.

Как и любая семья, королевская тоже испытывает проблемы. Особенно неудачно закончился 2024 г. для принца Эндрю, который был замешан в шпионском скандале с участием китайских представителей⁶. У него в целом самая плохая репутация в семье, и 69%⁷ британцев считают, что он вообще должен быть отстранен от всех королевских дел. Помимо этого, исследователи, занимающиеся жизнеописанием королевской семьи, жалуются⁸ на негласное закрытие архивов и намеренное сокрытие информации, в частности о принце Эндрю (об этом же есть заметки и в других популярных британских СМИ).

Лидер

Лидерство представителей королевской семьи в качестве глав различных объединений, как, например, Содружество наций, можно рассматривать в качестве элемента «мягкой силы» СК. Однако если рассматривать притязания Карла III на роль главы Содружества, то после смерти Королевы Елизаветы II, которая возглавляла это объединение по общему согласию ее членов, эти притязания не обязательно должны быть удовлетворены, поскольку должность главы Содружества назначаемая, а не передается по наследству [1]. В 2024 г. король Карл III в первый раз посетил традиционную встречу глав Содружества в Самоа, где высказал свою приверженность этому союзу и обеспокоенность по поводу климатических изменений. Изменение

³ YouGov Monarchy Trackers (2023). URL: https://d3nkl3psvxxpe9.cloudfront.net/documents/YouGov_Monarchy_trackers.pdf.

⁴ YouGov Survey Results (2024). URL: https://d3nkl3psvxxpe9.cloudfront.net/documents/Internal_RoyalFavourability_240815.pdf.

⁵ What do ethnic minority Britons think of the monarchy and royal family? (2023). URL: <https://yougov.co.uk/society/articles/45655-what-do-ethnic-minority-britons-think-monarchy-and>.

⁶ 'Spy' founded Prince Andrew's Chinese money-making scheme (2024). URL: <https://www.telegraph.co.uk/royal-family/2024/12/16/spy-founded-prince-andrews-chinese-money-making-scheme/>.

⁷ Do you think that Prince Andrew should or should not be permanently removed from all Royal events? (2024). URL: <https://yougov.co.uk/topics/entertainment/survey-results/daily/2024/12/17/470dc/1>.

⁸ 'Dubious' use of the Freedom of Information Act stopping access to files on Prince Andrew, researchers say. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/dec/28/dubious-use-of-the-freedom-of-information-act-stopping-access-to-files-on-prince-andrew-researchers-say>.

климата и связанные с ним финансовые меры адаптации – это приоритетные направления для короны в рамках Содружества⁹. Однако на сегодняшний момент британцы не имеют четких представлений относительно дел Содружества, только 34% выразились, что объединение должно продолжить свое существование в том виде, что есть, еще треть – против и треть – не знает¹⁰. Существуют проблемы и со стороны самого Содружества наций, так как лидеры некоторых стран, входящих в него, требуют компенсации за колониальные угнетения и работорговлю. Немаловажным фактом стало то, что представители крупнейших стран Содружества (Индия, Канада, ЮАР, Шри-Ланка, Бангладеш) отсутствовали на этом саммите в силу разных причин¹¹.

Советник

В этой роли действия Карла III получили негативную коннотацию еще в период ожидания престолонаследия. Поскольку публично монарх должен воздерживаться от выражения личного мнения и вмешательства в деятельность правительства, чего принц Чарльз не делал и даже был прозван «принцем, который во все вмешивается» [1], то его ценность как носителя авторитетного мнения, основанного на доступе к закрытой информации, резко снижается. В частности, недавно рассекреченные документы показали, что принц подвергал сомнению ядерную стратегию М.Тэтчер. Он требовал личных военных брифингов от высокопоставленных должностных лиц о подходе правительства к вопросам по контролю над ядерным оружием в 1983 г.¹²

Арбитр

Выше мы указали, что верховный монарх может стать решением в разгар кризиса власти. Российский журналист В.Овчинников писал, что такая ситуация гипотетически может возникнуть, если вместо привычно соперничающих двух партий появится третья сила и партии не смогут назначить нового главу правительства, то тогда король может разрешить этот кризис и назначить премьер-министра [4, с. 387]. Фактически сейчас СК подступает к данной ситуации. Неизвестно, как будет развиваться ситуация, но на конец 2024 и начало 2025 г. партия «Реформ» (Reform UK) по рейтингам находится между правящей лейбористской и консервативной партиями¹³.

Еще один пример нахождения королевской семьи над схваткой. «Телеграф» пишет, что после отстранения Д.Трампа от власти в 2020 г. принц Уэльский

⁹ Макаров Е.Б. Великобритания и кризис «климатического кризиса». URL: <https://www.geopolitika.ru/article/velikobritaniya-i-krizis-klimaticheskogo-krizisa>.

¹⁰ From what you know, do you think the Commonwealth should or should not continue in its current form? (2022). URL: <https://yougov.co.uk/topics/entertainment/survey-results/daily/2022/03/29/44e67/3>.

¹¹ Саммит Содружества наций – Британии предъявлен счет за работорговлю, но платить нечем // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48542>.

¹² King questioned Thatcher's nuclear defence plans during Cold War. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2025/01/06/king-questioned-thatchers-nuclear-defence-plans-cold-war-uk/>.

¹³ Макаров Е.Б. Обзор внутренней политики Великобритании. Основные кризисные моменты: конец 2024 – начало 2025 гг. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/obzor-vnutrenney-politiki-velikobritanii>.

(нынешний король) продолжал поддерживать с ним и его семьей отношения по переписке¹⁴. Традиция, которую ввела покойная королева в отношении президентов США. Сегодня эта неформальная связь может повлиять на положительный процесс отношений двух стран, несмотря на то, что лейбористы существенным образом испортили отношения с Белым домом. И это еще раз подтверждает гипотезу о более глубокой посвященности королевской семьи в мировые процессы, нежели избираемых национальных политиков.

Парламент

Каждый раз удивляет, когда в одном из главных органов управления страны видишь пустынный зал с несколькими сонными депутатами Палаты общин. Поскольку парламент Соединенного Королевства исторически представляется как символ и образец демократии («Мать парламентов», – подметил пэр от лейбористской партии П.Хейн), которым так гордится Британия, навязывая парламентаризм по всему миру как наилучший принцип государственного управления. Историческое значение парламента – консолидация разрозненной Британской империи (включая США), сформулировал в конце XIX в. в своих целях известный британский деятель С.Родс [3, с. 63-64], чье тайное общество оказало значительное влияние на международную политику СК вплоть до 50-х гг. XX в. Однако в наше время, как писал В.Овчинников, английский парламент потерял свое влияние. Он несет скорее театральную функцию [4, с. 402]. При этом за депутатские места продолжает вестись ожесточенная борьба среди сотен зарегистрированных партий, шансы на которые, есть лишь у нескольких. В 2024 г. на очередных выборах большинство в Палате общин завоевывала Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ). Этот год ознаменовался еще тем, что из 650 мест 335 достались новичкам, то есть тем, кто ранее не избирался в парламент. Это наиболее сильное обновление с 1918 г.¹⁵ На вступительной речи премьер-министр К.Стармер гордился тем, что парламент стал более разнообразным, но на самом деле эти новые народные избранники остаются безмолвными и не вносят вклада в работу парламента, говорится в «Телеграф»¹⁶. Даже места, предназначенные для членов действующего правительства, заполняются только во время посещения Палаты общин премьер-министром на традиционной сессии вопросов-ответов по средам в 12 ч. Ли Андерсон из партии реформистов (Reform UK) также возмущается, что заполненным этот зал был, когда депутаты обсуждали повышение своей зарплаты, а отнюдь не когда обсуждалось вопиющие преступления банды насильников, которых покрывали госорганы.

14 This is the most important soft power mission of the century. Prince William is key. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2025/02/12/prince-william-donald-trump-special-relationship/>.

15 General election 2024: Results and analysis. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10009/CBP-10009.pdf>.

16 The new Labour MPs who have barely said a word in Parliament. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2025/02/01/labour-new-mps-contributions-house-commons-backbenchers/>.

Депутат от либерал-демократов Д.Купер говорит¹⁷, что анахроничные ритуалы и модели поведения, практикуемые в Вестминстере, оторваны от реальности. Следует «перетащить» парламент в XXI в. Для этого надо хотя бы сделать электронное голосование, увеличить количество мест – сейчас всего 427 мест на 650 депутатов, обеспечить доступ для людей с ограниченными возможностями. При этом не только содержание требует кардинальных изменений, но и сама форма. Известные газеты Британии не один год печатают истории о том, в каком плачевном состоянии находится одна из исторических достопримечательностей и символов Англии – Вестминстерский дворец, в котором располагается парламент. В здании, например, отсутствует эффективная противопожарная система, и депутаты гадают, когда начнется пожар из-за десятилетиями не меняющейся проводки. Комитет по ремонту и реставрации дворца был учрежден еще в 2013 г., но проволочки длятся уже десятилетие. Самый дешевый план реконструкции предполагает от 7 до 13 млрд ф.ст. и около 76 лет для его реализации¹⁸.

Журналисты Д.Фрост и Э.Джейя, которых цитирует Овчинников, безжалостно приводят приговор парламентской системе, говоря, что большинство речей там произносится с целью попасть в печать местных СМИ, чтобы избиратели округа данного депутата видели, что он не бездельничает, а не с целью содействовать политическим или другим изменениям в стране. Основная цель парламента – это барьер между Уайтхоллом, то есть британским правительством, и народом [4, с. 403]. Поэтому, когда, например, депутат Д.Купер говорит, что парламент существует для того, чтобы служить обществу, он служит, как и монархия, символом традиций и источником консервативной идеологии незыблемости Великобритании и ее имперского прошлого.

Поскольку ЛПВ возродила борьбу с наследственностью в Палате лордов, то некоторые его члены, как, например, лорд Уолдегрейв (W.Waldegrave), задаются вопросом, что должно быть вместо верхней палаты. Как один из вариантов в ответ на чрезмерную централизацию страны он предлагает создать форум для представителей регионов¹⁹.

Англиканская церковь

Роль монарха, одновременно являющегося главой церкви (имеет титул «Защитник веры и верховный управляющий Англиканской церковью») и главой

17 I'm a new MP and yes, parliament needs dragging into the 21st century. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/04/mp-parliament-21st-century-public>.

18 Act now or UK parliament could be next Notre Dame inferno, MPs and peers told. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/dec/31/uk-parliament-could-be-next-notre-dame-inferno-unless-restoration-is-expedited>.

19 William Waldegrave: "The hereditary House of Lords element must end". URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2025/02/william-waldegrave-interview-hereditary-house-of-lords-element-must-end>.

государства, – это как раз критикуемая позиция в контексте отмены этого института²⁰. Но имеет ли сегодня религиозная идентичность, связанная с традиционной национальной церковью Англии, самостоятельную созидательную основу для преодоления кризисов в британском сообществе?

В начале XXI в., несмотря на снижение религиозности, о секуляризации СК говорить было преждевременно. На этот момент христианами себя считали около 72% опрошенных [5, с. 442], но уже перепись населения 2021 г. впервые показала, что менее половины населения Англии и Уэльса назвали себя христианами [8]. В 2022 г. также сообщалось о значительном снижении числа детей, посещающих церковь. Это важный показатель, поскольку возраст до пяти лет является ключевым для развития веры [10]. Этот упадок объясняется «изменением природы сообщества». Для изменения ситуации предлагаются инновации и финансирование различных миссионерских проектов. Под «инновациями» понимается развитие потенциала взаимодействия различных форм церкви со своим контекстом, связанным с вызовами современной культуры, но при этом не противоречащим авторитетной традиции Англиканской церкви. Как пишет современный теолог С.Паас, «нужны инкубаторы творчества, жертвенности и вдохновения на организационных полях церковной жизни» [8]. В оппозицию этого утверждения можно поставить слова историка английской церкви Ч.Эрландсона о том, что, когда религиозные организации пересматривают основные учения, они ставят под угрозу жизнеспособность всей организации [9]. Если в этом диспуте отойти от общего понятия «изменение природы сообщества», то, по утверждению Эрландсона, англиканство в двадцать первом веке переживает кризис идентичности, вызванный многими взаимодействующими факторами. В первую очередь он связан с тем, что мы стали жить в эпоху искусственного конструирования идентичности, вызванного процессами глобализации. Здесь же он иронизирует, что отказ от определения англиканства стал англиканским времяпрепровождением в последние десятилетия [9].

Помимо вопросов экклезиологии и идентичности, Англиканская церковь переживает проблемы сугубо посястороннего свойства. Масло в огонь подлил и сам «Защитник веры и верховный управляющий Англиканской церковью» король Карл III, выступивший в своей рождественской речи в конце 2024 г. за межконфессиональный диалог, который, по заявлению архиепископа Кентерберийского в Палате лордов, почти рухнул после нападения ХАМАС 7 октября 2023 г.²¹

Размышления по поводу англиканской идентичности наводят на мысль, что она во многом совпадает с британской идентичностью, т.к. пережила схожие исторические процессы, воплотила в себя различные религиозные и культурные начала, а также тесно и неразрывно связана с государством. Конструируемая

²⁰ British Monarchy. Do the public support the monarchy? URL: <https://www.politics.co.uk/reference/monarchy/>.

²¹ Archbishop of York acknowledges scale of task to restore trust in the Church, post Makin. URL: <https://www.churchtimes.co.uk/articles/2025/10-january/news/uk/archbishop-of-york-acknowledges-scale-of-task-to-restore-trust-in-the-church-post-makin>.

англиканская идентичность, с одной стороны, актуальна сегодняшним реалиям, в том числе и благодаря «инновациям», а с другой стороны, это ее слабая сторона, поскольку из-за этого у нее нет естественного крепкого фундамента, потому что за всеми рассуждениями не просматривается главного: а если в этой церкви место Богу и вере? Следовательно, английской церкви сложно стать всеобщей точкой опоры в преодолении аномии в активно меняющемся историческом контексте.

Образование

Образование в СК имеет несколько измерений: система общего и частного образования²². Отдельно высшее образование как символ Британии («Оксбридж» – Оксфорд и Кембридж) и оружие ее «мягкой силы» в деле «образования» соответствующего мировоззрения у иностранных абитуриентов. В 2022–2023 гг. 25% всех студентов высших учебных заведений были из-за рубежа²³. В отношении «Оксбриджа» следует заметить, что Британия зациклена на этих двух местах обучения. Это гораздо больше, чем пара университетов – это пропасть, разделяющая карьерный провал и успех. Поэтому «Отказ Оксбриджа» воспринимается как трагедия, и люди, попадающие в данный «клуб», предпочитают не распространяться об этом, как пишет одна из «жертв отказа»^{24,25}.

На уровне общего образования проблемы связаны с требованиями большего количества квалифицированных учителей и вспомогательного персонала²⁶, капитального ремонта, оборудования и финансирования, нехватка которого наблюдается с 2010 г. Система частных школ в СК продолжает оставаться чувствительной темой – 63% опрошенных считают несправедливым, что дети богатых родителей получают лучшее образование, а значит, и лучшие жизненные шансы. В стране также обсуждается введение НДС на оплату за обучение и лишение налоговых льгот частных школ со статусом благотворительных, который не пересматривался с 2011 г. В новых условиях благотворительный статус должен быть подтвержден на основании той пользы, что приносят эти школы²⁷.

В высшей школе проблемы иного масштаба – там обсуждается отсутствие свободы слова и финансирования. Около 40% университетов Англии столкнулись с дефицитом бюджета и риском закрытия из-за падения спроса на их услуги внутри

²² Частное образование имеют 39% членов кабинета министров, 34% руководителей компаний, включенных в индекс FTSE, и 44% обозревателей СМИ [7].

²³ Education and training statistics for the UK. URL: <https://explore-education-statistics.service.gov.uk/find-statistics/education-and-training-statistics-for-the-uk>.

²⁴ The curse of the Oxbridge reject. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/education/2025/01/the-curse-of-the-oxbridge-reject>.

²⁵ В 2023 г. Кембридж принял 4553 из 21445 желающих, Оксфорд – 3721 из 23211. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/education/2025/01/the-curse-of-the-oxbridge-reject>.

²⁶ Общее количество учителей составило 566 916 учителей в 2023 / 2024 учебном году, что на 455 (0,08%) меньше, чем в 2022 / 2023 учебном году. Количество школ уменьшилось на 37 (Education and training statistics for the UK).

²⁷ Class war: the battle over private schools. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/education/2025/01/class-war-private-schools>.

страны, поэтому основная ставка делается на иностранных студентов, пишет «Гардиан»²⁸.

Вопрос о свободе слова в академической, университетской среде достиг своего апогея и вошел в предвыборный манифест консерваторов 2019 г. Во многом эта дискуссия возникла вокруг вопросов антисемитизма и отрицания холокоста, поскольку в британских университетах большое число выходцев (и спонсоров) из мусульманских стран и в то же время сильно произраильское лобби. Особенно остро вопрос встал после необоснованно жестоких ответных действий Израиля против мирного населения в Секторе Газа. Соответствующий программный документ был опубликован 16 февраля 2021 г; он содержал предложения по «укреплению свободы слова и академической свободе»²⁹ в университетах. Сам закон, призванный защитить репутацию университетов как центров академической свободы и самовыражения, был предложен в 2023 г., вступил в силу 11 мая 2023 г.³⁰ Но правительство лейбористов, пришедшее к власти в начале июля 2024 г., приостановило его действие, посчитав излишне жестким и неопределенным³¹. Его еще называют законом о культурных войнах. Этот закон грозил финансовой стабильности (или даже отъему лицензии) многим университетам из-за возможных штрафов и судебных разбирательств, которые и так столкнулись с дефицитом бюджета, как мы написали выше. Спустя немного времени лейбористы собираются возобновить действие закона, но с существенными оговорками и отменой обременительных положений. Одним из таких положений будет внедрение схемы регистрации иностранного влияния с целью обеспечения прозрачности иностранного финансирования и сдерживания вредоносной тайной деятельности со стороны иностранных государств³². Поскольку финансирование университетов, как выразился заместитель премьер-министра при консерваторах О.Додден³³, очень часто имеет непрозрачную и внешнюю составляющую, то британцы обеспокоены, что критические исследования и технологии могут попасть в третьи руки, соответственно, к тем, кто финансирует эти престижные университеты и исследования.

Вероятнее всего, цензура относительно ключевых вопросов, касающихся расовой, климатической или повестки в отношении РФ, вряд ли будет пересмотрена. Следует также отметить цензурирование и травлю отдельных лиц академического сообщества, имеющих независимое мышление по различным чувствительным

28 Labour halts Tory law on freedom of speech in English universities. URL: <https://www.theguardian.com/education/article/2024/jul/26/labour-halts-tory-law-freedom-of-speech-universities-education>.

29 Free speech in universities: What are the issues? URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/free-speech-in-universities-what-are-the-issues/>.

30 Higher Education (Freedom of Speech) Act 2023. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/16/enacted>.

31 Labour halts Tory law on freedom of speech in English universities. URL: <https://www.theguardian.com/education/article/2024/jul/26/labour-halts-tory-law-freedom-of-speech-universities-education>.

32 Government reaffirms commitment to Free Speech in universities. URL: <https://www.gov.uk/government/news/government-reaffirms-commitment-to-free-speech-in-universities>.

33 Britain's economic security. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TsAZN7UfKCY>.

вопросам, например, по «химическим атакам» в Сирии³⁴ (Дума), COVID-19, климату, израильским атакам Палестины и др.

Музеи

Уникальные музеи Великобритании по праву считаются гордостью страны и символом ее исторического величия. Но если задуматься о содержании их экспозиций, то, как пишут российские историки, «колониальное наследие британской империи позволило накопить сокровища почти всех цивилизаций со всех уголков Земли» [5, с. 259]. Согласно данным Британского музея, озвученным «Евроньюс»³⁵, в каталоге находится около 2 млн записей (это менее половины коллекции), их большая часть (650 000) родом из СК, однако сотни и десятки тысяч артефактов имеют другое место происхождения, например, имеется 9 175 предметов из РФ. Фактически позиционирование этих сокровищ в музеях страны узаконило результаты пиратства и расхищения колоний Британской империи. Здесь свою роль сыграло чувство национального (расового) превосходства вкупе с безнаказанностью и «манией накопительства»³⁶, позволившее беззащитно выставлять эти сокровища на всеобщее обозрение, даже перед бывшими владельцами. Однако в последнее время самосознание некоторых народов стало «оживать», что выразилось в требованиях к британским музеям вернуть некоторые артефакты и ценности на родину. Британский музей подтвердил, что вел непубличные переговоры с греческим правительством о возвращении части коллекции мраморов Парфенона³⁷.

Также британские музеи ведут переговоры о возвращении награбленных сокровищ, полученных в результате колониальных войн конца XIX в., африканскому королю племени Ашанти (Гана)³⁸. Более того, издание «Телеграф» пишет³⁹, что возвращение похищенных Британией ценностей Гане может стать прецедентом для возвращения других сокровищ в другие страны.

Вызывает также озабоченность ненадежность хранения многих артефактов. Британский музей – эталон безопасности – не досчитался около 2 000 редких

34 Democracy Lost: Propaganda, Character Assassination and the Campaign Against Professor David Miller. URL: <https://www.ukcolumn.org/article/democracy-lost-propaganda-character-assassination-and-the-campaign-against-professor-david>.

35 How many artefacts in the British Museum are actually British? URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2024/12/16/how-many-artefacts-in-british-museum-are-actually-british>.

36 'The ghosts are everywhere': can the British Museum survive its omni-crisis? URL: <https://www.theguardian.com/culture/2025/jan/16/the-ghosts-are-everywhere-can-the-british-museum-survive-its-omni-crisis>.

37 British Museum in talks with Greece over return of Parthenon marbles. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2023/jan/04/british-museum-in-talks-with-greece-over-return-of-parthenon-marbles>.

38 More British museums in talks to return looted treasures to African king. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/05/10/british-museums-talks-return-looted-artefacts-ghana-king/>.

39 The most contested treasures in British museums (and who wants them back). URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/01/25/british-museums-ghana-valuable-treasures-rosetta-stone-moai/>.

экспонатов во время одной из проверок⁴⁰, что тоже служит веской причиной для возвращения ценностей странам-владельцам. Сегодня главный музей СК находится в кризисе, в т.ч. и экономическом, как и сама страна, ищущая свое место в постколониальном мире, отмечает «Гардиан»⁴¹.

Выводы

Таким образом, символический капитал Великобритании, который мы рассматриваем через призму привычных для обывателя институциональных образов, доставшихся ей в наследство от богатого прошлого, продолжает выполнять / имитировать свои основные функции: фундирование национального сознания в британскую идентичность и транслирование его за пределы национальной британской семиосферы, т.е. сферы определенных смыслов, в виде привлекательного и желанного мифа. Разумеется, что если «копнуть глубже», то любой миф можно подвергнуть деконструкции. Однако сам принцип исторического процесса показывает, что ему глубоко чужды те смыслы, которые мы вкладываем в те или иные понятия или сущности на ранних этапах их формирования и развития. Поэтому то, что было незыблемым благом для монархических институтов Великобритании в эпоху Тюдоров, Стюартов, Виктории и т.д., современникам, перешагнувшим через «третью волну» Тоффлера, кажется, мягко говоря, спорным. Если престиж британского образования в мире с научной точки зрения спорен, но по-прежнему высок, то вопросы к церкви, парламенту и монархии возникают и в самой Великобритании.

Король Соединенного Королевства не олицетворяет характер британского народа, как прежде. Парламент – политический театр, не имеющий рычагов управления. Англиканская церковь запуталась в собственной идентичности. Британский музей не хранит свои (и чужие) экспонаты. Проблема усугубляется тем, что, как и в случае с Вестминстерским дворцом, элиты страны не решаются начать дорогую, долгую и комплексную реставрацию, предпочитая отвлекать внимание косметическими мерами политической игры бипартийного круговорота. Как выразился известный и популярный в конце 90-х английский историк Д.Старки, «я был свидетелем распада всего, что я любил в Британии»⁴².

⁴⁰ 'Nobody was expecting it': British Museum warned reputation seriously damaged and treasures will take decades to recover. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2023/aug/26/british-museum-reputation-damaged-treasures-loss>.

⁴¹ 'The ghosts are everywhere': can the British Museum survive its omni-crisis? URL: <https://www.theguardian.com/culture/2025/jan/16/the-ghosts-are-everywhere-can-the-british-museum-survive-its-omni-crisis>.

⁴² David Starkey: 'I've witnessed the disintegration of everything that I loved in Britain'. URL:

Список источников

1. Ананьева Е.В. Британия: новые премьеры, новый монарх через призму политической культуры [The UK: New Prime Ministers, a New Monarch Through the Prism of Political Culture] // Современная Европа. 2022. № 6.
2. Бурдые П. Социология социального пространства [Sociology of social space]. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Квигли К. Англо-американский истеблишмент [The Anglo-American Establishment]. М.: Наше Завтра, 2021.
4. Овчинников В.В. Сакура и Дуб: Ветка сакуры; Корни дуба [Sakura and Oak: Sakura branch; Oak roots]. М.: Дрофа, 2005.
5. Остапенко Г.С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие [The Modern History of Great Britain: XX – the beginning of the XXI century: a textbook]. М.: Инфра-М, 2023.
6. Остапенко Г.С., Архипова Л.В. Британская монархия: из прошлого в будущее? [British Monarchy: from the Past to the Future?] // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 3. С. 86–99. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320248699>.
7. Beer S., Diamond P. Power and Prosperity. How A Radical Labour Government Can Transform Britain // The Fabian Society, 2024.
8. Cockayne J. «Are You Really Anglicans?» Reflections on Church Planting, Innovation and Ecclesiastical Authority in the Church of England // Journal of Anglican Studies. Published online, 2024. P. 1–22. <https://doi.org/10.1017/S1740355324000329>.
9. Erlandson C. The Issue of Anglican Identity. Cranmer // Theological Journal, 2024. Vol 1. No. 1. P. 3–17. <https://doi.org/10.62221/ctj.2024.102>.
10. Holmes S.E, Olorenshaw E., Casson A. Is there a place for young children in the modern-day UK church? Investigating approaches to faith nurture in the early years // British Journal of Religious Education, 2024. P. 1–15. <https://doi.org/10.1080/01416200.2024.2373756>.

Информация об авторе

МАКАРОВ Евгений Борисович. Помощник Президента Российской ассоциации прибалтийских исследований. <https://orcid.org/0000-0002-1993-5055>. Адрес: Российская Федерация, 197022, г. Санкт-Петербург, пр. Медиков, д. 3, лит. А. makarov33@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 марта 2025 г. Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ananyeva E.V. Britain: New Premieres, a New Monarch through the Prism of Political culture. Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2022; 6 [In Russian].

2. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii [Institute of Experimental Sociology]; St. Petersburg: Aletejya [Aleteya], 2007 [In Russian].
3. Quigley C. The Anglo-American Establishment. Moscow: Nashe Zavtra [Our Tomorrow], 2021 [In Russian].
4. Ovchinnikov V.V. Sakura and Oak: Sakura branch; Oak roots. Moscow: Drofa, 2005 [In Russian].
5. Ostapenko G.S. The Modern History of Great Britain: XX – the beginning of the XXI century: a textbook. Moscow: Infra-M, 2023 [In Russian].
6. Ostapenko G.S., Arkhipova L.V. The British Monarchy: from the Past to the Future? Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS]. 2024; 3:86–99 [In Russian]. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320248699>.
7. Beer S., Diamond P. Power and Prosperity. How A Radical Labour Government Can Transform Britain. The Fabian Society, 2024 [In English].
8. Cockayne J. «Are You Really Anglicans?» Reflections on Church Planting, Innovation and Ecclesiastical Authority in the Church of England. Journal of Anglican Studies. Published online. 2024:1–22 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1740355324000329>.
9. Erlandson C. The Issue of Anglican Identity. Cranmer. Theological Journal. 2024; 1(1):3–17 [In English]. <https://doi.org/10.62221/ctj.2024.102>.
10. Holmes S.E., Olorenshaw E., Casson A. Is there a place for young children in the modern-day UK church? Investigating approaches to faith nurture in the early years. British Journal of Religious Education. 2024:1–15 [In English]. <https://doi.org/10.1080/01416200.2024.2373756>.

About the Author

Evgeniy B. MAKAROV. Assistant of the President of the Russian Association of Baltic Studies. <https://orcid.org/0000-0002-1993-5055>. Address: 3, lit. A, Medikov ave., St. Petersburg, 197022, Russian Federation. makarov33@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 15, 2025. Approved after review: May 16, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 311.311:004.8

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-171-187](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-171-187)

Оценка достижений государств в сфере искусственного интеллекта в разрезе международных рейтингов

Сергей Евгеньевич Жуликов^{1a}, Ольга Валентиновна Жуликова^{2b}

^{1,2}Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина, Тамбов, Россия

^assergiuss@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>

^boltamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>

Аннотация. Статья посвящена анализу развития искусственного интеллекта (ИИ) в России, странах Евразийского экономического союза и мире, с акцентом на международное сотрудничество и рейтинги ведущих государств в этой области. Подчеркивается роль ИИ как ключевого фактора экономического роста и инновационного развития, а также важность формирования международных платформ и стратегий, включая инициативы БРИКС, ШОС, ОДКБ, СНГ и Союзного государства России и Беларуси, направленных на координацию усилий и регулирование рисков ИИ. В методологической части описывается комплексный подход к оценке потенциала ИИ, включающий анализ государственных программ, инвестиций, научных публикаций и кадрового потенциала. Основное внимание уделяется международным рейтингам, таким как Global AI Index, Stanford AI Index Report 2024 и PwC's Global Artificial Intelligence Study, которые оценивают страны по множеству параметров – от инфраструктуры и исследований до коммерческих стратегий и нормативной базы. Результаты анализа рассмотренных рейтингов показывают, что США и Китай сохраняют существенное лидерство, значительно опережая другие страны, а Россия, демонстрируя

сильные позиции в развитии, государственном финансировании и правовой поддержке, отстает по кадровому потенциалу и инфраструктуре. Анализ рейтингов позволяет выявить ключевые тенденции и вызовы в развитии ИИ, а также подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования цифровой инфраструктуры и международного сотрудничества для устойчивого социально-экономического прогресса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное сотрудничество, рейтинги ИИ, государственные стратегии, кадровый потенциал, цифровая инфраструктура, инновации, глобальная конкурентоспособность

Для цитирования: Жуликов С.Е., Жуликова О.В. Оценка достижений государств в сфере искусственного интеллекта в разрезе международных рейтингов // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 171-187, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-171-187](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-171-187)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-171-187](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-171-187)

Assessment of the Achievements of States in the Field of Artificial Intelligence in the Context of International Ratings

Sergey E. Zhulikov^{1a}✉, Olga V. Zhulikova^{2b}✉^{1,2} Tambov State University named after G.R.Derzhavin, Tambov, Russia^a ssergiuss@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>^b oltamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>

Abstract. The article analyzes the development of artificial intelligence (AI) in Russia, the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), and the world. International cooperation and leading countries ratings are emphasized, as well as AI's role as a key driver for economic growth and innovation. International platforms and strategies such as those promoted by BRICS, SCO, CSTO, CIS and the Union of Russia and Belarus are also highlighted. A comprehensive approach to evaluating AI potential is described, including an analysis of government programs, investments, scientific publications and human resources. The focus is on international ratings such as the Global AI Index, the Stanford AI Index Report for 2024, and PwC's Global Artificial Intelligence Study. These ratings evaluate countries based on various factors including infrastructure, research, commercial strategies, and regulatory frameworks. According to the results of the analysis, the United States and China continue to lead significantly, outpacing other countries. Russia, on the other hand, demonstrates strong positions in terms of development, government funding and legal support, but falls behind in human resources and infrastructure. This analysis allows us to identify trends and challenges in AI development as well as to highlight the need for improved digital infrastructure and increased international cooperation in order to achieve sustainable socio-economic growth.

Keywords: artificial intelligence, international cooperation, AI ratings, government strategies, human resources, digital infrastructure, innovation, global competitiveness

For citation: Zhulikov S.E., Zhulikova O.V. Assessment of the Achievements of States in the Field of Artificial Intelligence in the Context of International Ratings. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 171-187. doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-171-187

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой мощный катализатор для экономического развития Российской Федерации и стран Евразийского экономического союза. Внедрение ИИ способствует повышению эффективности производственных процессов, оптимизации затрат и стимулированию инновационных экосистем. Динамика роста сектора ИИ в этих государствах демонстрирует значительный потенциал для позитивного воздействия на экономические показатели, несмотря на существующие вызовы и ограничения. В условиях глобальной конкуренции дальнейшее развитие ИИ становится критически важным фактором, обеспечивающим укрепление позиций стран в мировой экономике и устойчивое экономическое развитие.

В рамках развития международного сотрудничества в области ИИ особый акцент делается на продвижении на международной арене ценностей и принципов, обеспечивающих равные права и возможности наций в области разработки и использования технологий искусственного интеллекта с формированием «единого пространства» доверенных технологий ИИ при лидирующей роли Российской Федерации в международном и региональном сотрудничестве¹.

В 2023 г. в рамках XV саммита БРИКС государства-члены договорились начать работу по исследованию ИИ². Был учрежден Комитет, в чьи функции вошли вопросы рассмотрения и анализа достижений в области ИИ в целях стимулирования разработки инноваций во всех странах-участницах альянса без исключения.

В 2024 г. Совет глав государств – членов ШОС также договорился о совместной работе по предотвращению рисков использования и применения ИИ и постоянному повышению безопасности, надежности и справедливости использования таких технологий³.

По линии ОДКБ в 2024 г. Совет Парламентской Ассамблеи ОДКБ принял совместное Заявление в связи с развитием технологий искусственного интеллекта,

1 О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50326/page/1>.

2 Си Цзиньпин призвал БРИКС сформировать общую структуру управления ИИ // РФИ Минприроды России. URL: https://rfi.mnr.gov.ru/news/smi-about-digital/?ELEMENT_ID=453.

3 Международный и «евразийский» опыт регулирования сферы ИИ в условиях обострения геополитического противоборства // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48614>.

в котором говорится об усилении влияния ИИ на международную политику⁴. По мнению Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ, рассмотрение вопросов международного регулирования разработки и применения ИИ в гражданской сфере должно осуществляться под эгидой ООН в межгосударственном формате, основываясь на надлежащем учете интересов всех стран мира.

В свою очередь, в рамках Союзного государства России и Беларуси в 2023 г. Совету министров Союзного государства было рекомендовано рассмотреть возможность разработки во взаимодействии с Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь стратегии развития искусственного интеллекта в Союзном государстве, предусмотрев в ней закрепление способов решения актуальных проблем этики использования и функционирования искусственного интеллекта⁵.

По линии СНГ в октябре 2024 г. главы государств стран СНГ приняли совместное Заявление о развитии сотрудничества в области искусственного интеллекта гражданского назначения (далее – Заявление СНГ). В документе отмечается нарастающее внедрение технологий ИИ в основные сферы жизни общества и государства, подчеркивается важность государственного контроля над внедрением технологий ИИ в различные сферы жизни общества и государства. В Заявлении СНГ также отмечается необходимость дальнейшего совершенствования цифровой инфраструктуры, в том числе для достижения Целей устойчивого развития ООН⁶.

«Стремительное развитие искусственного интеллекта приводит к большому количеству обсуждений о влиянии ИИ на различные сферы жизни. В рамках СНГ развитие ИИ обсуждается на различных уровнях – Совет глав государств, Совет министров иностранных дел и в повседневной работе органов СНГ. В частности, Советом глав государств 8 октября 2024 г. принято заявление о развитии сотрудничества в области искусственного интеллекта гражданского назначения»⁷, – отметил генеральный секретарь СНГ Сергей Лебедев.

Материалы и методы

Исследователи анализируют наличие и содержание программ и инициатив, направленных на развитие ИИ в разных странах, включая правительственные

4 Заявление Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта (03.06.2024) // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/soveta-odkb-prinyal-zayavlenie-v-svyazi-s-razvitiem-tekhnologiy-iskusstvennogo-intellekta/#loaded.

5 Итоговый документ 10-го форума регионов России и Беларуси. URL: <http://council.gov.ru/media/files/XXYLsupLBCmlH4FySzw5I8CwBfr4Xjgx.pdf>.

6 Международный и «евразийский» опыт регулирования сферы ИИ в условиях обострения геополитического противоборства // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48614>.

7 Лебедев: страны СНГ выступают за госконтроль над системами ИИ // БЕЛТА. 10.04.2025. URL: <https://belta.by/society/view/lebedev-strany-sng-vystupajut-za-goskontrol-nad-sistemami-ii-708181-2025/>.

стратегии, программы поддержки исследований и разработок, а также объем инвестиций в разработку технологий ИИ как с позиции государственных грантов, так и размеров финансирования со стороны частных коммерческих компаний. Исследователи изучают, какие технологии ИИ используются в различных отраслях, какие результаты были достигнуты и какие перспективы открываются перед ними (анализ применения ИИ в медицине, образовании, транспорте и других сферах) [1–6].

Особый интерес представляет сравнение развития ИИ в разных странах по различным критериям, таким как количество публикаций, объем инвестиций, уровень технологий и подготовка специалистов, что позволяет выявить различия и тенденции в развитии ИИ.

При оценке потенциала искусственного интеллекта в различных странах необходимо учитывать комплекс взаимосвязанных факторов, включающих интенсивность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в сфере ИИ, динамику стартап-экосистемы, численность и квалификацию специалистов в этой области, а также уровень интеграции ИИ-технологий в ключевые сектора экономики. Систематический анализ этих индикаторов позволяет разработать комплексную систему рейтингования стран, что, в свою очередь, способствует выявлению лидеров в области ИИ.

Рейтинги стран по уровню развития ИИ не только являются индикаторами технологического прогресса и интеллектуального потенциала государства, но и оказывают существенное влияние на его экономические показатели и глобальную конкурентоспособность. Страны, занимающие высокие позиции в ИИ-рейтингах, обладают более благоприятными условиями для привлечения инвестиций, стимулирования инновационных процессов и создания новых рабочих мест в динамично развивающейся сфере. Кроме того, такие государства демонстрируют более высокий уровень готовности к использованию возможностей ИИ для достижения целей социально-экономического развития.

В статье представлена аналитика по нескольким рейтингам:

- The Global AI Index (Глобальный индекс ИИ)⁸;
- Artificial Intelligence Index Report 2024, Stanford (Отчет об Индексе ИИ 2024, Стэнфорд)⁹;

● PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution (Глобальное исследование искусственного интеллекта PwC: использование революции искусственного интеллекта)¹⁰;

8 The Global AI Index. URL: <https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai>.

9 2024 Отчет об Индексе ИИ /Artificial Intelligence Index Report 2024, Stanford // Мировые рейтинги, индексы ИИ. Искусственный интеллект Российской Федерации. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_otchet_ob_indekse_ii_artificial_intelligence_index_report_2024_stanford/.

10 PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution // PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/artificial-intelligence/publications/artificial-intelligence-study.html>.

● Government AI Readiness Index 2024 (Индекс готовности правительства к внедрению искусственного интеллекта 2024)¹¹.

Результаты исследования

The Global AI Index (Глобальный индекс ИИ)

Согласно Глобальному индексу ИИ, страны ранжируются по их возможностям в сфере ИИ на международном уровне. В сентябре 2024 г. была опубликована пятая итерация Глобального индекса ИИ. Глобальный индекс ИИ рассчитывается по 122 показателям, собранным из 24 различных государственных и частных источников данных и 83 правительств. Они разделены на три группы и семь подгрупп:

● группа «Implementation» («Выполнение») включает оценку талантов (анализ фокусируется на наличии квалифицированных специалистов в области решений искусственного интеллекта); инфраструктуры (оценивает надежность и масштаб инфраструктуры доступа – от электричества и Интернета до возможностей суперкомпьютеров); операционной среды (анализируется нормативный контекст и общественное мнение об искусственном интеллекте);

● в группе «Innovation» («Инновации») страны оцениваются по двум позициям: исследования (рассматривают масштабы специализированных исследований и исследователей, включая количество публикаций и цитирований в авторитетных академических журналах) и развитие (анализ фокусируется на разработке фундаментальных платформ и алгоритмов, на которых основаны инновационные проекты искусственного интеллекта);

● в группе «Investment» («Инвестиции») анализируются правительственные стратегии (оценивается ориентированность программных документов национальных правительств на искусственный интеллект; исследуется государственное финансирование данной сферы) и коммерческие стратегии стран (фокус исследования нацелен на оценку активности стартапов, инвестиций и бизнес-инициатив, основанных на искусственном интеллекте).

Показатели каждой подгруппы тщательно апробированы и достаточно глубоки. Например, для оценки исследований используются следующие показатели¹²:

- количество университетов, входящих в Топ-100 рейтинга Times Higher Education Computer Science;
- сумма государственных расходов, пропорциональная общему ВВП в данной стране, ежегодно расходуемая на исследования и разработки;
- количество ИИ-статей и докладов;

¹¹ Government AI Readiness Index 2024 // Oxford Insights. URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/>.

¹² Страновые рейтинги ИИ-зрелости // EDVEREST. URL: <https://edverest.ru/unit/stranovye-rejtingi-ii-zrelosti/>.

● количество научных статей и работ, связанных с ИИ, на миллион человек населения;

● количество цитирований научных статей и работ, связанных с ИИ, в расчете на миллион человек населения;

● количество цитирований научных статей и работ, связанных с ИИ, на миллион человек населения;

● общее количество статей, принятых в Top IEEE Publications, относящихся к ИИ;

● количество университетов в стране, входящих в Топ-100 списка Times Higher Education Physical Sciences.

Рисунок 1. Лидеры рейтинга Global AI Index 2024 г.

Figure 1. Leaders of the Global AI Index 2024

		1	2	3	4	5	6	7	8
	США	1	1	1	2	1	1	2	1
	Китай	2	9	2	21	2	2	5	2
	Сингапур	3	6	3	48	3	5	10	4
	Великобритания	4	4	17	4	4	16	7	5
	Франция	5	10	14	19	6	4	9	8
	Южная Корея	6	13	6	35	13	3	4	12
	Германия	7	3	13	8	8	11	8	9
	Канада	8	8	18	16	9	10	3	6
	Израиль	9	7	26	65	7	6	32	3
	Индия	10	2	68	3	14	13	11	13

Обозначения: 1 – итоговое место в рейтинге; 2 – место в рейтинге по оценке талантов (кадров); 3 – по инфраструктуре; 4 – по операционной среде; 5 – по исследованиям; 6 – по развитию; 7 – по правительственным стратегиям; 8 – по коммерческим стратегиям

Designations: 1 – overall rating; 2 – place in the talent assessment rating; 3 – infrastructure rating; 4 – operating environment rating; 5 – research rating; 6 – development rating; 7 – government strategies rating; 8 – commercial strategies rating

Источник: Глобальный индекс ИИ 2024 г.¹³

Source: Global AI Index 2024¹³

Основные выводы рейтинга Global AI Index 2024 г.: США лидируют в рейтинге, увеличивая отрыв от Китая, который сохраняет второе место. Лидеры опережают все остальные страны в индексе со значительным отрывом. Сингапур сохраняет третье место, подтверждая свою позицию самого динамичного центра ИИ в Азии после Китая. Великобритания едва удерживает четвертое место. Франция поднялась на 5-е место, впервые войдя в пятерку лучших стран ИИ. Южная Корея по-прежнему занимает шестое место в рейтинге. Другие страны в первой десятке: Израиль, третье по популярности направление для частного финансирования ИИ, и Канада, которая имеет третью наиболее всеобъемлющую государственную стратегию для ИИ. Индия впервые вошла в первую десятку индекса, имея особенно сильную и разнообразную рабочую силу в области ИИ, обусловленную демографией и академическим превосходством.

Рисунок 2. Страны постсоветского пространства в рейтинге Global AI Index 2024 г.

Figure 2. Post-Soviet countries in the Global AI Index 2024

	1	2	3	4	5	6	7	8
 Россия	31	58	44	30	37	20	21	40
 Эстония	32	33	49	42	34	52	44	16
 Армения	65	35	66	60	72	47	82	36
 Латвия	70	55	50	55	54	59	74	71
 Азербайджан	78	68	65	51	78	80	72	81

Обозначения: 1 – итоговое место в рейтинге; 2 – место в рейтинге по оценке талантов (кадров); 3 – по инфраструктуре; 4 – по операционной среде; 5 – по исследованиям; 6 – по развитию; 7 – по правительственным стратегиям; 8 – по коммерческим стратегиям

Designations: 1 – overall rating; 2 – place in the talent assessment rating; 3 – infrastructure rating; 4 – operating environment rating; 5 – research rating; 6 – development rating; 7 – government strategies rating; 8 – commercial strategies rating

Источник: Глобальный индекс ИИ 2024 г.¹⁴

Source: Global AI Index 2024¹⁴

Россия в рейтинге Global AI Index 2024 г. занимает 31-е место, демонстрируя 58-е место в категории «Кадры / таланты», в связи с тем, что в России ограничен доступ к сети LinkedIn¹⁵, показатели которой используются для оценки кадрового потенциала по всем странам. Наилучшие показатели РФ в оценке развития (20-е

место) и правительственных стратегий (21-е место). Эстония значительно опережает Россию, несмотря на то, что в общем рейтинге занимает 32-е место, в категории «Кадры / таланты» (по причинам, описанным выше) и в оценке коммерческих стратегий (у Эстонии 16-е место). Армения в рейтинге Global AI Index 2024 г. получила 65-е место, имея низкие показатели в позициях «Инфраструктура» (66-е место), «Исследования» (72-е место), «Правительственные стратегии» (82-е место), опережая Россию в категориях «Кадры / таланты» и «Коммерческие стратегии». Латвия в рейтинге занимает 70-е место, демонстрируя низкие показатели в оценке правительственных и коммерческих стратегий. Азербайджан в рейтинге Global AI Index 2024 г. получил 78-е место из 83 участников, обогнав только Марокко, Алжир, Кению, Шри-Ланку, Эфиопию.

Artificial Intelligence Index Report 2024, Stanford (Отчет об Индексе ИИ 2024, Стэнфорд)

Расчет индекса (AI Index) – это независимое исследование, проводимое Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI). В ежегодном отчете собираются, обобщаются и визуализируются данные, касающиеся искусственного интеллекта в наиболее развитых странах мира. Основные параметры, на которых базируется индекс, разделены на две категории: категории, связанные с исследованиями и разработкой, и категории, связанные с экономическими показателями. В 2024 г. отчет представлен девятью разделами¹⁶:

1. Исследования и разработки – изучение тенденций в публикациях и патентах на искусственный интеллект, анализ посещаемости конференций по искусственному интеллекту и информации с открытым исходным кодом, оценка количества проектов программного обеспечения для искусственного интеллекта.

2. Технические характеристики – представлен всесторонний обзор достижений ИИ в 2023 г., включая обработку языка, кодирование, компьютерное зрение (анализ изображений и видео), логические рассуждения, обработку звука, автономных агентов, робототехнику, а также изучение влияния систем искусственного интеллекта на окружающую среду.

3. Ответственность в разработке и внедрении систем искусственного интеллекта – искусственный интеллект все активнее внедряется практически во все сферы нашей жизни, где важные решения часто принимаются на основе алгоритмической информации. Эта тенденция обещает принести много преимуществ, однако она также сопряжена с потенциальными рисками. Большое внимание экспертами уделяется ответственной разработке и внедрению систем искусственного интеллекта. Сообщество специалистов в области искусственного интеллекта стало больше обращать внимание на оценку воздействия систем искусственного интеллекта и снижение рисков для тех, кого это затрагивает.

14 The Global AI Index. URL: <https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai>.

15 *Социальная сеть LinkedIn заблокирована в России с 2016 г., 18+.

16 The 2024 AI Index Report. URL: https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai-index-report-2024-smaller2.pdf.

4. Экономика – рассматриваются экономические тенденции, связанные с ИИ, представлен анализ профессий, связанных с искусственным интеллектом, охватывая спрос на рабочую силу, тенденции найма, распространение навыков и наличие талантов, оцениваются корпоративные инвестиции в искусственный интеллект, дается оценка текущего и прогнозируемого экономического воздействия ИИ и внедрения роботов в различных секторах.

5. Наука и медицина – рассматриваются выдающиеся научные достижения 2023 г., основанные на ИИ, в том числе важные медицинские инновации, связанные с искусственным интеллектом.

6. Образование – рассматриваются тенденции в образовании по ИИ и информатике, особое внимание уделяется тому, кто и где учится и как эти тенденции развивались с течением времени; анализируется использование новых инструментов ИИ, в этом году появился новый раздел с данными Studyportals о глобальном количестве программ, связанных с искусственным интеллектом.

7. Политика и управление – анализируются законодательные инициативы в области ИИ, изучаются упоминания в законодательстве об ИИ и исследуется, как законодатели по всему миру воспринимают и обсуждают ИИ, рассматриваются национальные стратегии в области искусственного интеллекта.

8. Разнообразие в ИИ – значительное число известных компаний, занимающихся ИИ, и наборы данных, используемые для обучения моделей, отражают точку зрения Запада; отсутствие разнообразия может усугубить социальное неравенство и предубеждения по отношению к качеству данных и к возможностям пользователей (демографический аспект).

9. Общественное мнение – анализируется общественное мнение об ИИ с глобальной, национальной, демографической и этнической точек зрения, использованы данные лонгитюдного опроса Ipsos, опроса Университета Торонто и др.

По данным Стэнфордского рейтинга в сфере исследований и разработок в области ИИ, выделяются несколько стран: Соединенные Штаты, Китай и Великобритания.

США позиционируют себя как ведущую страну в развитии ИИ. Они могут похвастаться динамичной технологической индустрией, университетами мирового класса и поддерживающей экосистемой для стартапов и исследовательских организаций. В этой стране базируются крупнейшие технологические гиганты, такие как Google, Microsoft и IBM, которые внесли значительный вклад в развитие сферы ИИ – вложили значительные средства в исследования и разработки, раздвигая границы возможностей искусственного интеллекта. Кроме того, Соединенные Штаты привлекают лучшие умы в области искусственного интеллекта со всего мира. Университеты США предлагают передовые программы в области ИИ и машинного обучения, обеспечивая постоянный поток квалифицированных специалистов в этой области.

Китай в последние годы добился быстрого прогресса в области искусственного интеллекта. Страна вложила значительные средства в исследования и разработки в

области ИИ и стремится стать мировым лидером в этой сфере к 2030 г. Правительство Китая поставило амбициозные цели по развитию искусственного интеллекта, и такие китайские компании, как Tencent, Alibaba и Baidu, активно вносят свой вклад в развитие этого направления.

Соединенное Королевство, с его сильными академическими институтами и финансированием исследований, также является ведущим игроком в области ИИ. Страна имеет богатую историю исследований искусственного интеллекта. Многие стартапы и исследовательские лаборатории ИИ в Великобритании продвигают инновации и расширяют границы технологий искусственного интеллекта.

Другие страны также заслуживают признания за свой вклад в эту область. Например, Канада стала мировым лидером в исследованиях ИИ благодаря новаторской работе таких институтов, как Vector Institute и Montreal Institute for Learning Algorithms. Германия и Израиль создали динамичные экосистемы искусственного интеллекта, привлекая лучших специалистов и поощряя сотрудничество между академическими кругами, промышленностью и правительством. Франция использует возможности ИИ в различных секторах, включая здравоохранение, транспорт и финансы. Искусственный интеллект используется для улучшения диагностики и лечения пациентов, оптимизации транспортных сетей и улучшения финансового прогнозирования, среди прочих приложений. В Японии Национальный институт передовой промышленной науки и технологий (AIST) проводит передовые исследования в различных приложениях ИИ. Еще одним выдающимся исследовательским учреждением Японии является Токийский университет. Лаборатория ИИ университета известна своими новаторскими исследованиями в области искусственного интеллекта. Конкурентное преимущество Южной Кореи в области ИИ можно объяснить прочным сотрудничеством между академическими институтами, промышленностью и правительством. В Сингапуре созданы исследовательские институты, такие как Агентство по науке, технологиям и исследованиям (A*STAR) и Институт науки о данных Национального университета Сингапура (NUS IDS), которые сосредоточены на продвижении технологий ИИ. Кроме того, правительство Сингапура запустило программу AI Singapore, которая направлена на ускорение внедрения ИИ в ключевых секторах. Эта инициатива предоставляет финансирование, ресурсы и экспертизу для поддержки проектов и стартапов в этой сфере. Успехи Израиля в области искусственного интеллекта можно увидеть в его ведущей роли в таких проектах, как компьютерное зрение, обработка естественного языка и машинное обучение. В стране есть сильная экосистема стартапов, исследовательских институтов и академических учреждений, которые фокусируются на ИИ. Многие мировые технологические компании признали потенциал Израиля в области искусственного интеллекта и создали в стране научно-исследовательские и опытно-конструкторские центры.

По мнению экспертов Стэнфордского рейтинга, одной из сильных сторон России в области ИИ являются ее ведущие исследовательские центры. Такие центры, как Московский физико-технический институт и Сколковский институт

науки и технологий, занимаются развитием исследований и разработок в области ИИ. Российские достижения в области ИИ поддерживаются правительственными инициативами. В тексте отчета Россия получила больше всего упоминаний в разделе 7 – «Политика и управление».

К сожалению, в данном рейтинге не представлены другие страны постсоветского пространства.

PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution (Глобальное исследование искусственного интеллекта PwC: использование революции искусственного интеллекта)

Результаты исследования компании PwC подробно, используя интерактивные инструменты представления данных, дает представление о продуктах и услугах, на которые наибольшее влияние оказывает и окажет в будущем использование искусственного интеллекта. По мнению авторов исследования, ИИ может преобразовать производительность и потенциал ВВП мировой экономики. Для этого необходимы стратегические инвестиции в различные типы технологий искусственного интеллекта. Повышение производительности труда будет способствовать первоначальному росту ВВП, поскольку компании стремятся «повысить» производительность своей рабочей силы с помощью технологий ИИ и автоматизировать некоторые задачи и роли.

Исследование показывает, что 45% общего экономического прироста к 2030 г. будет получено за счет усовершенствования продуктов, стимулирующего потребительский спрос. Это связано с тем, что ИИ будет способствовать большему разнообразию продуктов, с повышением персонализации, привлекательности и доступности с течением времени. Наибольший экономический эффект от ИИ, по мнению исследователей компании PwC, будет получен в Китае (рост ВВП на 26% в 2030 г.) и Северной Америке (рост на 14,5%), что эквивалентно в общей сложности 10,7 трлн долл. США и составит почти 70% мирового экономического эффекта.

Government AI Readiness Index 2024 (Индекс готовности правительства к внедрению искусственного интеллекта 2024)

Индекс готовности правительства к ИИ выступает надежным ресурсом для политиков, принят в качестве официального ориентира национальными правительствами, и на него ссылаются ведущие организации, такие как ЮНЕСКО и G20. В 2024 г. была оценена готовность 188 стран к ИИ в период растущей сложности, когда правительства сталкиваются с меняющимися потребностями граждан и такими вызовами, как экономическая неопределенность, климатические риски и растущее неравенство.

В индексе 2024 г., опубликованном компанией Oxford Insights¹⁷, рассматриваются 40 показателей по трем основным направлениям: правительство, технологический сектор и обработка данных и инфраструктура. В отчете по рейтингу освещается прогресс, выявляются пробелы и даются практические рекомендации для политиков, работающих над интеграцией искусственного интеллекта в предоставление государственных услуг.

Среди мировых лидеров рейтинга – США, Сингапур, Республика Корея, Франция, Великобритания, Канада, Нидерланды, Германия, Финляндия и Австралия. Эти страны демонстрируют наивысший уровень зрелости по всем трем ключевым компонентам оценки. Они выделяются устойчивыми стратегиями, масштабными инвестициями в технологии, сильной нормативной базой и высоким уровнем цифровой инфраструктуры.

Рисунок 3. Лидеры Индекса готовности правительств к ИИ за 2024 г.
Figure 3. Leaders Government AI Readiness Index 2024

Источник: Индекс готовности к ИИ 2024: лидеры, отстающие и глобальные тренды¹⁸
Source: AI Readiness Index 2024: Leaders, Laggards, and Global Trends¹⁸

Во втором десятке рейтинга указаны Норвегия (76,12), Япония (75,75) и ОАЭ (75,66). Здесь же Швеция, Дания, Тайвань, Израиль, Ирландия, Австрия и Бельгия. Хорошие результаты у Эстонии, которая заняла 21-е место, далее следуют Саудовская Аравия, Китай, Малайзия.

В четвертом десятке также Катар, Литва, Польша, Таиланд, Бразилия, Индонезия и др. Россия на 39-м месте с результатом 64,72.

Латвия на 48-й строчке рейтинга (61,57), Грузия на 81-й позиции (46,92), Армения заняла 88-е место (44,51), Азербайджан – на 111-м (39,92), Беларусь – на 113-м (39,24).

¹⁷ The Government AI Readiness Index 2024 // Oxford Insights. URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/>.

¹⁸ Индекс готовности к ИИ 2024: лидеры, отстающие и глобальные тренды // Международные частные инвестиции (International Private Investment). URL: <https://internationalinvestment.biz/analytics/5590-indeks-gotovnosti-k-ii-2024-lidery-otstajuschie-i-globalnye-trendy.html>.

Один из главных трендов текущего года – рост числа национальных стратегий по ИИ. В 2024 г. 12 государств впервые опубликовали свои стратегии или заявили о разработке. Причем большинство из них с низким и средним уровнем дохода, такие как Эфиопия, Гана, Нигерия, Шри-Ланка, Узбекистан и Замбия. Это демонстрирует, что ИИ становится глобальным приоритетом, выходящим за рамки уровня экономического развития.

Узбекистан, несмотря на статус страны с переходной экономикой, продемонстрировал устойчивый рост благодаря фокусировке на национальных стратегиях, этических принципах и управлении данными. В Узбекистане чат-бот на платформе Lex.uz помогает ориентироваться в законодательстве. Эти решения не только упрощают коммуникацию с государством, но и повышают прозрачность и эффективность управления.

В исследовании подчеркивается, что технологическое лидерство – важный, но не единственный фактор успеха. Для эффективного внедрения ИИ необходимы институциональные реформы, этические стандарты, развитие цифровой грамотности и прозрачность государственных решений. Без этого даже самые передовые технологии могут не принести обществу ощутимой пользы. Мировое будущее ИИ – это не только гонка за баллами в рейтингах, но и вопрос того, как использовать потенциал машинного интеллекта для снижения неравенства, повышения эффективности и укрепления доверия граждан к государству.

Выводы

Развитие искусственного интеллекта является одним из приоритетных направлений для многих государств. Рейтинги, оценивающие прогресс в этой области, помогают определить лидеров и выявить слабые места.

Основные факторы, влияющие на рейтинги:

- научные исследования и разработки в области ИИ;
- инвестиции в ИИ-технологии;
- наличие квалифицированных специалистов;
- государственная поддержка проектов в сфере ИИ;
- внедрение ИИ в различных секторах экономики.

Среди стран, активно развивающихся в сфере ИИ, можно выделить США, Китай, страны Европейского союза (например, Германию, Францию, Великобританию).

Для составления рейтингов используются различные методики и источники данных. Некоторые из них основаны на опросах экспертов, другие – на анализе статистических показателей.

Важно отметить, что рейтинги развития ИИ не являются статичными и могут меняться со временем. Государства, инвестирующие в исследования и разработки, могут значительно улучшить свои позиции в рейтингах. Рейтинги развития ИИ

помогают не только определить лидеров, но и выявить тенденции в этой области. Они могут служить основой для разработки стратегий и программ поддержки ИИ-проектов на национальном уровне.

Россия демонстрирует достижения в области искусственного интеллекта, что позволяет ей занимать значимое место в глобальной гонке за лидерство в этой сфере. Огромная территория и богатая научная и технологическая традиция создают благоприятные условия для развития ИИ, и страна активно стремится к тому, чтобы оставаться на передовой инноваций. В последние годы Россия демонстрирует устойчивый рост в международных рейтингах, что свидетельствует о значительных успехах в данной области.

Ключевым фактором, способствующим развитию ИИ в России, является активная государственная поддержка. Правительство осознает стратегическую значимость ИИ для экономического и социального прогресса и выделяет значительные ресурсы на его развитие. Эти инвестиции направлены на стимулирование фундаментальных исследований, разработку передовых технологий и создание благоприятной экосистемы для стартапов и инновационных компаний в сфере ИИ.

Российские научно-исследовательские институты и университеты играют важную роль в продвижении ИИ. Они проводят передовые исследования, сотрудничают с международными научными центрами и готовят квалифицированные кадры. Это способствует формированию сильного научно-исследовательского потенциала и обеспечивает постоянный приток экспертов в области ИИ.

Россия также демонстрирует успешное применение ИИ в различных секторах экономики. В здравоохранении внедрены системы диагностики на основе ИИ, что повышает точность медицинских исследований и улучшает качество медицинского обслуживания; развивается роботизированная хирургия и прогнозирование заболеваний с помощью ИИ. В финансовой сфере ИИ используется для анализа больших данных, прогнозирования рыночных тенденций, автоматизации клиентского сервиса, антимошеннических систем, оценки платежеспособности потенциальных клиентов. Транспортная отрасль применяет ИИ для оптимизации транспортных потоков, управления беспилотным транспортом и повышения безопасности дорожного движения.

Однако на пути к мировому лидерству в области ИИ Россия сталкивается с рядом проблем. Одной из них является необходимость преодоления разрыва между академическим сообществом и промышленностью. Для успешного внедрения передовых исследований в реальные приложения необходимо стимулировать более тесное сотрудничество между учеными и представителями бизнеса. Кроме того, необходимо увеличивать количество экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций для разработки и применения систем ИИ по образцам, введенным в области регулирования беспилотного транспорта и телемедицины.

Вместе с тем значительное финансирование и государственная поддержка, активное развитие нормативной базы, заметные успехи российских компаний и внедрение ИИ в различные сферы позиционируют страну как одного из ключевых игроков на мировой арене.

Список источников

1. Аналитический отчет «Сравнение национальных стратегий в области искусственного интеллекта» [Analytical Report «Comparison of National Strategies in the Field of Artificial Intelligence»]. Москва, 2019. 17 с.
2. Ахматова Д.Р. Экономический потенциал искусственного интеллекта: мировой опыт, российская практика и перспективы стран ЕАЭС [Economic Potential of Artificial Intelligence: Global Experience, Russian Practice, and Prospects of the EAEU Countries] // Экономика и управление инновациями. 2023. № 3(26). С. 15–24. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-3-15-24>. EDN: PFEYCA.
3. Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта [The EAEU's AI Strategy] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 106–117. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>.
4. Ивановский Б.Г. Экономические эффекты от внедрения технологий «искусственного интеллекта» [Economic Effects of the Implementation of «Artificial Intelligence» Technologies] // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 8–25. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.01>.
5. Миньковская М.В. Развитие цифровой политики стран ЕАЭС и России в современных условиях [Development of the Digital Policy of the EAEU Countries and Russia in Modern Conditions] // Проблемы искусственного интеллекта. 2025. № 1(36). С. 79–92. <https://doi.org/10.24412/2413-7383-79-92>.
6. Савельев А.М., Журенков Д.А. Национальные стратегии развития систем искусственного интеллекта: опыт стран-лидеров и ситуация в России [National Strategies for the Development of Artificial Intelligence Systems: the Experience of the Leading Countries and the Situation in Russia] // Научный вестник ОПК России. 2019. № 3. С. 79–82.

Информация об авторах

ЖУЛИКОВ Сергей Евгеньевич. Кандидат физико-математических наук. Доцент. Доцент кафедры математического моделирования и информационных технологий Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. ssergiuss@yandex.ru

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна. Кандидат социологических наук. Доцент. Доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. oltamb@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 мая 2025 г. Одобрена после рецензирования: 30 июня 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликована: 1 сентября 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Analytical Report “Comparison of National Strategies in the Field of Artificial Intelligence”. Moscow, 2019:17 [In Russian].
2. Akhmatova D.R. Economic Potential of Artificial Intelligence: Global Experience, Russian Practice, and Prospects of the EAEU Countries. *Ekonomika i upravlenie innovაციями* [Economics and Innovation Management]. 2023; 3(26):15–24 [In Russian]. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-3-15-24>. EDN: PFEYCA.
3. Vykhodets R. S. The EAEU's AI Strategy. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2022; 16(3):106–117 [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>.
4. Ivanovskiy B.G. Economic Effects of the Implementation of «Artificial Intelligence» Technologies. *Social'nye novacii i social'nye nauki* [Social Novelties and Social Sciences]. 2021; 2:8–25 [In Russian]. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.01>.
5. Minkovskaya M.V. Development of the Digital Policy of the EAEU Countries and Russia in Modern Conditions. *Problemy iskusstvennogo intellekta* [Problems of Artificial Intelligence]. 2025; 1(36):79–92 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2413-7383-79-92>.
6. Saveliev A.M., Zhurenkov D.A. National Strategies for the Development of Artificial Intelligence Systems: the Experience of the Leading Countries and the Situation in Russia. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii* [Scientific Bulletin of the Russian Defense Industry]. 2019; 3:79–82 [In Russian].

About the authors

Sergey E. ZHULIKOV. CandSc. (Physical and Mathematical). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling and Information Technologies at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. ssergiuss@yandex.ru

Olga V. ZHULIKOVA. CandSc. (Sociol.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Library and Information Resources at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. oltamb@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: May 2, 2025. Approved after peer review: June 30, 2024. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Более чем тридцатилетний опыт научных исследований таджикских ученых после обретения государственности Таджикистана весьма показателен в части поиска своего «лица» национальной школы политологии.

Комлева В.В.

Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты

Асимметричная оценка параметров и показателей социально-политического «ядра» международного противостояния – военно-политической обстановки – может позволить в достаточной мере понять, каким образом возможно реализовать функциональную направленность прогнозирования в интересах обеспечения государственной безопасности.

Костерин А.А.

Потенциал прогнозирования военно-политической обстановки в условиях международного конфликта: история и современность

...Миграционные процессы играют двойственную роль: с одной стороны, они выступают фактором социально-экономической стабилизации, с другой – потенциальным источником политической нестабильности, особенно в условиях отсутствия эффективной государственной миграционной политики.

Нуралиев Н.А.

Политические аспекты и особенности миграционных процессов в Кыргызской Республике: современные тенденции и вызовы

Для Китая экспорт вооружений представляет собой инструмент укрепления своего политического влияния, средство усиления позиций Китая в борьбе с Западом за лидерство в развивающемся мире. В то же время активная политика Китая в регионе создает реальную угрозу вытеснения России с традиционных для нее рынков в странах Северной Африки.

Стеняева А.Д.

Военно-техническое сотрудничество Китая со странами Магриба

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО
Политические институты, процессы и технологии
POWER, POLITICS, STATE
Political institutions, processes and technologies

Научная статья

УДК 32.001

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-190-210](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-190-210)

Политические науки

Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты

Валентина Вячеславовна Комлева ✉

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Аннотация. Статья посвящена анализу становления и развития современной политической науки Таджикистана. Автор исследует методологические подходы, исследовательские приоритеты и научные ориентиры таджикских ученых. На основе изучения массива научных публикаций за период с 2000 по 2024 г., выявлены ключевые темы таджикских исследований: государственность, национальная идентичность, безопасность, исламский фактор, политическая культура. Автор утверждает, что в Таджикистане начала формироваться собственная научная школа политологии, опирающаяся на отечественные исследовательские коллективы, академические институты и университетские кафедры. Выделяются признаки формирования национальной школы политологии, включая институционализацию научных центров, устойчивость исследовательских коллективов, наличие национальных научных авторитетов, национальные особенности предметного поля исследований. Обращается внимание на методологические особенности таджикских исследований: преобладание историко-генетического подхода, секьюритизация

проблемного поля исследований. В условиях актуализации вопросов безопасности, идентичности, устойчивости, таджикская политология приобретает большое значение как национальный аналитический ресурс. Наряду с достижениями выявлены факторы, сдерживающие развитие научной школы политологии в Таджикистане: недостаточность теоретических, фундаментальных, прогнозных и сравнительных исследований, доминирование нормативных исследований и государственного дискурса, локальность исследовательских интересов и слабая междисциплинарность. Автор подчеркивает значимость расширения научных контактов между Россией и Таджикистаном, необходимость увеличения программ научной мобильности и совместных научных проектов. Работа вносит вклад в понимание особенностей научного дискурса Таджикистана и представляет интерес для исследователей постсоветского пространства, центральноазиатских трансформаций и сравнительной политологии.

Ключевые слова: таджикская политическая мысль, таджикская политология, научная школа политологии в Таджикистане, таджикские научные связи, таджикские центры изучения политики, политика Таджикистана, таджикская идентичность, государственность, религия и политика

Для цитирования: Комлева В.В. Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 190-210, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-190-210](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-190-210)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-190-210](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-190-210)

Political Sciences

Modern Political Science in Tajikistan: Methodological Guidelines and Research Priorities

Valentina V. Komleva ✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and development of modern political science in Tajikistan. The author examines methodological approaches, research priorities, and scientific guidelines of Tajik scientists based on the study of an array of scientific publications for the period from 2000 to 2024. The key topics identified are statehood, national identity, security, the Islamic factor, and political culture. The author argues that Tajikistan has begun to form its own scientific school of political science based on domestic research teams, academic institutes, and university departments. Signs of the formation of a national school are highlighted, including the institutionalization of scientific centers, sustainability of research teams, presence of national scientific authorities, and characteristics of the subject area of research. Methodological features of Tajik studies

are drawn attention to: prevalence of historical-genetic approach and securitization in problematic field. In context of actualization of security issues, identity, and sustainability, Tajik political studies acquire great importance as national analytical resource. Along with the achievements, factors hindering the development of the scientific school of political science in Tajikistan have been identified: insufficient theoretical, fundamental, predictive, and comparative research; the dominance of normative research and state discourse; local research interests; and weak interdisciplinary. The author emphasizes the importance of expanding scientific contacts between Russia and Tajikistan, increasing scientific mobility programs, and joint scientific projects. This work contributes to understanding the features of scientific discourse in Tajikistan and is of interest to researchers in the post-Soviet space, Central Asia, and comparative political science.

Keywords: Tajik political thought, Tajik political science, scientific school of political science in Tajikistan, Tajik scientific relations, Tajik centers for the study of politics, politics of Tajikistan, Tajik identity, statehood, religion and politics

For citation: Komleva V.V. Modern Political Science in Tajikistan: Methodological Guidelines and Research Priorities. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 3(17): 190-210. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-190-210](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-190-210)

Введение

Современная политическая мысль Таджикистана представляет собой интеллектуальное пространство, в котором формируются представления о государственности, легитимности власти, развитии институтов, национальной идентичности, безопасности, внутриполитических и международных приоритетах. Анализ и систематизация научных исследований позволяет понять не только политическую динамику самого Таджикистана, но и получить информацию о методологических подходах, моделях аргументации и интерпретации, используемых в таджикском экспертном сообществе, выявить идеологические, политические, культурные установки ученых. Решение этих задач важно для анализа и прогнозирования развития общественно-политических установок таджикского общества, намерений политической власти, в том числе и в отношении России.

Вместе с тем в российском академическом сообществе таджикская политическая мысль пока остается на периферии внимания, несмотря на историческую близость наших стран, научные контакты и дружественность политических лидеров. Таджикистан является партнером России по ряду стратегически значимых направлений сотрудничества, дружественной страной, входящей вместе с Российской Федерацией в ряд интеграционных объединений, и Россия заинтересована в стабильном, мирном развитии Таджикистана.

Наш интерес к вопросу развития политической мысли Таджикистана обусловлен желанием расширить среди российской научной общественности знания о таджикских теоретических, методологических и практико-ориентированных подходах. Желанием понять, какие общественно-политические проблемы составляют предметное поле научной мысли Таджикистана, как оно менялось

в течение тридцати лет, какие интерпретационные матрицы предпочитают таджикские ученые, на какие теоретические основы опираются в своих работах, в чем совпадает и чем отличается видение таджикских и российских ученых на актуальные общественно-политические проблемы. Анализ политологических исследований позволяет сделать некоторые выводы, которые изложены в данной статье.

Материалы и методы

Статья подготовлена по итогам изучения массива научных работ таджикских ученых в области политических исследований, опубликованных на русском и таджикском языках в 2000–2024 гг. и размещенных в открытом доступе в Национальной академии наук Таджикистана, Национальной библиотеке Таджикистана, Российской государственной библиотеке, научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. В процессе анализа мы обращались и к работам 1990-х гг., которые стали теоретической базой для более поздних исследований. Выборка научных трудов осуществлялась по следующим темам: исследования политической системы, партийной системы, института президентства, политической элиты, идеологических основ таджикской государственности, политической культуры, национальной идентичности, национальной безопасности, внешней политики Таджикистана.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно сделать ссылки на все проанализированные исследования 2000–2024 гг., поэтому выделим некоторые наиболее содержательные (с точки зрения задач нашего исследования) работы. Диссертации С.Атоева (2001) [2], Ш.Р.Ахмадова (2011) [3], П.С.Назарова (2004) [26], Г.А.Сайфудинова (2006) [38], Т.И.Шамсова (2015) [50] посвящены формированию политического сознания, институциональных форм демократии и специфике таджикского политического режима. А.Ё.Комилбеков (2014) [14], Р.Г.Курбанов (2014) [18] и А.А.Касымов (2021) [12] анализируют политическое управление, партийную систему и особенности партийного строительства в постсоветский период. Важное место в исследовательском дискурсе занимает институт президентства, рассмотренный в диссертации А.С.Саидовым (2005) [34]. Особенности становления национальной идентичности, идеологии и суверенитета исследуются в трудах Х.С.Куддусова (2011) [17], Э.Рахмона (2004) [30], П.Д.Шозимова (2006) [53], Б.Фардина (2011) [44]. Особенности эволюции национальных отношений рассматривает З.А.Дадабаева (2002) [6]. Историко-политический контекст осмысливается Р.М.Масовым (1991) [21] и Э.А.Пирназаровым (2004) [28], а также в исследовании интеллигенции как политического актора. Политическая модернизация в Таджикистане, формы ее реализации и результаты в условиях постсоветского развития рассматриваются Н.С.Муродовой (2022) [24], К.Бабаев (2021) [4] и С.И.Шарипов (2001) [51] раскрывают механизмы плюрализма и демократических процессов. Роль неправительственных

организаций в формировании гражданского общества анализируется Ш.Т.Каримовым (2016) [11]. Р.Д.Хайдаров (2000) [46] анализирует связи социально-экономических и общественно-политических отношений. Проблемы религии и политики рассматриваются в трудах М.М.Акиловой (2021) [1], Ш.Ш.Саидова (2015) [36], З.Д.Рахматовой (2020) [29], с акцентом на соотношение светского и религиозного в общественном развитии, а также угрозу радикализации. К.С.Шарипова (2017) [52] и Н.Н.Сангинов (2019) [39] рассматривают вызовы национальной безопасности и гибридных угроз. Вопросы информационной безопасности и идеологической стабильности, угрозы в цифровом и медиапространстве раскрываются в исследованиях П.А.Махмадова (2018) [23], К.И.Сафиева (2014) [42], Д.Б.Хомидова (2012) [48]. Внешней политике Таджикистана посвящены исследования З.Ш.Сайидзода (2016) [37], Х.Г.Комиловой (2021) [15], Ф.Н.Тоджева (2020) [43], И.З.Захруддинова (2023) [7]. Отдельные аспекты международных отношений, важные для Таджикистана, анализируют: С.С.Ятимов (внешнеполитическая идеология Исламской Республики Иран) (2002) [54], З.М.Курбонова (конфликты в Центральной Азии) (2020) [18], М.Ш.Махмадбекзода (миграционные процессы в условиях современной глобализации) (2024) [22], С.З.Кувватзода (водная политика и эффективное использование водных ресурсов в странах Центральной Азии) (2024) [16] и др.

Для общего понимания направлений развития таджикской политологии мы опирались на работы следующих ученых: А.Н.Махмадов (А.Мухаммад) [25], Г.Н.Зокиров [8; 9], Х.С.Саидов [35], К.Искандаров [10], Г.М.Майтдинова [20] и др. В полной версии нашего исследования (в монографии «Современная политическая мысль Таджикистана») будет дан более детальный анализ и более полный список авторов.

Свой вклад в развитие школы политической мысли Таджикистана вносит Президент Республики Эмомали Рахмон, концептуализируя политическую практику и задавая векторы осмысления политической истории и современных политических процессов. В этой связи в материалы нашего исследования вошел ряд его работ [5; 30–33].

В ходе исследования нами применялись методы библиографического анализа (изучение библиографических ссылок, поиск ключевых авторов и работ по теме, использование научных баз данных), содержательный анализ текстов и основных идей, анализ аргументации, обоснованности выводов и методологических оснований, метод аннотирования (выделение главных идей, гипотез, результатов, составление кратких резюме, фиксация терминов и понятий); сравнительный анализ. Применение историко-генетического метода позволило выявить динамику развития политологической научной мысли Таджикистана и сделать вывод о начале становления национальной научной школы политологии.

Полные результаты исследования будут опубликованы в 2025 г. в книге «Современная политическая мысль Таджикистана». В данной статье представлены авторские обобщения относительно состояния и перспектив научной политологической мысли Таджикистана.

Результаты исследования

Российско-таджикские научные коммуникации и развитие науки Таджикистана

Несмотря на то, что политическая мысль таджиков уходит корнями в глубину веков и питается идеями о власти, народе и государстве, высказанными еще во времена Саманидов, институционализация науки Таджикистана, формирование ее кадрового потенциала произошли преимущественно в советский период. Еще в 1930-е гг. была открыта Таджикская база Академии наук СССР с гуманитарными секторами. Затем база была преобразована в Таджикский филиал АН СССР, который возглавил Е.Н.Павловский – важная фигура в становлении таджикской науки. Затем была учреждена Академия наук Таджикской ССР (1951 г.), созданы Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка и литературы имени Рудаки, Институт востоковедения и письменного наследия – основные центры таджикской научной мысли. Выдающиеся русские и советские ученые заложили основу исторической, филологической и культурной науки в Таджикистане (В.В.Бартольд, А.А.Семенов, М.С.Андреев, И.С.Брагинский, Е.Э.Бертельс, Н.И.Вавилов и др.).

Эти ученые руководили экспедициями, создавали научные школы, участвовали в создании фундаментальных трудов, словарей и атласов. Подготовка таджикских ученых на базе филиалов АН СССР, в ведущих вузах Москвы, Ленинграда и других городов СССР способствовала притоку национальных кадров в научные учреждения, росту числа интеллигенции. Идеологически научные школы общественных наук Таджикистана формировались в русле общей научной парадигмы советского времени.

После распада СССР возник методологический вакуум, который весьма хаотично начал заполняться западными теориями и интерпретациями политических процессов, сочетаясь с оставшейся советской школой. Невысокая возрастная мобильность научных кадров Таджикистана (быстрого омоложения не произошло) способствовала сохранению советской школы научных исследований, адаптировав ее к реалиям построения нового государства. Таджикские ученые сохранили традиции высокой научной культуры, продолжили опираться на принципы диалектического материализма, системного подхода, на некоторые интерпретации, характерные для марксистской теории¹, хотя сам марксизм в современных исследованиях редко указывается как методологический базис. Сохранение таджикских ученых в русскоязычном научном пространстве способствовало тому, что и в постсоветский период опорные методологические центры для большей части авторов продолжали оставаться в России.

Вместе с тем, несмотря на тесные связи с Россией, в последние годы очевидно снижение уровня известности современных российских исследований

1 См., например: [45].

в Таджикистане. Анализ цитирований и обращений к российским исследованиям показывает, что их знание хуже, чем знание авторов периода СССР. Во-первых, это заметно по годам российских публикаций, на которые ссылаются таджикские авторы. Во-вторых, нередко таджикские авторы берут за основу не фундаментальные труды российских ученых, а отдельные статьи, фрагментарно представляющие проблему исследования. Редко называются и исследовательские центры, занимающиеся в России проблематикой политических исследований. Отметим и то, что в некоторых исследованиях последних лет российские ученые представляются не как ученые из России, а как ученые из СНГ. При этом детальный анализ каждого перечисленного ученого в группе СНГ показывает, что они все из России.

Введение в научный оборот современных западных исследований произошло в Таджикистане относительно недавно. Как показывает анализ диссертационных работ, примерно после 2010 г. западные исследования стали чаще цитироваться таджикскими авторами, стали чаще вводиться в научный оборот современные западные эмпирические исследования и аналитика. Являются ли выбранные источники научной информации и применяемые теории отражением происходящих политических процессов, сказать трудно. Это требует более детального исследования и экспертных интервью.

Незападные теории начали входить в научный оборот совсем недавно. Таджикские авторы (пока не многочисленные) начали апробацию научных подходов, распространенных в исследованиях на арабском, персидском, китайском языках. Но прямые ссылки на западные и нероссийские исследования в политологии встречаются не часто.

В целом анализ исследований последних лет создает ощущение, что Таджикистан как бы «затаился» и «переждал» повальное увлечение западными либеральными концепциями и попытками их внедрения в политическую жизнь (как это было в большинстве постсоветских стран, в том числе и в России), а затем самостоятельно «переварил» и оценил накопившийся опыт научного осмысления современной политической практики и выдал исследования, имеющие свой национальный характер. С этого момента, на наш взгляд, можно говорить о начале формирования национальной школы политологии в Таджикистане.

Становление национальной школы политологии в Таджикистане

Проведенный анализ исследований и научных центров, занимающихся политическими исследованиями в Таджикистане, позволяет сделать вывод о формировании своей научной политологической школы. Свидетельством тому может быть следующее.

Первое. Появление устойчивых исследовательских коллективов и научных авторитетов, вокруг которых складываются группы последователей. Такие

коллективы формируются, прежде всего, на базе Национальной академии наук Таджикистана.

Созданы и действуют научные и образовательные центры политических исследований. Организует и координирует их исследования Национальная академия наук Таджикистана (НАНТ). В частности, Институт философии, политологии и права имени А.Баховаддинова НАНТ (ifppanrt.tj), Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ (osiyoavrupo.tj). В структуре этого Института создан и действует сектор исследований России. Институт гуманитарных наук имени Б.Искандарова НАНТ ведет исследования в гуманитарной области, включая политические аспекты культуры и истории (ign.tj). Институты НАНТ выпускают собственные журналы и ежегодно публикуют десятки статей и монографий. Вопросы национальной и региональной безопасности, стратегического развития и идеологии исследуются в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (mts.tj) [27; 40; 41; 47; 49].

Научное осмысление политических процессов и подготовка кадров ведется в университетах. Например, кафедра политологии Таджикского национального университета (ТНУ); кафедра дипломатии, регионоведения, международных отношений на факультете международных отношений ТНУ; факультет истории и международных отношений и научно-исследовательский институт Российско-Таджикского (Славянского) университета; факультет политики и международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Худжанд); факультет истории, права и международных отношений Кулябского государственного университета имени А.Рудаки; кафедра философии и политологии Университета Хорога; факультет международных отношений Таджикского Международного университета иностранных языков имени С.Улугзода и др. Отдельно выделим Академию государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, где не только ведется подготовка кадров, но и издается научно-методическая литература по вопросам государственного управления.

Второе. В таджикских академических исследованиях относительно недавно начал описываться раздел (как правило, при характеристике степени разработанности тем исследований), посвященный достижениям собственной интеллектуальной школы, исследованиям таджикских авторов, внесших вклад в развитие политической науки, международных отношений и смежных дисциплин. Ранее исследования в этой области в значительной степени опирались на внешние источники – преимущественно российские и западные. В настоящее время наблюдается рост числа работ с опорой на таджикских исследователей, особенно в таких ключевых направлениях, как формирование и развитие национальной государственности, роль исламского фактора во внутренней и внешней политике, трансформация политического сознания и идентичности в постсоветский период. Увеличивается число ссылок на таджикские работы, что свидетельствует о формировании ядра национальной исследовательской повестки и растущем интересе к рефлексии над собственным историко-политическим опытом. Это, в свою

очередь, создает предпосылки для дальнейшего институционального и теоретико-методологического укрепления таджикской школы политических исследований.

Третье. Существует особое предметное поле исследований, значимое именно для Таджикистана. Оно обладает рядом специфических черт, отражающих как особенности социально-политического развития республики, так и интеллектуальные условия становления самой науки. Очевидна центральность и значимость тематики государственности, национальной идентичности, безопасности. Особое внимание акцентируется на вопросах становления таджикской государственности, укрепления национального суверенитета, формирования идентичности в условиях постсоветской трансформации. Актуальность этих тем во многом обусловлена опытом гражданской войны (1992–1997 гг.), необходимостью политической консолидации и поддержки общественного доверия к власти. Значительное место в предметном поле таджикской политологии занимает ислам как фактор политической и общественной жизни [36]. Исследуются такие темы, как исламские партии и движения, ислам в контексте политической культуры и идеологии. Политическая культура и идеология в целом не раз становились предметом исследований таджикских ученых [38]. С учетом географического положения Таджикистана (граница с Афганистаном, участие в ОДКБ, ШОС, тесные связи с Россией и Китаем), большое внимание уделяется вопросам безопасности² и внешнеполитическим стратегиям. В этой связи геополитика и вопросы трансграничной стабильности (включая наркоторговлю, миграцию, экстремизм) являются отдельными направлениями исследований.

Четвертое. Происходит расширение языкового научного пространства таджикских исследований. Если ранее большинство научных работ публиковалось преимущественно на таджикском и русском языках, то теперь появляются публикации на английском языке (в международных журналах, в англоязычных сборниках и материалах научных мероприятий). Это свидетельствует о стремлении таджикских ученых интегрироваться в глобальное научное сообщество. Отметим, что таджикские исследования стали использовать и другие языки: фарси и арабский. Эти языки играют значительную роль в гуманитарной и религиозно-политической мысли мусульманского мира, а публикации на них открывают таджикским авторам доступ к иранской, афганской, арабской аудиториям. Расширение языкового научного пространства таджикских ученых, вероятно, будет способствовать росту цитируемости таджикских ученых в зарубежных исследованиях, продвижению национальных академических нарративов в международном контексте, повышению академического авторитета таджикской научной школы, особенно в сферах регионоведения, исламоведения, политических трансформаций.

² В последние годы стали появляться исследования информационной безопасности, в том числе с использованием теории глобальной безопасности и устойчивого развития. См., например: [42].

Тематический профиль таджикских исследований

Анализ исследований 2000-х гг. позволяет выделить ряд тематических особенностей. Позволим себе некоторые обобщения, в которых, разумеется, могут быть и исключения.

Сильной стороной таджикских ученых является историзм политологических исследований. Это проявляется в использовании историко-генетического метода, позволяющего исследовать политические явления через призму их происхождения, трансформаций и внутренних закономерностей развития, и в стремлении найти исторические аналоги и объяснения, установить исторически обусловленные причинно-следственные связи, рассмотреть эволюцию политических процессов и явлений, определить свою национальную идентичность. Политические явления рассматриваются не как изолированные события, а как звенья в длинной цепи исторических трансформаций, порожденных как внутренними условиями развития региона, так и внешними воздействиями. В работах таджикских ученых часто подчеркивается значимость исторической преемственности и идентичности, что особенно актуально в условиях строительства национального государства и осмысления своего места в региональной и глобальной системе координат. Таким образом, историзм в таджикской политологии – это и методологический выбор, и элемент научной и интеллектуальной культуры, способствующий осмыслению политических реалий через призму традиции.

Таджикские авторы в большей степени опираются на консервативные политические теории, нежели на либеральные. Как следствие – исследования роли культурных традиций, традиционных ценностей, традиционных институтов в политической жизни страны; формирование своего взгляда на суть и характер демократических процессов и либерализацию отношений в стране. Особенно это заметно при сравнении исследований таджикских ученых, опубликованных в самом Таджикистане и за его пределами, за рубежом. Их интерпретации политических процессов и институтов Таджикистана разнятся. Зарубежные исследователи (в том числе и выходцы из Таджикистана) нередко имеют более критичный взгляд на оценку современной политической жизни Таджикистана. Их интерпретационные модели и оценки в большей степени основаны на сравнениях с политическими системами других стран или с «идеальным» типом демократии (как правило, в западной научной интерпретации). Таджикские же ученые публикуют «взгляд изнутри», интерпретируют ситуацию с учетом национальных интересов, рисков и угроз внутренней стабильности и безопасности. Выстраиваемые ими причинно-следственные связи нередко имеют истоки в событиях Гражданской войны или еще более давние истоки саманидского правления.

При исследовании политических процессов и институтов таджикские ученые нередко обращаются к религиозному фактору. Это касается не только тематики национальной идентичности, идеологии, политической культуры и политического сознания, но и партийной системы, политической системы и государственного

строительства. В разных исследованиях религия рассматривается и как фактор конфликта, и как источник социальной устойчивости и морального капитала общества. Религия рассматривается и как фактор укрепления легитимности власти, гармонизации общества, и как объект внешнего или внутреннего влияния. Анализируется, как религиозные нормы соотносятся с правовыми, каковы границы допустимого влияния ислама на государственные институты и в какой мере светская модель нуждается в адаптации к традиционным религиозным ожиданиям общества. Преимущественно таджикские ученые опираются на консервативную теоретическую рамку, подчеркивая ценность культурной преемственности и религиозной идентичности без радикализации.

Для таджикских исследователей характерно осмысление происходящего через призму избежания (профилактики, устранения) рисков и угроз. Фокус на рисках и безопасности стал структурирующей особенностью таджикской политической науки. Прослеживается не просто аналитический, но превентивно-прагматический подход. Практически все исследования в той или иной мере направлены на решение проблем обеспечения безопасности (власти, общества, государства, личности и др.). Большинство таджикских авторов, вне зависимости от тематики исследований, осознанно или неосознанно касаются вопросов обеспечения общественно-политической стабильности, сплоченности общества и противодействия радикализму. Возможно, такой подход сложился исходя из историко-политического опыта Таджикистана, пережившего глубокую дезинтеграцию в годы гражданской войны (1992–1997 гг.) и до сих пор имеющего повышенную чувствительность к внутренним и внешним вызовам и угрозам. На этом фоне формируется не столько критическая, сколько охранительная научная парадигма, где основным критерием полезности исследования становится его прикладная значимость в обеспечении безопасности государства, устойчивости власти, противодействия радикализации и деструктивным идеологиям, гармонизации межэтнических и межрегиональных отношений, защиты социокультурной и религиозной идентичности.

Темы политических исследований встроены в актуальную политическую повестку Таджикистана и стараются находить ответы на вопросы, поставленные самой политической жизнью. На фоне этого редко встречаются исследования-прогнозы. Концентрация на сегодняшнем дне, актуализация «прошлого» объяснимы в период построения нового государства и новой политической системы. Но, вероятно, что более чем через 30 лет государственности наступил новый этап переосмысления исследовательских перспектив. Это важно понимать, чтобы политическая наука Таджикистана осталась практически востребованной и была готова к будущим вызовам.

В этой связи наиболее актуальными представляются прогнозные исследования политических отношений, роли общественных институций в политической жизни страны и в политическом управлении, исследования моделей политического поведения масс, изменений политической культуры в условиях мобильности населения (возвратная трудовая и образовательная миграция), внешнего

информационного влияния, исследования социально-экономических факторов политической стабильности и доверия власти (вопросы социальной справедливости, неравенства и т.п., отражающие общие тренды в странах Центральной Азии), исследования факторов, конструирующих будущую политическую реальность и др. На новом этапе развития международных и региональных процессов было бы полезным переосмыслить и старые, и новые угрозы в контексте научных парадигм устойчивости и обеспеченной многополярности. В целом, ориентация на будущее в сочетании с такими сильными сторонами таджикских исследований, как историзм, анализ факторов и моделей безопасности, политических культур и идеологий, роли религий и культурных особенностей в принятии политических решений и политическом поведении, могут стать источником наращивания научного потенциала и значения политической науки Таджикистана.

Сдерживающие факторы

Теперь поговорим о некоторых ограничениях, которые, на наш взгляд, могут сдерживать развитие научной школы политической мысли Таджикистана, повышение ее авторитета как внутри страны, так и за рубежом.

Во-первых, в таджикской политологии преобладает прикладная и нормативная проблематика исследований. Ученые ориентированы на анализ конкретных политических процессов: государственное строительство, идентичность, партийная система, роль религии в политике, региональная безопасность и др. Политическая теория (особенно в части методологии и философии политики) пока развита слабо. Одной из первых попыток в этой области можно назвать книгу «Система политического управления в Таджикистане: теоретико-практический анализ», изданную на таджикском языке А.Ё.Комилбеком [13]. Отметим также, что, несмотря на преимущественно прикладные исследования, практически нет работ в области политических технологий, предлагающих технологические решения проблем политического управления.

Во-вторых, весьма немногочисленны сравнительные политологические исследования. Преимущественно такие исследования носят бинарный характер, авторы сопоставляют относительно похожие политические системы с применением метода описания. Или же авторы сравнивают случаи для обоснования достоверности, объективности результатов исследования, но не для выявления общего и особенного. Крайне редко в исследованиях встречаются большие сравнения, объединяющие качественные и количественные методы, статистические данные и позволяющие сопоставлять не только похожие, но и различающиеся политические системы.

В-третьих, относительная локальность. Взгляд таджикских исследователей сфокусирован преимущественно на страновых и региональных процессах (темы региональной безопасности, трансграничного сотрудничества и т.п.). Эта локальность ограничивает развитие таджикской политологии, так как не высок интерес к осмыслению универсальных политических категорий (суверенитет,

власть, демократия, гражданство и др.) в сравнительной перспективе. Таджикские исследования редко затрагивают глобальные тренды (политика в цифровую эпоху, изменение моделей власти в сетевых обществах, модели дипломатии и др.). Это создает риск «замыкания» национальной школы в узком тематическом круге, даже несмотря на возрастающую языковую и институциональную открытость.

В-четвертых, редко встречаются междисциплинарные исследования. Изученные нами публикации таджикских ученых показывают, что политология слабо интегрирована с такими общественными науками, как социология, психология, экономика. Как следствие, есть проблемы с комплексным осмыслением общественно-политических процессов и результатов реализуемых политических решений.

В-пятых, очевидно доминирование в исследованиях официального государственного дискурса. Это создает определенные институциональные рамки, в которых работают ученые. Справедливости ради отметим, что в большей или меньшей степени в таких рамках работают ученые и в других странах (и на Западе, и на Востоке). Это проявляется в выборе научной проблематики и интерпретации явлений и процессов. Но это сдерживает развитие политической теории, задача которой – обратить внимание политической власти на риски и отклонения, снижающие устойчивость и целедостижение общественно-политических систем.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что современная политическая наука Таджикистана – это не только академическое знание, но и интеллектуальное отражение исторического опыта, культурных кодов и политических вызовов, с которыми страна сталкивается более трех десятилетий. Таджикская политическая мысль сегодня находится в стадии активного становления и институционализации как самостоятельной научной школы. Этот путь сопровождается некоторыми вызовами: от методологического вакуума, возникшего после распада СССР, до постепенного включения западных, российских и незападных (в том числе исламских) теоретических подходов. В этом процессе таджикские ученые продемонстрировали приверженность научной традиции, устойчивость к внешним конъюнктурным влияниям и стремление к поиску собственных оснований в изучении политической реальности.

Более чем тридцатилетний опыт научных исследований таджикских ученых после обретения государственности Таджикистана весьма показателен в части поиска своего «лица» национальной школы политологии. На данном этапе развития таджикская политическая мысль носит охранительный и стабилизационно ориентированный характер, в котором безопасность (государства, нации, общества, личности и др.) выступает не только одной из исследовательских тем, но и оптикой, через которую анализируется политический ландшафт.

Для нас, представителей российского научного сообщества, важно отметить, что таджикские ученые весьма бережно относятся к наработкам в общественных

науках советского периода, адаптируя их в современных исследованиях. Сохраняется интерес и к научным коммуникациям с российскими учеными, интерес к научному пространству России и русскоязычному пространству СНГ. Для поддержки и стимулирования такого интереса необходимо повышение интенсивности и качества научных связей с таджикскими коллегами. Все более значимыми для развития взаимопонимания становятся регулярные научные коммуникации, увеличение числа программ научной мобильности (особенно молодых ученых), числа совместных научных мероприятий на территории России и Таджикистана, в том числе научно-методических семинаров. Наш личный опыт показывает высокую эффективность таких мероприятий, позволяющих обмениваться опытом, консультироваться друг у друга, вырабатывать общую точку зрения и общие интерпретационные матрицы политических процессов и явлений.

Благодарности. Автор статьи выражает благодарность коллегам Национальной академии наук Таджикистана за содействие в проведении исследования, а также стажеру Национального исследовательского института развития коммуникаций Нигматуллаевой Хафизе за помощь в сборе данных и работу с источниками.

Список литературы

1. Акилова М.М. Соотношение религиозной и светской культуры в обществе Таджикистана: история и современность [The Relationship between Religious and Secular Culture in the Tajikistan Society: History and Modernity]: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.14. Душанбе, 2021.
2. Атоев С. Формирование политического сознания в условиях демократизации общества: из опыта Таджикистана [Formation of Political Consciousness in the Context of Democratization of Society: from the Experience of Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2001.
3. Ахмадов Ш.П. Демократический режим: специфика становления и развития [Democratic Regime: Specifics of Formation and Development]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Душанбе: ТНУ. 2011. 142 с.
4. Бабаев К. Особенности формирования и развития политического плюрализма в Таджикистане [Features of the Formation and Development of Political Pluralism in Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2021.
5. Водная дипломатия Эмомали Рахмона: от первого шага до глобального партнерства. Документы, выступления и материалы. 1999–2024 годы. [Water Diplomacy of Emomali Rahmon: From the First Step to Global Partnership. Documents, Speeches and Materials. 1999–2024] / Авт.-сост. Сироджиддин Мухриддин. М.: Изд-во «Весь Мир», 2024. 420 с.
6. Дадабаева З.А. Особенности эволюции национальных отношений в Республике Таджикистан [Features of the Evolution of National Relations in the Republic of Tajikistan]: дисс. ... д-ра полит. наук. Душанбе, 2002. 296 с.
7. Захруддинов И.З. Государственная независимость и пути ее укрепления в современных условиях глобализации: на примере Республики Таджикистан [State Independence and Ways of its Strengthening in the Modern Conditions of Globalization: On the Example of the Republic of Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 5.5.2. Душанбе, 2023.
8. Зокиров Г.Н. Минтақаи кӯхистон (Таҳқиқоти геополитикӣ) (Горный регион (геополитические исследования)) [Mountain region (geopolitical studies)]. Душанбе, «Эр-граф» 2016. 152 с.
9. Зокиров Г.Н. Зӯровари сиёсӣ (Политическое насилие) [Political violence]. Душанбе: «Эр-граф», 2018. 132 с.

10. Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства. Политические процессы и проблемы безопасности [Afghanistan during the period of the Government of National Unity. Political processes and security issues]. Душанбе, 2021. 352 с.
11. Каримов Ш.Т. Роль неправительственных организаций в формировании гражданского общества в Таджикистане: политологический анализ [The Role of Non-Governmental Organizations in the Formation of Civil Society in Tajikistan: a Political Science Analysis]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2016. 292 с.
12. Касымов А.А. Доминирующие тенденции и перспективы партийного строительства в Республике Таджикистан [Dominant Trends and Prospects of Party Building in the Republic of Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2021.
13. Комилбек А.Ё. Низоми идоракунии сиёсӣ дар Тоҷикистон: таҳлили назариявӣ-амалӣ (Система политического управления в Таджикистане: теоретико-практический анализ) [System of Political Governance in Tajikistan: Theoretical and Practical Analysis]. Душанбе: Академия идоракунӣ давлатӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2022. 187 с.
14. Комилбеков А.Ё. Политическое управление в современном политическом процессе: на материалах Республики Таджикистан [Political Management in the Modern Political Process: Based on Republic of Tajikistan Materials]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2014.
15. Комилова Х.Г. Республика Таджикистан в системе международных отношений и геополитических координат в условиях нового мирового порядка (региональный формат) [The Republic of Tajikistan in the System of International Relations and Geopolitical Coordinates in the Context of the New World Order (Regional Format)]: дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.15. Душанбе, 2021.
16. Кувватзода С.З. Сиёсати об ва истифодаи самараноки захираҳои оби дар шароити кишварҳои Осиёи Марказӣ (Водная политика и эффективное использование водных ресурсов в условиях стран Центральной Азии) [Water Policy and Efficient Use of Water Resources in the Context of Central Asian Countries]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2023. URL: <https://tnu.tj/index.php/tj/uvvatzoda-sajduullo-zuvajd/>.
17. Куддусов Х.С. Национальная идея и ее специфические особенности в условиях обретения независимости: опыт Таджикистана [National Idea and its Specific Features in the Context of Gaining Independence: the Experience of Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2011.
18. Курбанов Р.Г. Политические партии в Республике Таджикистан: становление, проблемы, прогноз [Political Parties in the Republic of Tajikistan: Formation, Problems, Forecast]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2014.
19. Курбонова З.М. Особенности разрешения конфликтов и конфликтогенных ситуаций в условиях изменяющегося мира (на материалах центральноазиатских республик) [Features of Conflict Resolution and Conflict-Generating Situations in a Changing World (Based on Materials from the Central Asian Republics)]: дисс. ... д-ра полит. наук. Душанбе, 2020. 330 с.
20. Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии (в середине второго десятилетия XXI века): монография [Tajikistan in the Geopolitical Structure of Central Eurasia (in the Middle of the Second Decade of the 21st Century): Monograph]. Душанбе: РТСУ, 2020. 455 с.
21. Масов Р.М. История топорного разделения [History of a Clumsy Division]. Душанбе: «Ирфон», 1991.
22. Махмадбекзода М.Ш. Международные и региональные миграционные процессы в условиях современной глобализации (политологический анализ) [International and Regional Migration Processes in the Context of Modern Globalization (Political Science Analysis)]: дисс. ... д-ра полит. наук. Душанбе, 2024. 378 с.
23. Махмадов П.А. Информационная безопасность в системе политической коммуникации: состояние и приоритеты обеспечения (на материалах государств Центральной Азии) [Information Security in the System of Political Communication: Status and Priorities of Provision (Based on Materials from Central Asian States)]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2018. 323 с.
24. Муродова Н. С. Масъалаҳои модернизатсияи сиёсӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: хусусиятҳои асосӣ, шаклҳои амалишавӣ ва натиҷаҳои он (Вопросы политической модернизации в Республике Таджикистан: особенности, формы реализации и результаты) [Issues of Political Modernization in the Republic of Tajikistan: Features, Forms of Implementation and Results]: дисс. ... д-ра сиёсатшиносӣ: 6D.KOA-001. Душанбе, 2022. 265 с. URL: <https://tnu.tj/DisserPhD/6D.KOA-001/MurodovaNS/MurodovaNS.pdf>.
25. Муҳаммад А. Национальное примирение; перспективы развития суверенного таджикского государства [National assimilation; prospects for the development of a sovereign Tajik state]. Душанбе: «Империл-Групп», 2017. 160 с.
26. Назаров П.С. Особенности становления и развития политического режима в суверенном Таджикистане [Features of the Formation and Development of the Political Regime in Sovereign Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук. Душанбе: ТНУ, 2004. 170 с.
27. Назаров У.К. Идеологическая безопасность как инструментарий политической стабильности Республики Таджикистан [Ideological Security as an Instrument of Political Stability of the Republic of Tajikistan] // Таджикистан и современный мир: Центр стратегических исследований при Президенте РТ. 2023. № 4(84). С. 87–94.
28. Пирназаров Э.А. Место и роль интеллигенции в политической жизни общества: на материалах Таджикистана [The Place and Role of the Intelligentsia in Political Life: Based on Materials from Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2004.
29. Рахматова З.Д. Религиозный радикализм среди молодежи Таджикистана: предпосылки возникновения, специфика и пути его предотвращения [Religious Radicalism Among the Youth of Tajikistan: Prerequisites for its Emergence, Specificity and Ways to Prevent it]: автореф. дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.14. Душанбе, 2020.
30. Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации [Independence of Tajikistan and the Revival of the Nation]. Т. 1. Душанбе, 2004.
31. Рахмон Э.Ш. Мудрые мысли и изречения Президента Таджикистана, основателя мира и национального единства [Wise Thoughts and Sayings of the President of Tajikistan, the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation Emomali Rahmon]. Душанбе: «Контраст», 2017. 464 с.
32. Рахмон Э.Ш. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан [On the Modern World and the Main Aspects of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan] / под ред. Заф. Сайидзода, М. Камолова. Душанбе: «Контраст», 2019. 222 с.
33. Рахмон Э.Ш. Таджики в зеркале истории: от арийцев до Саманидов [Tajiks in the Mirror of History: from the Aryans to the Samanids]. Душанбе, 2023. 440 с.
34. Саидов А.С. Место и роль института президентства в политической системе общества: на материалах Таджикистана [The Place and Role of the Institution of Presidency in the Political System of Society: Based on Materials from Tajikistan]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2005.
35. Саидов Х.С. Республика Таджикистан и Российская Федерация: стратегическое партнерство в действии: научная монография [The Republic of Tajikistan and the Russian Federation: strategic Partnership in action: a scientific monograph]. Душанбе: РТСУ, 2018. 238 с.
36. Саидов Ш.Ш. Исламский фактор и его влияние на политические процессы центральноазиатского региона (на материалах Республики Таджикистан) [Islamic Factor and its Influence on Political Processes in the Central Asian Region (Based on Materials from the Republic of Tajikistan)]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2015. 175 с.
37. Сайидзода З.Ш. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики [Interstate Relations of the Republic of Tajikistan During the Formation of its Foreign Policy]: дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.15. История международных отношений и внешней политики (исторические науки). Душанбе, 2016.
38. Сайфудинов Г.А. Особенности формирования политической культуры в суверенном Таджикистане [Features of the Formation of Political Culture in Sovereign Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2006.
39. Сангинов Н.Н. «Гибридные войны» и их влияние на национальную безопасность Республики Таджикистан [«Hybrid Wars» and Their Impact on the National Security of the Republic of Tajikistan]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2019.
40. Сатторзода А. О политической культуре властной элиты Центральной Азии [On the Political Culture of the Ruling Elite of Central Asia] // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз: маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон (Таджикистан и современный мир: Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан). 2009. № 1(20).
41. Сафарализода Х.К. Хусусиятҳои таъмини амнияти идеологии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити соҳибистиклолӣ (Особенности обеспечения идеологической безопасности Республики Таджикистан в условиях независимости) [Features of Ensuring Ideological Security of the Republic of Tajikistan in the Conditions of Independence] // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз: маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон (Таджикистан и современный мир: Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан). 2023. № 2(82).

42. Сафиев К.И. Информационная безопасность Республики Таджикистан в контексте современного политического процесса: сущность и приоритеты ее обеспечения [Information Security of the Republic of Tajikistan in the Context of the Modern Political Process: the Essence and Priorities of its Provision]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2014.
43. Тоджвев Ф.Н. Эмомали Рахмон – основатель и руководитель внешней политики Республики Таджикистан: 1992–2018 гг. [Emomali Rahmon - the Founder and Head of Foreign Policy of the Republic of Tajikistan: 1992–2018]: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. Душанбе, 2020.
44. Фардин Б. Проблемы и процессы постсоветского развития Таджикистана и его особенности [Problems and Processes of Post-Soviet Tajikistan Development of and its Features]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2011.
45. Фаттоев С.С. Социально-политические конфликты и их особенности в условиях трансформации общества: на материалах Республики Таджикистан [Social and Political Conflicts and Their Features in the Context of Society Transformation: Based on the Materials of the Republic of Tajikistan]: дисс. ... д-ра философ. наук. Душанбе, 2012.
46. Хайдаров Р.Д. Формирование новых общественных отношений в Таджикистане [Formation of New Social Relations in Tajikistan]: дисс. ... канд. философ. наук. Душанбе, 2000.
47. Хидирзода М.У. Таҳавулоти идеологӣ ва дигаргуниҳои сиёсӣ: моҳият ва хусусияти онҳо дар ҷомеа (Идеологические изменения и политические изменения: их сущность и характер в обществе) [Ideological Changes and Political Changes: Their Essence and Character in Society] // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз: маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон (Таджикистан и современный мир: Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан). 2022. № 1(77).
48. Хомидов Д.Б. СМИ в контексте информационной политики и информационной безопасности Республики Таджикистан [Mass Media in the Context of Information Policy and Information Security of the Republic of Tajikistan]: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.10. Душанбе, 2012.
49. Шамолов А.А. Политическая культура Центральной Азии: традиции и модернизация [Political Culture of Central Asia: Traditions and Modernization] // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз: маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон (Таджикистан и современный мир: Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан). 2009. № 1(20).
50. Шамсов Т.И. Политические режимы и их особенности в условиях Центрально-Азиатского региона (сравнительный анализ) [Political Regimes and Their Features in the Conditions of the Central Asian Region (Comparative Analysis)]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе: Тадж. нац. ун-т., 2015. 154 с.
51. Шарипов С.И. Демократизация политических процессов в современном Таджикистане [Democratization of Political Processes in Modern Tajikistan]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Душанбе: Тадж. гос. пед. ун-т имени К.Ш.Джураева, 2001. 310 с.
52. Шарипова К.С. Национальная безопасность Республики Таджикистан в контексте региональных и международных вызовов [National Security of the Republic of Tajikistan in the Context of Regional and International Challenges]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2017.
53. Шозимов П.Д. Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане [Tajik identity and state building in Tajikistan]: дисс. ... д-ра философ. наук: 09.00.11. Душанбе, 2006.
54. Ятимов С.С. Хомейнизм и внешнеполитическая идеология Исламской Республики Иран в новой системе международных отношений [Khomeinism and Foreign Policy Ideology of the Islamic Republic of Iran in the New System of International Relations]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2002. 309 с.
55. Emadi H. State, Ideology and Islamic Resurgence in Tajikistan // Central Asian Survey. 1994. Vol. 13. No. 2. P. 249–260.
56. Epkenhans T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space. Lanham: Lexington Books, 2016. 320 p.
57. Heathershaw J. Tajikistan amidst globalization: state failure or state transformation? // Central Asian Survey. 2009. Vol. 28. No. 2. P. 145–164.
58. Heathershaw J., Herzig E. The Political Economy of Education in Central Asia: Country Case Studies. London: Routledge, 2024. 234 p.
59. Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 2007. 241 p.
60. Levi-Sanchez S. Bridging State and Civil Society: Informal Organizations in Tajik / Afghan Badakhshan. Ithaca: Cornell University Press, 2017. 276 p.

61. Nourzhanov K., Bleuer C. Tajikistan: A Political and Social History. Canberra: ANU Press, 2013. 432 p.
62. Thibault H. The Secular and the Religious in Tajikistan. London: Routledge, 2018. 222 p.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 июня 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликована: 1 сентября 2025 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akilova M.M. The Relationship between Religious and Secular Culture in the Tajikistan Society: History and Modernity: Theses ... CandSc. (Philosoph.): 09.00.14. Dushanbe, 2021 [In Russian].
2. Atoev S. Formation of Political Consciousness in the Context of Democratization of Society: from the Experience of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2001 [In Russian].
3. Akhmedov Sh.R. Democratic Regime: Specifics of Formation and Development: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe: TNU, 2011:142 [In Russian].
4. Babaev K. Features of the Formation and Development of Political Pluralism in Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2021 [In Russian].
5. Water Diplomacy of Emomali Rahmon: From the First Step to Global Partnership. Documents, Speeches and Materials. 1999–2024. Compiled by Sirojiddin Mukhriddin. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir» [Ves Mir Publishers], 2024:420 [In Russian].
6. Dadabaeva Z.A. Features of the Evolution of National Relations in the Republic of Tajikistan: Theses ... DSc. (Polit.). Dushanbe, 2002:296 [In Russian].
7. Zakhruddinov I.Z. State Independence and Ways of its Strengthening in the Modern Conditions of Globalization: On the Example of the Republic of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 5.5.2. Dushanbe, 2023 [In Russian].
8. Zokirov G.N. Mountain Region (Geopolitical Studies). Dushanbe, “Er-graf” 2016:152 [In Tajik].
9. Zokirov G.N. Political Violence. Dushanbe: “Er-graf”, 2018:132 [In Tajik].
10. Iskandarov K. Afghanistan during the Period of the Government of National Unity. Political Processes and Security Issues. Dushanbe, 2021:352 [In Russian].
11. Karimov Sh.T. The Role of Non-Governmental Organizations in the Formation of Civil Society in Tajikistan: a Political Science Analysis: Theses ... DSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2016:292 [In Russian].

12. Kasymov A.A. Dominant Trends and Prospects of Party Building in the Republic of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2021 [In Russian].
13. Komilbek A.Y. Низоми идоракунии сиёсӣ дар Тоҷикистон: таҳлили назариявӣ-амалӣ [System of Political Governance in Tajikistan: Theoretical and Practical Analysis]. Dushanbe: Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Academy of Public Administration Under the President of the Republic of Tajikistan], 2022:187 [In Tajik].
14. Komilbekov A.Y. Political Management in the Modern Political Process: Based on Republic of Tajikistan Materials: Abstract of Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2014 [In Russian].
15. Komilova H.G. The Republic of Tajikistan in the System of International Relations and Geopolitical Coordinates in the Context of the New World Order (Regional Format): Theses ... DSc. (History): 07.00.15. Dushanbe, 2021 [In Russian].
16. Kuvvatzoda S.Z. Сиёсати об ва истифодаи самараноки захираҳои обӣ дар шароити кишварҳои Осиёи Марказӣ [Water Policy and Efficient Use of Water Resources in the Context of Central Asian Countries]: Theses ... DSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe, 2023 [In Tajik]. Available from: <https://tnu.tj/index.php/tj/uvvatzoda-sajdullo-zuvajd/>.
17. Kuddusov H.S. National Idea and its Specific Features in the Context of Gaining Independence: the Experience of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2011 [In Russian].
18. Kurbanov R.G. Political Parties in the Republic of Tajikistan: Formation, Problems, Forecast: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2014 [In Russian].
19. Kurbonova Z.M. Features of Conflict Resolution and Conflict-Generating Situations in a Changing World (Based on Materials from the Central Asian Republics): Theses ... DSc. (Polit.). Dushanbe, 2020:330 [In Russian].
20. Maitdinova G.M. Tajikistan in the Geopolitical Structure of Central Eurasia (in the Middle of the Second Decade of the 21st Century): Monograph. Dushanbe: RTSU, 2020:455 [In Russian].
21. Masov R.M. History of a Clumsy Division. Dushanbe: «Irfon» [Irfon], 1991 [In Russian].
22. Mahmadbekzoda M.Sh. International and Regional Migration Processes in the Context of Modern Globalization (Political Science Analysis): Theses ... DSc. (Polit.). Dushanbe, 2024:378 [In Russian].
23. Makhmadov P.A. Information Security in the System of Political Communication: Status and Priorities of Provision (Based on Materials from Central Asian States): Theses ... DSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe, 2018:323 [In Russian].
24. Murodova N.S. Масъалаҳои модернизатсияи сиёсӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: хусусиятҳои асосӣ, шаклҳои амалишавӣ ва натиҷаҳои он [Issues of Political Modernization in the Republic of Tajikistan: Features, Forms of Implementation and Results]: Theses ... DSc. (Polit.): 6D.KOA001. Dushanbe, 2022:265 [In Tajik]. Available from: <https://tnu.tj/DisserPhD/6D.KOA-001/MurodovaNS/MurodovaNS.pdf>.
25. Muhammad A. National assimilation; prospects for the development of a sovereign Tajik state. Dushanbe: Imperial Group, 2017:160 [In Russian].
26. Nazarov P.S. Features of the Formation and Development of the Political Regime in Sovereign Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.). Dushanbe: TNU, 2004:170 [In Russian].
27. Nazarov U.Q. Ideological Security as an Instrument of Political Stability of the Republic of Tajikistan. Tadjhikistan i sovremennyj mir: Centr strategicheskikh issledovanij pri Prezidente RT [Tajikistan and the Modern World: Center for Strategic Studies Under the President of the Republic of Tajikistan]. 2023; 4(84):87–94 [In Russian].
28. Pirnazarov E.A. The Place and Role of the Intelligentsia in Political Life: Based on Materials from Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2004 [In Russian].
29. Rakhmatova Z.D. Religious Radicalism Among the Youth of Tajikistan: Prerequisites for its Emergence, Specificity and Ways to Prevent it: Abstract of Theses ... CandSc. (Philosophy): 09.00.14. Dushanbe, 2020 [In Russian].
30. Rakhmon E. Independence of Tajikistan and the Revival of the Nation. Vol. 1. Dushanbe, 2004 [In Russian].
31. Rahmon E.Sh. Wise Thoughts and Sayings of the President of Tajikistan, the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation Emomali Rahmon. Dushanbe: «Kontrast» [Contrast], 2017:464 [In Tajik].
32. Rahmon E.Sh. On the Modern World and the Main Aspects of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan / Ed. by Zaf.Sayidzoda, M.Kamolov. Dushanbe: «Kontrast» [Contrast], 2019:222 [In Tajik].
33. Rahmon E.Sh. Tajiks in the Mirror of History: from the Aryans to the Samanids. Dushanbe, 2023:440 [In Russian].
34. Saidov A.S. The Place and Role of the Institution of Presidency in the Political System of Society: Based on Materials from Tajikistan: Abstract of Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2005 [In Russian].
35. Saidov H.S. The Republic of Tajikistan and the Russian Federation: strategic Partnership in action: a scientific monograph. Dushanbe: RTSU, 2018:238 [In Russian].
36. Saidov Sh.Sh. Islamic Factor and its Influence on Political Processes in the Central Asian Region (Based on Materials from the Republic of Tajikistan): Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2015:175 [In Russian].
37. Sayidzoda Z.Sh. Interstate Relations of the Republic of Tajikistan During the Formation of its Foreign Policy: Theses ... DSc. (History): 07.00.15. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences). Dushanbe, 2016 [In Russian].
38. Saifudinov G.A. Features of the Formation of Political Culture in Sovereign Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2006 [In Russian].
39. Sanginov N.N. “Hybrid Wars” and Their Impact on the National Security of the Republic of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe, 2019 [In Russian].
40. Sattorzoda A. On the Political Culture of the Ruling Elite of Central Asia. Тоҷикистон ва Ҷаҳони Имрӯз: Маркази Тадқиқоти Стратегии Назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Tajikistan and the Modern World: Center for Strategic Research under the President of the Republic of Tajikistan]. 2009; 1(20) [In Russian].
41. Safaralizoda H.K. Хусусиятҳои Таъмини Амнияти Идеологии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Шароити Соҳибистиқлолӣ [Features of Ensuring Ideological Security of the Republic of Tajikistan in the Conditions of Independence]. Тоҷикистон ва Ҷаҳони Имрӯз: Маркази Еадқиқоти Стратегии Назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Tajikistan and the Modern World: Center for Strategic Research under the President of the Republic of Tajikistan]. 2023; 2(82) [In Tajik].
42. Safiyev K.I. Information Security of the Republic of Tajikistan in the Context of the Modern Political Process: the Essence and Priorities of its Provision: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2014 [In Russian].
43. Tojev F.N. Emomali Rahmon – the Founder and Head of Foreign Policy of the Republic of Tajikistan: 1992–2018: Theses ... CandSc. (History): 07.00.15. Dushanbe, 2020 [In Russian].
44. Fardin B. Problems and Processes of Post-Soviet Tajikistan Development of and its Features: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe, 2011 [In Russian].
45. Fattoev S.S. Social and Political Conflicts and Their Features in the Context of Society Transformation: Based on the Materials of the Republic of Tajikistan: Theses ... DSc. (Philosophy): 09.00.11. Dushanbe, 2012 [In Russian].
46. Khaidarov R.D. Formation of New Social Relations in Tajikistan: Theses ... CandSc. (Philosophy): 09.00.11. Dushanbe, 2000 [In Russian].
47. Khidirzoda M.U. Таҳавулоти Идеологӣ ва Дигаргуниҳои Сиёсӣ: Моҳият ва Хусусияти Онҳо дар Ҷомеа [Ideological Changes and Political Changes: Their Essence and Character in Society]. Тоҷикистон ва Ҷаҳони Имрӯз: Маркази Тадқиқоти Стратегии Назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Tajikistan and the Modern World: Center for Strategic Research Under the President of the Republic of Tajikistan]. 2022; 1(77) [In Tajik].
48. Khomidov D.B. Mass Media in the Context of Information Policy and Information Security of the Republic of Tajikistan: Theses ... CandSc. (Philology): 10.01.10. Dushanbe, 2012 [In Russian].
49. Shamolov A.A. Political Culture of Central Asia: Traditions and Modernization. Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз: маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Tajikistan and the Modern World: Center for Strategic Research under the President of the Republic of Tajikistan]. 2009; 1(20) [In Russian].
50. Shamsov T.I. Political Regimes and Their Features in the Conditions of the Central Asian Region (Comparative Analysis): Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe: Tadjh. Nac. Un-t [TNU]. 2015:154 [In Russian].
51. Sharipov S.I. Democratization of Political Processes in Modern Tajikistan: Theses ... DSc. (Polit.): 23.00.02. Dushanbe: Tadjh. gos. ped. un-t imeni K.Sh.Dzhuraeva [Tajik State Pedagogical University named after K.Sh.Dzhuraev], 2001:310 [In Russian].
52. Sharipova K.S. National Security of the Republic of Tajikistan in the Context of Regional and International Challenges: Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe, 2017 [In Russian].
53. Shozimov P.D. Tajik identity and state building in Tajikistan: Theses ... DSc. (Philosophy): 09.00.11. Dushanbe, 2006 [In Russian].
54. Yatimov S.S. Khomeinism and Foreign Policy Ideology of the Islamic Republic of Iran in the New System of International Relations: Theses ... DSc. (Polit.): 23.00.04. Dushanbe, 2002:309 [In Russian].
55. Emadi H. State, Ideology and Islamic Resurgence in Tajikistan. Central Asian Survey. 1994; 13(2):249–260 [In English].

56. Epkenhans T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space. Lanham: Lexington Books, 2016:320 [In English].
57. Heathershaw J. Tajikistan amidst globalization: state failure or state transformation? Central Asian Survey. 2009; 28(2):145–164 [In English].
58. Heathershaw J., Herzig E. The Political Economy of Education in Central Asia: Country Case Studies. London: Routledge, 2024:234 [In English].
59. Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 2007:241 [In English].
60. Levi-Sanchez S. Bridging State and Civil Society: Informal Organizations in Tajik / Afghan Badakhshan. Ithaca: Cornell University Press, 2017: 276 [In English].
61. Nourzhanov K., Bleuer C. Tajikistan: A Political and Social History. Canberra: ANU Press, 2013:432 [In English].
62. Thibault H. The Secular and the Religious in Tajikistan. London: Routledge, 2018:222 [In English].

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 13, 2025. Approved after review: July 10, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Научная статья

УДК 339.56

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-211-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-211-223)

Политические науки

Военно-техническое сотрудничество Китая со странами Магриба

Анастасия Дмитриевна Стеняева ✉

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

anastasiya.stenyaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8938-1143>

Аннотация. В статье анализируется военно-техническое сотрудничество Китая со странами Магриба (на примере Алжира, Марокко и Туниса). За последние два десятилетия КНР значительно увеличила свое присутствие в странах Магриба – Алжире, Марокко и Тунисе. Проблемой исследования является выявление причин, условий, направлений, тенденций и перспектив развития сотрудничества Китая и стран Магриба в военно-технической сфере. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на развитие военного сотрудничества между сторонами. Автор приходит к выводу, что сотрудничество Китая со странами Магриба в военно-технической сфере неразрывно связано со стратегическими интересами КНР в регионе, такими как обеспечение безопасности китайского бизнеса, инвестиций, инфраструктуры и граждан. Исследование показало, что взаимодействие Китая с Алжиром в военно-технической области осуществляется на наиболее высоком уровне. Это выражается в поддержке государственной политики и в передаче своему партнеру современной военной техники для обороны. Марокко и Тунис, несмотря на тесные отношения с западными партнерами, также стремятся развивать сотрудничество с КНР. Автор полагает, что отношения в военно-технической области между Китаем и странами Магриба будут наращиваться ввиду взаимной заинтересованности сторон. Предложены основные направления дальнейшего развития военно-технического сотрудничества государств. Сделан вывод, что африкано-китайское сотрудничество в сфере безопасности может стать успешной моделью межгосударственного сотрудничества; укрепление военно-технического сотрудничества в сочетании с растущими торговыми и

энергетическими связями демонстрирует сближение между странами Магриба и Китаем.

Ключевые слова: Китай, Магриб, Алжир, Марокко, Тунис, внешняя политика КНР, военно-техническое сотрудничество, безопасность, вооружение

Для цитирования: Стеньяева А.Д. Военно-техническое сотрудничество Китая со странами Магриба // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 211-223, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-211-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-211-223)

Original Article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-211-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-211-223)

China's Military-Technical Cooperation with the Maghreb Countries

Anastasia D. Stenyayeva ✉

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

anastasiya.stenyayeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8938-1143>

Abstract. The article analyses China's military-technical cooperation with Maghreb countries, using Algeria, Morocco and Tunisia as examples. Over the past two decades, China has significantly increased its presence in these countries. The aim of the research is to identify the causes and conditions for the development of such cooperation, as well as its trends and prospects. Special attention is paid to analysing factors influencing the growth of military cooperation. The author concludes that this cooperation is closely linked to China's strategic interests, including ensuring the security of its businesses, investments and citizens in the region. The study also shows that China's cooperation with Algeria is at a high level in the military field. This is reflected in the support of government policy and in the transfer of modern military equipment for defense to its partners. Morocco and Tunisia, despite their close relations with Western partners, are also striving to develop cooperation with China. The author believes that military-technical relations between China and the Maghreb countries will increase due to mutual interest of the parties. Main directions of further development of military-technical cooperation between states are proposed. It is concluded that African-Chinese cooperation in security can become a successful model of inter-state cooperation. Strengthening of military-technological cooperation, combined with increasing trade and energy ties, demonstrates the rapprochement of Maghreb states with China.

Keywords: China, North Africa, Maghrib, Algeria, Morocco, Tunisia, foreign policy of China, military-tech cooperation, security, armament

For citation: Stenyayeva A.D. China's Military-Technical Cooperation with the Maghreb Countries. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 3(17): 211-223. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-211-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-211-223)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что по мере углубления в мире геополитических, региональных, внутрисударственных проблем, обострения экономических противоречий и всплеска проявлений международного терроризма военно-техническое сотрудничество (ВТС) становится все более важной составляющей межгосударственных отношений. В настоящее время оценка Пекином Африки как континента больших возможностей способствовала активизации африканской политики Китая, в том числе в военно-технической сфере.

Для Китая экспорт вооружений представляет собой инструмент укрепления своего политического влияния, средство усиления позиций Китая в борьбе с Западом за лидерство в развивающемся мире. В то же время активная политика Китая в регионе создает реальную угрозу вытеснения России с традиционных для нее рынков в странах Северной Африки.

Это вызывает необходимость анализа причин, направлений, тенденций и перспектив развития ВТС Китая и данных стран. Потребность в проведении исследования связана также с недостаточной теоретической разработкой проблем ВТС.

Цель статьи состоит в выявлении основных направлений и перспектив развития политики Китая в отношении стран Северной Африки в военно-технической сфере.

Содержащиеся в работе положения и выводы могут быть использованы для принятия Россией необходимых мер в целях укрепления ее позиций на рынке вооружений в странах Магриба, в научно-исследовательских работах, посвященных дальнейшей теоретической разработке вопросов военно-технического сотрудничества Китая со странами Магриба.

Материалы и методы

В систему методов, положенных в основу исследования, вошли: диалектический, историко-логический, системный, формально-юридический, сравнительно-аналитический, статистический, а также методы количественного и качественного анализа, синтеза. При написании работы использованы: документ «Политика КНР в отношении Африки»¹, выступления, совместные заявления руководителей государств, данные статистики о военно-техническом сотрудничестве Китая и стран Магриба и пр.

¹ 中国对非洲政策文件 [Документ «Политика КНР в отношении Африки»] // 外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 05.12.2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/201512/t20151205_7949942.shtml.

Результаты исследования

В последние годы наблюдается усиление взаимодействия КНР со странами Магриба в различных областях, в том числе в военно-технической сфере. Марокко, Алжир и Тунис видят в сотрудничестве с Китаем возможность привлечь крупные инвестиции в развитие инфраструктуры, активизировать внешнюю торговлю, повысить уровень национальной безопасности. Страны Магриба ценят принцип невмешательства во внутренние дела других государств, которого придерживается Пекин. Внешняя политика КНР, по мнению директора Института международных исследований Китая Су Гэ, основывается не на создании альянсов, а на установлении прочных двусторонних связей, построенных на «принципах равенства, мира и открытости». Такая модель отношений не требует от Китая демонстрации лидерства и минимизирует вероятность разделения мира на противостоящие лагеря, исключая понятие «враги»².

Таким образом, сотрудничество КНР с государствами Магриба ориентировано на создание равных, паритетных отношений на созидательных, а не конкурентно-деструктивных началах, в противовес западной модели межгосударственных отношений. Профессор Китайского народного университета Тао Вэньчжао отмечает: «Действия Запада в Африке резко отличаются от того, что делает Китай. Запад занимает доминирующую позицию, тогда как взаимодействие с Китаем строится на равных, дружественных началах. Запад, в отличие от Китая, оказывает «помощь» лишь при выполнении ряда условий. Запад вмешивается во внутренние дела, тогда как Китай этого не делает; западная модель принесла несчастья, а китайская – надежду»³.

Провозглашение внешнеполитической концепции «выхода вовне» способствовало активизации экономических связей КНР в Североафриканском регионе, а реализация инициативы «Один пояс – один путь» стала дополнительным фактором, стимулирующим их развитие. В 2015 г. был опубликован документ «Политика КНР в отношении Африки», в котором излагаются ключевые задачи сотрудничества между Китаем и странами Африки в разных областях⁴. Отдельный пункт документа посвящен вопросам мира и безопасности, который предусматривает углубление сотрудничества в военно-технической сфере, обмена по военной линии, проведение совместных учений, участие китайских специалистов в подготовке военнослужащих из африканских стран. Таким образом, Китай нацелен на поддержку государств континента в укреплении национальной обороны и обеспечении

безопасности в регионе. Отметим, что по сравнению с первым документом, содержащим план сотрудничества КНР со странами Африки, опубликованным в 2006 г., данный пункт был расширен⁵.

В связи с необходимостью обеспечения защиты своих граждан и устранения угроз, представляющих опасность стабильному функционированию китайских предприятий в Африке, Пекин все чаще поднимает вопрос о сотрудничестве в сфере безопасности. Так, в своем выступлении на церемонии открытия пекинского саммита Форума китайско-африканского сотрудничества в 2024 г. Си Цзиньпин подчеркнул значимость взаимодействия КНР и стран Африки в области безопасности. Он особо отметил готовность Китая оказывать помощь африканским государствам в укреплении их обороноспособности, для чего им будет предоставлена безвозмездная военная помощь в размере 1 млрд юаней. Финансирование будет использовано для подготовки 6 тыс. военнослужащих и 1 тыс. сотрудников правоохранительных органов, а также для привлечения 500 молодых африканских военных офицеров в Китай для обучения⁶.

Военно-техническое сотрудничество Китая с Алжиром, Марокко и Тунисом обусловлено его статусом надежного лицензированного производителя военной техники, что дополняется адаптивной ценовой политикой – низкими ценами, возможностью предоставления кредитов на приобретение вооружения. Такая стратегия КНР в отношении государств Магриба обусловлена его долгосрочными интересами в регионе, прежде всего в целях обеспечения своих позиций на рынках сбыта ВПК рассматриваемых стран и стимулирования развития китайского ВПК. Вместе с тем Китай стремится к обеспечению региональной безопасности на принципах инклюзивного диалога, прагматизма и полицентризма в контексте противодействия экстремизму, терроризму, организованной преступности.

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI)⁷, в период с 2010 по 2020 г. на страны Северной Африки (главным образом – Алжир и Египет), приходилось 49% экспорта военной продукции КНР на континент. В начале 2010-х гг. вследствие стремительного развития военной промышленности Китай резко увеличил объем экспорта вооружений: с 2003 по 2012 г. зафиксирован рост на 162%, в результате чего страна вошла в пятерку крупнейших поставщиков оружия⁸. Именно в этот период – с 2010 г., после начала волнений в арабском мире, страны Магриба стали активно наращивать закупки вооружения.

5 中国对非洲政策文件 [Документ «Политика КНР в отношении Африки»] //中华人民共和国中央人民政府 [Государственный совет КНР]. 12.01.2006. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_212161.htm.

6 习近平在中非合作论坛北京峰会开幕式上的主旨讲话 // 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный совет КНР]. 05.09.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202409/content_6972495.htm.

7 Trends in World Military Expenditure, 2023 // SIPRI. 2024. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-04/2404_fs_milex_2023.pdf.

8 Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>.

2 苏格 [Су Гэ]. 习近平外交战略思想全面领航 [Комплексный анализ дипломатической стратегии Си Цзиньпина] // 国际问题研究 [Международные исследования]. 2016. № 5. С. 1–17.

3 陶文昭 [Тао Вэнь Чжао]. 中国模式的非洲效应 [Результаты действия китайской модели в Африке] // 国际问题研究 [Международные исследования]. 2009. № 1. С. 37–41.

4 中国对非洲政策文件 [Документ «Политика КНР в отношении Африки»] // 外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 05.12.2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/201512/t20151205_7949942.shtml.

Так, с 2003 по 2012 г. Алжир поднялся с 22-го на 6-е место среди крупнейших импортеров оружия, Марокко – с 69-го места на 12-е, при этом значительный объем поставок пришелся на 2011–2012 гг. В эти годы Алжир закупил у Китая три фрегата F-22A, а Марокко получило 54 танка Туре-90-II.

В 2023 г. военные расходы стран Северной Африки достигли 28,5 млрд долл., демонстрируя рост на 38% по сравнению с 2022 г. и на 41% по сравнению с 2014 г. Большая часть расходов в регионе (82%) приходится на Алжир и Марокко⁹. Можно выделить ряд факторов, которые вынуждают Марокко и Алжир укреплять свои вооруженные силы. Во-первых, два государства являются стратегическими соперниками, между которыми идет в том числе и гонка вооружений – усиление военного потенциала одной страны автоматически приводит к ответным мерам со стороны другой. Во-вторых, Марокко и Алжир имеют давние разногласия по вопросу Западной Сахары: Марокко считает эту территорию своей, а Алжир поддерживает движение Фронт ПОЛИСАРИО, выступающее за независимость Западной Сахары. Это создает постоянную напряженность между двумя странами, что также стимулирует их к наращиванию военного потенциала. В-третьих, в Алжире, Марокко и сопредельных государствах фиксируется рост активности террористических группировок, например, «Аль-Каиды в Исламском Магрибе»^{*10} [1, с. 123-147]. Таким образом, Алжир и Марокко используют военные закупки как инструмент для укрепления своей безопасности и влияния в регионе.

Китай продает в Северную Африку 42% от всего экспорта вооружений в Африку [2, с. 74-77]. Китай активно продвигает экспорт вооружения в страны Магриба, что обусловлено рядом факторов, одним из которых является стремление африканских государств модернизировать и усилить свои вооруженные силы, поскольку часть их боевой техники устарела. Более того, Алжир, Марокко и Тунис преследуют цель диверсификации источников поставок военной техники для обеспечения бесперебойного снабжения в экстренных ситуациях. Немаловажную роль играет недостаточная эффективность собственных военных научно-исследовательских центров в этих странах.

Китай заинтересован в расширении сотрудничества с Алжиром, Марокко и Тунисом в сфере борьбы с терроризмом. В рамках своей стратегии взаимодействия с арабским миром Пекин намерен усилить взаимные визиты военных министров, расширить обмен военными специалистами, углубить сотрудничество в области вооружений, оборудования и специализированных технологий, а также проводить совместные военные учения. В дополнение к этому Китай стремится укрепить антитеррористический потенциал арабских государств и создать механизм долгосрочного партнерства в сфере безопасности. Для этого планируется расширение политического диалога и налаживание эффективного обмена разведывательными данными, а также совместные проекты в сфере технологий и профессиональной

9 Там же.

10 * «Аль-Каида в странах исламского Магриба» признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории РФ.

подготовки специалистов, направленные на противодействие растущей террористической угрозе¹¹.

Среди стран Магриба отношения Китая с Алжиром находятся на наиболее высоком уровне – в 2014 г. государства установили отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с целью укрепления взаимодействия в различных областях, в том числе в сфере вооружений, безопасности и космических технологий¹². На протяжении десятилетий основным поставщиком оружия в Алжир был СССР, а затем – Россия; в 2012 г. доля РФ составила 93% импорта вооружений Алжира¹³. До недавнего времени Алжир импортировал в основном стрелковое оружие из Китая, но в последнее десятилетие ситуация изменилась, и сейчас он выступает одним из ключевых африканских заказчиков китайского оружия.

Китайско-алжирское сотрудничество получило новый импульс в 2016 г., когда Китай стал вторым по величине поставщиком вооружения в Алжир: на Россию пришлось 60% импорта военного оборудования Алжира, на Китай – 15%. Подобная тенденция сохраняется до сих пор¹⁴ (рисунок): по состоянию на 2024 г. крупнейшими импортерами оружия в Алжир являются Россия (48%), Китай (19%) и Германия (14%). В 2017 г. Алжир стал третьим крупнейшим покупателем китайского вооружения (10%), опередив страны Юго-Восточной Азии, традиционно занимавшие это место. В 2023 г. Алжир потратил на вооружение 18,3 млрд долл., что на 76% больше, чем в 2022 г. Это наиболее высокий уровень военных расходов, когда-либо зафиксированный в стране, и самый большой показатель роста на континенте за год¹⁵.

За последние 15 лет Китай продал Алжиру такие виды оружия, как 155-мм самоходные гаубицы PLZ-45, зенитные ракетные комплексы малой дальности FM-90, реактивные системы залпового огня SR-5, противокорабельные ракеты средней дальности C-802, корветы C-28A, противолодочные корабли Туре-037 Hainan, а также беспилотные летательные аппараты CH-4 и WJ-700, бронетранспортеры Туре-07 и WZ-502. В 2018 г. Алжир приобрел современную китайскую сверхзвуковую крылатую ракету CX-1, а в 2022 г. стал первым государством, получившим новую противокорабельную ракету CM-302 [3, с. 58-68].

Военно-техническое сотрудничество двух стран вышло на новый уровень после запуска алжирского спутника с космодрома «Сичан», расположенного в провинции Сычуань, с помощью ракеты-носителя «Чанчжэн-3В» в декабре 2017 г. Alcomsat-1, созданный в сотрудничестве с Китайской аэрокосмической научно-технической

11 中国对阿拉伯国家政策文件 [Документ «Политика КНР в отношении арабских стран»] // 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный совет КНР]. 13.01.2016. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-01/13/content_5032647.htm.

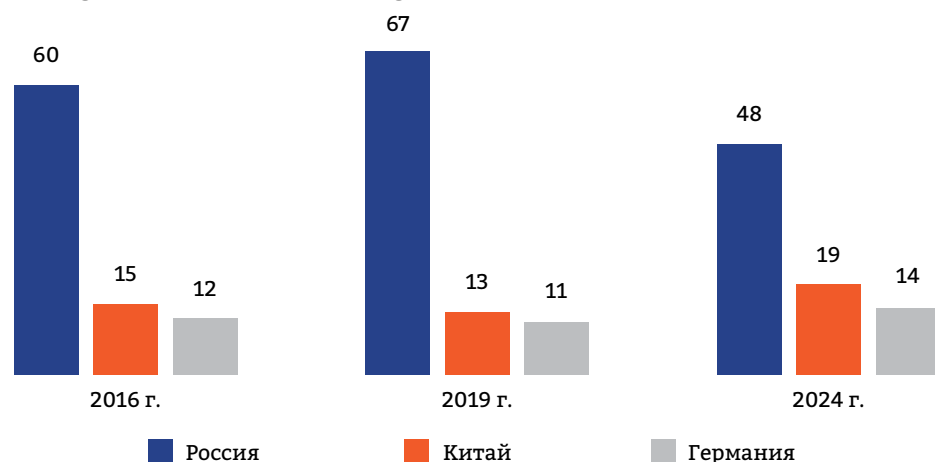
12 中华人民共和国和阿尔及利亚共和国关于建立全面战略伙伴关系的联合公报 [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Алжирской Народной Демократической Республики об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства] // 外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 26.02.2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zili_ao_674904/1179_674909/201402/t20140226_7947472.shtml.

13 Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>.

14 Там же.

15 Trends in World Military Expenditure, 2023 // SIPRI. 2024. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-04/2404_fs_milex_2023.pdf.

Рисунок. Крупнейшие импортеры оружия в Алжир (%)
Figure. Largest Arms Importers to Algeria (%)

корпорацией (CASC), стал первым спутником связи Алжира и первым совместным проектом Китая и Алжира в космической сфере. Он используется не только для гражданских целей, но также улучшает качество сигнала со спутниковой системы навигации – GPS, ГЛОНАСС, Galileo¹⁶. Координацией работы спутника занимаются специалисты Алжирского космического агентства, которые прошли обучение в Китае. Экс-президент Абдельазиз Бутефлика подчеркнул, что этот запуск является важным шагом в развитии сотрудничества Китая и Алжира в космической области, что служит ярким свидетельством традиционной дружбы между двумя государствами¹⁷.

В последние два десятилетия заметно расширились и укрепились китайско-марокканские связи. Во многом этому способствовало выдвижение КНР инициативы «Один пояс – один путь» в 2013 г. Марокко, несмотря на устойчивые связи с западными странами, также наращивает военно-техническое сотрудничество с КНР. Об этом свидетельствует подписание в 2016 г. двустороннего соглашения об установлении отношений стратегического партнерства. Стороны обязались поддерживать высокий уровень сотрудничества в военной сфере: укреплять взаимодействие в области военной подготовки, поощрять обмены между военными учебными заведениями обеих стран и осуществлять взаимные визиты военных кораблей в порты обеих стран¹⁸.

16 Attia S. L'Algérie lance son premier satellite de télécommunications // Jeune Afrique. 11.12.2017. URL: <https://www.jeuneafrique.com/501179/economie-entreprises/lalgerie-lance-son-premier-satellite-de-telecommunications/>.

17 نيصلنا نم تالاصتاللي يعانص رفق لواء قالط نلعت رئا زجال اي ناي حل نامثع [Ляхьяни О. Алжир объявляет о запуске первого спутника из Китая] // The New Arab. 11.12.2017. URL: <https://www.alaraby.co.uk/رائزجال/القالط نلعت رئا زجال>.

18 中华人民共和国和摩洛哥王国关于建立两国战略合作伙伴关系的联合声明 [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Королевства Марокко об установлении отношений стратегического партнерства] // 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный совет КНР]. 12.05.2016. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-05/12/content_5072463.htm.

США остаются основным поставщиком оружия в Марокко, однако в настоящее время наблюдается тенденция развития и расширения военно-технического сотрудничества королевства с Китаем. В 2017 г. Марокко приобрело китайский зенитный ракетный комплекс DK-10, в 2020 г. – реактивные системы залпового огня PHL-03, в 2022 г. – разведывательно-ударные беспилотные летательные аппараты GJ-2, в 2023 г. – противотанковый ракетный комплекс HJ-9A¹⁹. Следует отметить, что в 2021 г. Китай стал вторым по величине поставщиком оружия в Марокко, его доля составила 14%.

В феврале 2025 г. посол КНР в Марокко Ли Чанлинь заявил, что, несмотря на то, что военное сотрудничество между странами пока не достигло уровня, свойственного отношениям Марокко с традиционными союзниками, военно-техническое взаимодействие между Китаем и Марокко демонстрирует устойчивый рост. Он также отметил, что между сторонами ведется активный диалог, направленный на повышение интенсивности военного сотрудничества²⁰.

Военно-технические связи Китая с Тунисом исторически были слабо развиты ввиду приверженности африканской страны государствам Запада, однако в последние годы ситуация стала меняться. Президент Туниса стремится к проведению суверенной политики страны, нацеленной на освобождение от чрезмерного западного влияния и утверждение достойного места государства в многополярном мире. В своих публичных выступлениях Каис Саид призывает граждан к принятию решительных действий по укреплению суверенитета страны, противостоянию иностранному вмешательству и продвижению курса, ориентированного на национальные интересы. Одним из ключевых шагов на этом пути стало решение отказаться от кредита МВФ и прекратить с ним переговоры, т.к. выполнение условий предоставления пакета финансовой помощи дестабилизирует политическую обстановку в стране и приведет к ухудшению материального положения населения²¹.

Тем не менее уязвимое положение, в котором оказалась экономика Туниса в последние годы (галопирующая инфляция, высокий уровень безработицы, ослабление внутренней валюты, низкие темпы роста, а также последствия пандемии коронавируса), может привести страну к полномасштабному кризису. Власти Туниса рассматривают альтернативный путь решения данной проблемы – присоединение к БРИКС для получения субсидий от Нового банка развития.

19 Liam D. Morocco fields Chinese HJ-9A (Red Arrow 9) anti-tank missile system // Military Africa. 01.06.2023. URL: <https://www.military.africa/2023/06/morocco-fields-chinese-hj-9a-red-arrow-9anti-tank-missile-system/>.

20 برغمل نيب قطاسولل «دالبا دادعتسا نلعي طابرباب ينيصلال ريفسلا. صاخ راوح. يديم ح [Хамиди М. Эксклюзивное интервью. Посол Китая в Рабате заявляет о готовности своей страны выступить посредником между Марокко и Алжиром] // Moroccan depth. 10.02.2025. URL: <https://al3omk.com/1041781>.

21 «طورشمال» [Ганми М. Президент Туниса вновь заявляет об отказе от «условного» кредита МВФ] // Al Arabiya. 06.06.2023. URL: <https://www.alarabiya.net/north-africa/سيئزل/يلودلا دقنلا قودنص ضررق دكوي يسنوتلا سيئزل>.

Расширение сотрудничества в рамках БРИКС даст возможность перейти на взаиморасчеты в национальных валютах, получить необходимые ресурсы, технологии и квалифицированные кадры через взаимовыгодный обмен с другими странами объединения²².

Таким образом, Тунис углубляет отношения с Россией и Китаем, постепенно отходя от своих традиционных партнеров – ЕС и США. В 2024 г. между Китаем и Тунисом были установлены отношения стратегического партнерства²³. Как показывает опыт других африканских стран, Пекин может использовать свое положение кредитора последней инстанции, чтобы получить влияние на местном уровне.

Полагаем, что ввиду взаимной заинтересованности сторон сотрудничество между Китаем и странами Магриба в военно-технической области имеет значительный потенциал. Дальнейшее развитие взаимодействия возможно по таким направлениям, как:

- поставки в регион современных образцов вооружений и военной техники;
- создание в Алжире, Марокко и Тунисе совместных предприятий по сборке китайских вооружений или производству отдельных компонентов, что позволит странам Северной Африки развивать собственный ВПК, а КНР – укрепить свои позиции в регионе;
- обучение военнослужащих и технических специалистов из стран Магриба;
- совместные военные учения;
- технологический обмен для модернизации государствами региона существующих вооружений и военной инфраструктуры;
- борьба с терроризмом, в том числе обучение Китаем антитеррористических подразделений и обмен разведанными;
- сотрудничество в области космической деятельности, в том числе развитие спутниковых технологий;
- морское сотрудничество – поставки Китаем кораблей, патрульных катеров и систем береговой обороны, т.к. страны Магриба имеют выход к Средиземному морю, что делает их стратегически важными партнерами для КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

²² 外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [Пресс-конференция представителя МИД Ван Вэньбиня] // 外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 10.04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhs1_673025/202304/t20230410_11057054.shtml.

²³ 中华人民共和国和突尼斯共和国关于建立战略伙伴关系的联合声明 [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Тунисской Республики об установлении отношений стратегического партнерства] // 外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 31.05.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web//zyxw/202405/t20240531_11367022.shtml.

Обсуждение

За последние два десятилетия КНР значительно увеличила свое присутствие в странах Магриба – Алжире, Марокко и Тунисе. Сотрудничество Китая со странами Магриба в военно-технической сфере неразрывно связано со стратегическими интересами КНР в регионе, такими как обеспечение безопасности китайского бизнеса, инвестиций, инфраструктуры и граждан. Сотрудничество КНР с государствами Магриба ориентировано на создание равных, паритетных отношений. Стратегия КНР в отношении государств Магриба обусловлена его долгосрочными интересами в регионе. Политика Китая по активному продвижению экспорта вооружения в страны Магриба соответствует их интересам модернизировать и усилить свои вооруженные силы. Взаимодействие Китая с Алжиром в военно-технической области осуществляется на наиболее высоком уровне. Это выражается в поддержке государственной политики и в передаче своему партнеру современной военной техники для обороны. Марокко и Тунис, несмотря на тесные отношения с западными партнерами, также стремятся развивать сотрудничество с КНР. Есть тенденция, что отношения в военно-технической области между Китаем и странами Магриба будут наращаться ввиду взаимной заинтересованности сторон.

Выводы

Китай и страны Северной Африки стремятся к взаимовыгодному сотрудничеству в военно-технической сфере, избегая при этом вмешательства во внутренние дела друг друга. На сегодняшний день африканско-китайское сотрудничество в сфере безопасности может стать успешной моделью межгосударственного сотрудничества. Увеличение количества сделок подтверждает, что китайское оружие является привлекательным для стран Северной Африки. Укрепление военно-технического сотрудничества в сочетании с растущими торговыми и энергетическими связями демонстрируют сближение между странами Магриба и Китаем.

Список источников

1. Дейч Т.Л., Кулькова О.С. Проблемы мира и безопасности в сотрудничестве Китая со странами Африки [Peace and Security Issues in China's Cooperation with African States] // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 123–147. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-123-147>.
2. Савичева Е.М., Бребдани А.М. Фактор Китая в Северной Африке [The Chinese Factor in North Africa] // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 74–77. <https://doi.org/10.31857/S032150750024411-4>.
3. Zoubir Y. Algeria and China: Shifts in political and military relations // Global Policy. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 58–68.
4. 苏格 [Су Гэ]. 习近平外交战略思想全面领航 (Комплексный анализ дипломатической стратегии Си Цзиньпина) [A Comprehensive Analysis of Xi Jinping's Diplomatic Strategy] // 国际问题研究 (Международные исследования). 2016. № 5. С. 1–17.

5. 陶文昭 [Tao Wen Zhao]. 中国模式的非洲效应 (Результаты действия китайской модели в Африке) [The Results of the Chinese Model in Africa] // 国际问题研究 (Международные исследования). 2009. № 1. С. 37-41.

Информация об авторе

СТЕНЬЯЕВА Анастасия Дмитриевна. Аспирант кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. <https://orcid.org/0009-0007-8938-1143>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. anastasiya.stenyayeva@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 марта 2025 г. Одобрена после рецензирования: 28 апреля 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Deich T., Kulkova O. Peace and Security Issues in China's Cooperation with African States. *Puti k i miru bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]*. 2023; 2(65):123-147 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-123-147>.
2. Savicheva E.M., Brebdani A.M. The Chinese Factor in North Africa. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*. 2023; 2:74-77 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S032150750024411-4>.
3. Zoubir Y. Algeria and China: Shifts in political and military relations. *Global Policy*. 2022; 14(1):58-68 [In English].
4. 苏格 [SuGe]. 习近平外交战略思想全面领航 (A Comprehensive Analysis of Xi Jinping's Diplomatic Strategy). *国际问题研究 Mezhdunarodnye issledovaniya [International Studies]*. 2016; 5:1-17 [In Chinese].
5. 陶文昭 [Tao Wen Zhao]. 中国模式的非洲效应 (The Results of the Chinese Model in Africa). *国际问题研究 Mezhdunarodnye issledovaniya [International Studies]*. 2009; 1:37-41 [In Chinese].

About the author

Anastasia D. STENYAEVA. Postgraduate student of the Department of Oriental and African Studies at the Faculty of Humanities and Social Sciences at the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. <https://orcid.org/0009-0007-8938-1143>. Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. anastasiya.stenyayeva@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 17, 2025. Approved after review: April 28, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Потенциал прогнозирования военно-политической обстановки в условиях международного конфликта: история и современность

Артем Андреевич Костерин✉

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
Kosterin.a1917@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу международного конфликта, его социально-политическим показателям, а также определению информативных источников, используемых для прогнозирования динамики условий обстановки. Проводится частный ретроспективный, сопоставительный и компаративный анализ военно-политической обстановки в контексте целостного социально-практического явления, сопутствующего международному противостоянию. Автор обращает внимание на особенности существующей типологизации международных конфликтов, их функциональных определителей и соответствующих им нормативных регуляторов. В том числе производится многомерная оценка военно-политической составляющей международного конфликта и выявляются ключевые направления по поиску и фиксации их наиболее значимых социально-политических процессов. Предлагается альтернативная типологизация международных конфликтов современного мира в зависимости от предметной направленности прогнозирования с учетом факторных аспектов военно-политической обстановки. Направление публикации сосредоточено на выявлении прямых и латентных процессов, способных

оказывать влияние на возможность фрагментации прогнозного фона, а также определении наиболее релевантного способа прогнозирования выбранной области социальных отношений. В том числе внимание автора сосредоточено на особенностях формирования и протекания международных конфликтов в условиях применения участниками данного явления существующих социально-политических технологий. Совокупная многомерность параметров военно-политической обстановки, специфика ее генезиса и особенности трансформации рассматриваются с позиции прогностической актуализации и, соответственно, потенциала управления ею в условиях современности. Подчеркивается важность комплексного исследования потенциала прогнозирования военно-политической обстановки с позиции ее институционального влияния на международный конфликт.

Ключевые слова: военно-политическое прогнозирование, международный конфликт, процессы, показатели, прогнозный фон

Для цитирования: Костерин А.А. Потенциал прогнозирования военно-политической обстановки в условиях международного конфликта: история и современность // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 224-237, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-224-237](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-224-237)

Original Article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-224-237](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-224-237)

Potential for Forecasting the Military-Political Situation in the Context of International Conflict: History and Modernity

Artem A. Kosterin✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
Kosterin.a1917@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of an international conflict, its socio-political indicators, and the identification of sources used to predict its dynamics. A separate retrospective, relative and comparative analysis of the military-political situation is carried out in the context of the holistic socio-practical phenomenon that accompanies the international confrontation. The author draws attention to the features of the typology of international conflicts and their functional determinants, as well as their regulatory mechanisms. Among other things, a multidimensional assessment of the military component of the conflict is conducted, and key areas for identifying and monitoring the most significant socio-political processes are identified. An alternative typology of international conflicts of the modern world is proposed depending on the subject orientation of forecasting and taking into account factors of the military-political situation. The publication focuses on identifying direct and latent processes that may influence the possibility of fragmentation of the background for prediction, as well as

on determining the most appropriate way to predict in a chosen area of social relations. In particular, attention is paid to the peculiarities of formation and development of international conflicts through the use of socio-political techniques by participants in the phenomenon. The multidimensionality, specificity and transformation of the parameters of military-political situations are considered in terms of their predictive actualization and potential management in modern times. The importance of a comprehensive study of the potential for forecasting the military-political situation from the perspective of its institutional impact on international conflict is emphasized.

Keywords: military and political forecasting, international conflict, processes, indicators, forecast background

For citation: Kosterin A.A. Potential for Forecasting the Military-Political Situation in the Context of International Conflict: History and Modernity. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 3(17): 224-237. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-224-237](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-224-237)

Введение

Прогнозирование изменения характеристик военно-политической обстановки международного конфликта является и остается предметом активных дискуссий и выражает перманентную значимость. Говоря о прогнозировании, стоит отметить особое положение данной деятельности, ее особенностей и функциональной значимости в изучении международных конфликтов. Несомненно, прогнозирование, как функция управления, имеет прямое отношение к планированию и в большей степени относится к уровню «стратегического», то есть непосредственно связано с осуществлением функций в области международных отношений. Тем самым определяются направленность применения прогнозирования (его типов, видов и способов) в механизме межгосударственных коммуникаций по однородным категориям взаимодействия. Цель исследования заключается в изучении, выявлении и фиксации параметров военно-политической обстановки, ее показателей, особенностей генезиса и специфики трансформации в условиях современных международных конфликтов. В том числе в комплексном изучении влияния существующих социально-политических технологий на протекание тех явлений, которые оказывают влияние на прогнозирование ключевых процессов международного противостояния.

Выбранное направление обуславливается потребностью в изучении особенностей изменчивости процессов современных международных конфликтов, их поливариантного развития и специфики создаваемой степени непредсказуемости. В том числе в неоднозначности роли нормативных регуляторов в современных международных конфликтах. Асимметричная оценка параметров и показателей социально-политического «ядра» международного противостояния – военно-политической обстановки – может позволить в достаточной мере понять, каким образом возможно реализовывать функциональную направленность прогнозирования в интересах обеспечения государственной безопасности. Представленная автором альтернативная типологизация военно-политической обстановки в рамках изучения ее прогнозного потенциала может позволить расширить понимание некоторых аспектов современного международного конфликта, которые могут

являться первопричинными. В том числе представленные результаты комплексного анализа позволяют рассматривать международное противостояние с точки зрения неоднородного взаимодействия разнородных параметров и их показателей в системе формирования социально-политических сил.

Материалы и методы

Теоретической основой данной публикации стали источники о базовых характеристиках международного конфликта и их особенностях, – работы ученых различных научных направлений. За основу взяты такие концепции, как: субъектно-акторное взаимодействие С.Л.Рубинштейна; теория международного конфликта П.Сорокина; теоретические разработки Д.Норта и К.Лазерфельда в области институционального воздействия «глубинных» политических процессов, способных влиять на динамику международных отношений.

Методологическим фундаментом послужили такие направления, как: ретроспективный анализ международных конфликтов; компаративный анализ отечественных и зарубежных источников по исследованиям международных конфликтов; сопоставительный анализ различных научных направлений в изучении военно-политической обстановки международного конфликта; комплексный анализ параметров и показателей военно-политической обстановки в интересах оценки ее прогнозного потенциала.

В рамках исследования выдвигается гипотеза о влиянии асимметричных процессов военно-политической обстановки современных международных конфликтов на ключевые направления развития динамики процессов, сопутствующих общей изменчивости международного противостояния на стратегическом уровне управления.

Результаты исследования

Теоретико-методологический аспект прогнозирования стратегического уровня определяет направленность в способах совокупной оценки параметров и состоятельность используемой метрики изучения факторного влияния [14]. Целесообразно отметить, что стратегический уровень определяет в том числе и параметры, которые имеют отношение не только к фактически существующим процессам или явлениям, но и к потенциальным, еще не свершенным и не существующим в рамках изучаемой предметной области. В категориальном сравнении такие процессы носят скрытый (латентный) характер и могут расцениваться как потенциальные носители неопределенности или выражающие условную степень энтропии. Тем не менее в рамках международного конфликта латентные процессы могут принимать стохастическое значение скорее для одной или нескольких сторон,

которые изолированы из процедуры полноценно взаимодействующих участников. Взаимодействие существующих и латентных процессов международного конфликта выражается в многомерном противостоянии и, как правило, способно перетекать в военный конфликт. Взаимодействие социально-конфликтологических параметров такого противостояния и является направлением сосредоточения прогнозирования в интересах управления военно-политической обстановкой [17].

Военно-политическую обстановку как предметную область прогнозирования целесообразно рассматривать с позиции набора коммуникационных параметров системы взаимодействия однородных информационных носителей и характерных признаков, отражающих качественные индикаторы возникновения процессов, их протекания, трансформации и стагнации [11]. Соответственно, возникает вопрос об определении типологических особенностей прогнозирования и выявлении его релевантных функций, которые способны наиболее валидно представить необходимую информацию для планирования деятельности конкретной стороны международного конфликта. В этом случае нормативный тип прогнозирования может быть использован для оценки собственного военно-политического потенциала, наиболее актуальные направления которого могут быть обозначены в объеме соотношения имеющихся ресурсов к предполагаемым рискам в подобном информационно-мерном спектре [4]. В свою очередь, поисковый тип прогнозирования будет направлен на выявление превентивных направлений в отношении недопущения наиболее негативных сценариев и/или на фрагментированное обобщение возможностей по противодействию существующим и латентным процессам [6]. Обобщенное применение прогнозирования – его функций и аналитических инструментов – позволяет судить о целевом применении данной формы работы с различного рода информацией. С точки зрения достижения генеральной цели прогнозирования – предоставления верифицированной информации для управленческого решения – целесообразно рассмотреть применимость методологических особенностей прогнозистики в конкретной предметной области.

Рассматривая военно-политическую обстановку в качестве области реализации функций прогнозирования, стоит обратить внимание на применимость и направленность данной составляющей. В данном случае функциональная реализация прогнозирования в оценке динамики военно-политической обстановки будет обуславливаться особенностями информационных носителей, выбираемых в качестве факторных. Соответственно, приоритетные носители информации, определяемые в спектре условной значимости, будут сегментироваться и получать удельное значение, иметь степень изолированности, а также занимать определенное положение в механизме обработки информации. Тем самым будет обуславливаться возможность реализации функций прогнозирования и определяться конкретная направленность в их использовании: от диагностики показателей до фиксации степени значимости каждого из них в общей системе информационной компоновки [7]. В таком случае набор функций прогнозирования может быть рассмотрен в качестве набора инструментария, необходимого для сопоставления количественных параметров процессов и их качественных признаков.

Актуализация прогнозирования в оценке и определения спектра динамики военно-политической обстановки и особенностей совокупной изменчивости может быть рассмотрена как вариативно-адаптивный механизм функционального применения как нормативного, так и поискового прогнозирования [3]. В этом случае предлагаемый механизм будет предполагать воздействие на информативные источники с позиции целевого назначения, где направленность каждой функции будет определена следующим образом:

1. Ориентирующая функция, направленная на выявление оптимального направления действий субъекта международного конфликта, исходя из приращения генеральной цели к существующим перспективным рискам (угрозам). Для института международного урегулирования – определяет наиболее характеризующие показатели конфликта и помогает разрабатывать теоретико-методологические инструменты управленческого воздействия [16].

2. Предупредительная функция, определяющая направление сосредоточения усилий на сохранение устойчивости конкретного тренда, выражающаяся в соотношении собственных сил и средств к подобным категориям стороны антагониста в международном конфликте. Для института международного урегулирования – позволяет выявлять вероятностные сценарии развития процессов исходя из соотношения существующих нормативно-правовых регуляторов к степени междисциплинарного вовлечения внутренних и сторонних сил, средств и предметной области генезиса конфликта [10].

3. Предписывающая функция, направленная на изучение возможности формирования механизмов нормативно-правового, социально-экономического, военно-политического регулирования и описание их адаптивной трансформации в зависимости от комплексной изменчивости обстановки в зоне международного конфликта. Для института международного урегулирования – позволяющая производить оценку актуальных процессов с позиции изучения наиболее релевантных направлений как в регулировании существующего конфликта, так и в управлении его последствиями [15].

Выделенный набор функционального назначения прогнозирования в оценке изменчивости военно-политической обстановки может указывать на определенного рода универсальность в управлении процессами международного конфликта. В подтверждение данному суждению целесообразно обратить внимание на ретроспективные закономерности, зафиксированные, описанные и имеющие достаточную полноту в объективизации процессов международного конфликта. Соответственно, возникает потребность в альтернативной типологизации предметной области прогнозирования с позиции актуальной репрезентативности социально-политических процессов и релевантности их потенциала верификации.

Наиболее релевантной формой выражения военно-политической обстановки может стать приращение ее показателей к их репрезентативности в создании прогнозного фона. В интересах изучения потенциала прогнозирования целесообразно

стратифицировать ВПО с позиции следующих направлений в изучении ее динамики: а) предсказуемая предупреждаемая динамика; б) предсказуемая не предупреждаемая динамика; в) непредсказуемая «казуистическая» динамика (*casus belli*). Выбранная стратификация ориентирована на определение методических направлений в применении типов прогнозирования и их функций в формировании предметно-целевой области сосредоточения ресурсов, времени и сил. Целесообразным отображением указанной стратификации может выступать набор следующих факторов:

1. Предсказуемая предупреждаемая динамика характеризуется полнотой сведений о субъектах международного конфликта, фактологических характеристиках генезиса конфликта, соотношении сил и средств сторон конфликта, а также о существующих нормативных регуляторах конфликта, которые имеют ретроспективную результативность (эффективность).

2. Предсказуемая не предупреждаемая динамика может быть выражена через такие показатели, как высокая степень достоверности сведений о субъектах международного конфликта, научно обоснованная однозначность фактологических характеристиках происхождения конфликта, устойчивая комбинаторика в соотношении сил и средств сторон конфликта, но не существует нормативных регуляторов конфликта, имеющих однозначную (эффективную) ретроспективную результативность.

3. Непредсказуемая «казуистическая» динамика отражает такие свойства, как частичная неизвестность обо всех явных субъектах международного конфликта, неоднозначность или неполная известность фактологических характеристик происхождения конфликта, соотношение сил и средств сторон конфликта претерпевают стратегическую изменчивость, отсутствуют нормативные регуляторы конфликта, имеющие ретроспективную результативность.

Данная стратификация определяет набор необходимых прогнозных параметров военно-политической обстановки, по которым будет осуществляться информационное обеспечение. Соответственно, такими параметрами будут являться:

а) технологические характеристики международного конфликта, выражаемые в ситуативной специфике способов, мер и инструментов конструирования субъектно-акторной коммуникации;

б) социально-управленческие характеристики военно-политической обстановки, обуславливающие причинно-следственный аспект протекания международного конфликта;

в) кризисные характеристики нормативного вмешательства, определяющие основные направления воздействия институтов международного права на социально-политические процессы международного конфликта;

г) социально-политические показатели прогнозного фона, по оценке которых будет формироваться исходная процедурная программа прогнозирования;

д) комплексные характеристики информационных носителей, сведения которых будут использованы для оценки потенциала прогнозирования;

е) конфликтологические индикаторы военно-политической обстановки, используемые для фиксации показателей изменчивости социально-политических процессов международного конфликта.

Указанные параметры могут быть рассмотрены как основные компоненты прогнозного фона, учитываемые для оценки военно-политической обстановки с целью управления ее динамикой. Применительно к ретроспективным особенностям некоторых международных конфликтов предложенная типологизация и параметры прогнозного фона могут быть рассмотрены на некоторых примерах.

Начиная с 1900 г. и по настоящее время наша история знает более двадцати конфликтов, характеризующихся институтами международного права как международные военные конфликты. Одним из наиболее ярких событий, характеризующих специфику показателей военно-политической обстановки международного конфликта, является Первая мировая война. Предпосылками к возникновению данного международного кризиса, ввиду глобального соприкосновения интересов, являлись «обычные» или «понятные» причины социально-политического и экономического толка. С точки зрения изучения потенциала прогнозирования стоит обратить внимание на отношение данного противостояния к предлагаемой типологизации и компоновке предложенных параметров. Обращая внимание на то, что Первая мировая война обуславливается таким свойством, как вовлечение большей части существовавших в тот момент стран и/или союзов, то данный конфликт имеет причинное свойство «мирового» международного конфликта. Таким образом, притяжательность к возможности прогнозирования динамики процессов в данном событии может быть отнесена к непредсказуемому «казуистическому» типу прогнозного потенциала. Данное суждение опирается на высокую изменчивость кросс-региональных коммуникаций международного конфликта мирового уровня.

В рамках параметров, предложенных для изучения прогнозного потенциала, Первую мировую войну можно стратифицировать по следующим параметрам:

а) технологические характеристики ситуативной специфики способов, мер и инструментов конструирования субъектно-акторной коммуникации опираются на превалирование интересов конкретной стороны конфликта. Соответственно, для достижения необходимых задач, где первичная – развязывание войны, используются методологические особенности структуры коммуникативного взаимодействия между субъектами конфликта (страны и союзы) и акторами (репрезентативная группа кооперативных (союзных) интересов и наднациональные институты);

б) социально-управленческие характеристики конфликта выражались через поиск точек соприкосновения интересов: религия, родственные связи, корпоративные связи, экономическая выгода, «враг моего врага» и т.п., которые могли быть использованы в качестве стратегического ориентирования. Данные переменные являются смыслообразующими («понимающими») для подхода в оценке военно-политической обстановки. В том числе комбинаторика данных

переменных обуславливает причинно-следственный аспект протекания конфликта и, соответственно, характер изменчивости военно-политической обстановки;

в) кризисные характеристики нормативного вмешательства были оформлены после возникновения явной перспективы завершения конфликта. Основные направления воздействия институтов международного права на социально-политические процессы международного конфликта осуществлялись постфактум и через санкционную регламентацию стран (союзов) победителей;

г) социально-политическими показателями прогнозного фона выступали сведения о характере действия стран (союзов) в условиях противостояния. Особое значение имеют такие действия, как формирование новых социально-экономических плацдармов для перспективного поствоенного развития отраслевого направления конкретного субъекта или актора международного конфликта. Соответственно, исходная процедурная программа прогнозирования будет преломлять характеристики фактической деятельности участников конфликта к приращению исходных (базовых) причин генезиса существующего противостояния;

д) комплексные характеристики информационных носителей, сведения которых могут быть использованы для оценки потенциала прогнозирования, отражали свойства самих носителей в системе коммуникативного взаимодействия;

е) конфликтологические индикаторы военно-политической обстановки соответствовали прямо обусловленным действиям субъектов и акторов международного конфликта. Используемые для фиксации изменчивости социально-политических процессов международного конфликта показатели выражались через процедурный тандем обеспечения однозначного достижения генеральной цели, выражаемой через симметричное воздействие по степени признака генезиса конфликта.

Предусмотренный набор параметров может быть выражен как комплексный шаблон в оценке потенциала прогнозирования международного конфликта. Тем не менее остается одна особенность, которая определяет противостояние как международный военный конфликт.

В данном случае особое место занимает фактологическая особенность закономерной изменчивости любого международного конфликта – его перерастание в противостояние интересов с применением военной (военизированной) силы [2]. В таком случае целесообразно дифференцировать ретроспективный фон международных конфликтов по таким направлениям, как:

- а) причинный или следственный характер применения военной силы;
- б) возникновение коалиционных сил конфликта (если да, то до активной фазы или после);
- в) утрата статуса носителя легитимных военных сил в завершении урегулирования конфликта.

Данный перечень может иметь особую форму описания конкретных процессов международного конфликта в контексте оценки и изучения военно-политической обстановки. В том числе в тех процессах, которые способны породить новые

конфликты междисциплинарной формы на фоне многомерной изменчивости статусно-ролевой позиции как прямых участников, так и сторонних [18]. В таком случае мы можем увидеть, что подавляющее большинство международных конфликтов двадцатого века носит характер перманентного соприкосновения с военной силой. С научной точки зрения такая особенность носит характер технологических требований, используемых для оценки развития военно-политической обстановки: если участник конфликта имеет военные силы и средства, то он их применит [8].

Многомерное взаимодействие конфликтологических параметров международного противостояния принимает форму системы сценарных позиций, опирающихся на ситуативную изменчивость каждого выделенного параметра. С позиции их прогностического потенциала: соотношение применения функций прогнозирования к существующим закономерностям процессов, данное взаимодействие носит сценарный характер. Особое место в верификации показателей процессов, сопутствующих военно-политической обстановке, носит достоверное определение роли и места каждого выбранного явления. Целесообразно полагать, что современные международные конфликты, вне зависимости от интенсивности, могут рассматриваться исходя из следующих оцениваемых категорий: а) территориальные особенности субъектов конфликта; б) предметно-стратегические особенности, где территориальное положение будет позиционироваться как информация о собственно субъектном намерении участника международного конфликта и о его прокси-потенциале [1]. Соответственно, предметно-стратегические особенности будут нами рассматриваться с позиции оценки фактической и потенциальной возможности полноты (качества) перехода субъекта международного конфликта от тактической концепции противостояния к стратегической. Стоит обратить внимание на то, что разделение тактического и стратегического уровней обусловлено оценкой возможности создания и поддержания жизнедеятельности механизма конвертирования ресурсов в резервы. В данном случае речь идет о расширении комбинаторики переменных военно-политических показателей до уровня, который обуславливает расширение применительного спектра и, как следствие, увеличивает возможность включения сторонних сил и средств – резервов [12].

Потенциал прогнозирования военно-социальных процессов может быть оценен только в том случае, если изучены и учтены все переменные процессов военно-политической динамики: от полноценно прямых (явных) до скрытых (латентных) [13]. Учитывая вышеперечисленные параметры прогнозного фона, создаваемого военно-политической обстановкой, стоит обратить внимание на особенности эвристического нарратива. Одной из таких особенностей является предметно-образная специфика военно-политических процессов, которая не способна отобразить всестороннюю «осязаемость» показателей данных процессов. Протекающие процессы, вовлекающие в свою динамику социальный компонент, не могут быть выражены однозначно по причине фактической неизвестности направлений их изменчивости в тех условиях, которые могли еще не произойти [5]. Такая поливариантность в условиях эвристической неопределенности обременяет

прогнозный фон профицитом неverified информации, что, в свою очередь, может создавать как социально-управленческий, так и технологический «коллапс» в принятии решения. Другая особенность выражается в специфике оценки переменных военно-политической обстановки, которые в современных условиях могут иметь отношение к надстройкам или глубинным процессам [9]. Совокупное отображение указанных процессов, их параметров и показателей представляет собой то множество сценариев, которые могут развиваться в том направлении, в котором будет достигнут преломляющий перевес удельного значения каждого из них.

Целесообразное применение прогнозирования в управлении военно-политической обстановкой предопределяется соотношением возможностей институтов международного урегулирования к степени угрозы возможных последствий конфликта. Соответственно, результирующий показатель решения на применение сил и средств миротворческой направленности будет зависеть от того, насколько валидно будет проведена всесторонняя оценка прогнозного фона текущей обстановки [19]. В таком случае изучением прогнозного потенциала современных международных конфликтов может стать процедура частичного и частного переосмысления: теоретического и методологического плана, содержательных характеристик не только «официального» генезиса военно-политической обстановки, но и «скрытых» субъектов конкретного международного кризиса. Данное направление может позволить адаптировать систему международного урегулирования под результирующее значение соотношения удельных значений тех процессов, которые будут учитываться в объективной оценке военно-политической обстановки.

Выводы

История позволяет увидеть комплексное взаимодействие участников известных международных конфликтов: от коллективно-договорных до корпоративно-предметных. Во многом эти отношения имеют закономерный характер и выражают ту или иную степень интересов, а формируемая ими военно-политическая обстановка носит управляемый характер. Современные способы анализа информации и их технико-технологические мощности позволили снизить фактическую транзитивность происходящих процессов до минимума. А средства массовой информации и институты управления общественным мнением позволили регулировать социальную лиминальность и удерживать ее в безопасном состоянии, не позволяющем нарушать устойчивость государственного строя. Таким же образом определяется и прогностический потенциал процессов, сопутствующих военно-политической обстановке в условиях международного конфликта. Открытым остается лишь вопрос об общем признании институтами международного права существования тех акторов международных конфликтов, которых можно будет объективно разделять по влиянию на первичные (главенствующие) и вторичные (репрезентирующие уже происходящее).

Список источников

1. Бартош А.А. Прокси-война как определяющий фактор военных конфликтов XXI века [Proxy Warfare as a Determinant Factor in the Military Conflicts in the 21st Century] // Военная мысль. 2023. № 5. С. 61–74.
2. Бартош А.А. Трансформация современных конфликтов [Transformation of Modern Conflicts] // Вопросы безопасности. 2018. № 1. С. 1–18.
3. Богатырев Э.Я., Макиев Ю.Д., Малышев В.П. Анализ методов военно-политического прогнозирования [Analysis of Methods of Military-Political Forecasting] // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. Т. 3. № 2(5). С. 35–53.
4. Бойко С.И. Военно-политический потенциал в системе факторов политической стабильности [Military-Political Potential as a Factor of Political Stability] // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 1. С. 53–71.
5. Васильев В.В. О некоторых подходах к исследованию феномена социальной неопределенности и факторах, лежащих в его основании [On Some Approaches to the Study of the Phenomenon of Social Uncertainty and the Factors Underlying It] // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 1(37). С. 9–23. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.37.1.01>.
6. Ковзель А.А. Методы прогнозирования чрезвычайных ситуаций [Emergency Forecasting Methods] // Молодой ученый. 2021. № 51(393). С. 537–542.
7. Коврига С.В. Общие подходы и методы анализа и прогнозирования военно-политической обстановки [General Approaches and Methods of Analysis and Forecasting of the Military-Political Situation] // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Материалы XXVI международной конференции, Москва, 19 декабря 2018 г. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2018. С. 202–208.
8. Копичев О.А., Николаев А.Е. Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта [Modern Wars: Analysis of Trends in the Development of Interstate Confrontation, Classification Forms and Methods of Struggle, Formation of Signs and Criteria of Military Conflict] // Системы управления, связи и безопасности. 2021. № 1. С. 1–32. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>.
9. Лазарев А.Д. Геополитика интеграции и дифференциации в современной системе международных отношений [Geopolitics of Integration and Differentiation in the Modern System of International Relations] // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2(39). С. 130–137.
10. Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: монография [Interdisciplinary Problems of International Relations in a Global Context: Monograph] / Науч. ред.: А.У.Альбеков, А.М.Старостин. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. 324 с.
11. Подберезкин А.И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки [Assessment and Forecast of the Military-Political Situation]. М.: Юстицинформ, 2021. 1080 с.
12. Порещкова А.А. Качественная методология в политических исследованиях: особенности развития и границы применимости [Qualitative Methodology in Political Research: Features of Development and Limits of Applicability]: дисс. ... канд. полит. наук, М., 2021. 184 с.
13. Прохоренко И.Л., Алешин А.А. К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях [To the Issue of Assessing States' Foreign Policy Potential in Forecasting Studies] // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 12–22.
14. Селиванов А.И. Методологические платформы и методы стратегического прогнозирования: мировой опыт и российский потенциал [Methodological Platforms and Methods of Strategic Forecasting: World Experience and Russian Potential] // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 280–290. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7955>.
15. Семенюк А.В. Международные вооруженные конфликты и пути их урегулирования: методологические аспекты изучения проблемы [International Armed Conflicts and Ways of their Settlement: Methodological Aspects of Studying the Issue] // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 104–119.
16. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс [International Conflicts Managing as a Network Process] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 4(37). С. 33–37. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1004-0005>.
17. Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования: монография [Socio-Political Conflicts: Theoretical Concepts and Practices of Settlement. Monograph] / Л.И.Никовская, О.М.Михайленок, Л.Н.Тимофеева [и др.]; отв. ред. Л.И.Никовская, О.М.Михайленок; предисл. О.М.Михайленок; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 460 с.

18. Черкасская Г.В. Систематизация конфликтов в социально-экономических системах в контексте теории управления социальными конфликтами [Systematization of the Conflicts in the Socio-Economic Systems in the Context of the Theory of Management of Social Conflicts] // Экономика нового мира. 2017. № 4(8). С. 4–25.
19. Яковенко А.В. Новые угрозы в развитии международной обстановки. За горизонтом будущего [New Threats to the Development of International Relations. Beyond the Horizon of the Future] // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: Материалы XXI Международных Лихачевских научных чтений, Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. С. 160–163.

Информация об авторе

КОСТЕРИН Артем Андреевич. Аджункт кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Б.Садовая, 14. Kosterin.a1917@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 мая 2025 г. Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bartosh AA. Proxy Warfare as a Determinant Factor in the Military Conflicts in the 21st Century. Voennaya mysl' [Military Thought]. 2023; 5:61–74 [In Russian].
2. Bartosh A.A. Transformation of Modern Conflicts. Voprosy bezopasnosti [Security Issues]. 2018; 1:1–18 [In Russian].
3. Bogatyrev E.Y. Makiev Y.D. Malishev V.P. Analysis of Methods of Military-Political Forecasting. Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya [Civil Protection Strategy: Issues and Research]. 2013; Vol. 3, 2(5):35–53 [In Russian].
4. Boyko S.I. Military-Political Potential as a Factor of Political Stability. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie [RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations. Area studies. Oriental studies]. 2009; 1:53–71 [In Russian].
5. Vasiliev V.V. On Some Approaches to the Study of the Phenomenon of Social Uncertainty and the Factors Underlying It. Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki [MCU Journal of Philosophical Science]. 2021; 1(37): 9–23 [In Russian]. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.37.1.01>.
6. Kovzel A.A. Emergency Forecasting Methods. Molodoj uchenyj [Young Scientist]. 2021; 51(393):537–542 [In Russian].
7. Kovriga S.V. General Approaches and Methods of Analysis and Forecasting of the Military-Political Situation. Problems of Security Management of Complex Systems. Proceedings of the XXVI International Conference, Moscow, December 19, 2018. Moscow: Institut problem upravleniya im. V.A.Trapeznikova RAN [V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS], 2018:202–208 [In Russian].
8. Kopichev O. A., Nikolaev A. Y. Modern Wars: Analysis of Trends in the Development of Interstate Confrontation, Classification Forms and Methods of Struggle, Formation of Signs and Criteria of Military

- Conflict. Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti [Systems of Control, Communication and Security]. 2021; 1:1–32 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>.
9. Lazarev A.D. Geopolitics of Integration and Differentiation in the Modern System of International Relations. Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Kuzbass State Technical University]. 2004; 2(39):130–137 [In Russian].
10. Interdisciplinary Problems of International Relations in a Global Context: Monograph. Scientific editors: A. U. Albekov, A. M. Starostin. Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet «RINH» [RSUE], 2019:324 [In Russian].
11. Podberezkin A.I. Assessment and Forecast of the Military-Political Situation. Moscow: Yusticinform [Yusticinform], 2021:1080 [In Russian].
12. Porizkova A.A. Qualitative Methodology in Political Research: Features of Development and Limits of Applicability: Theses ... CandSc (Polit.). Moscow, 2021:184 [In Russian].
13. Prokhorenko I.L., Aleshin A.A. To the Issue of Assessing States' Foreign Policy Potential in Forecasting Studies. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]. 2019; 3:12–22 [In Russian].
14. Selivanov A.I. Methodological Platforms and Methods of Strategic Forecasting: World Experience and Russian Potential. Vlast' [The Authority]. 2021; 29(1):280–290 [In Russian]. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7955>.
15. Semenyuk A.V. International Armed Conflicts and Ways of their Settlement: Methodological Aspects of Studying the Issue. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2016; 3:104–119 [In Russian].
16. Senyushkina T.A., Senyushkin E.A. International Conflicts Managing as a Network Process. Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie [Azimut of Scientific Research: Economics and Administration]. 2021; Vol. 10, № 4(37):33–37 [In Russian]. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1004-0005>.
17. Socio-Political Conflicts: Theoretical Concepts and Practices of Settlement. Monograph. L.I.Nikovskaya, O.M.Mikhaylenok, L.N.Timofeeva [et al.]. ed. L.I.Nikovskaya, O.M.Mikhaylenok. Preface O.M.Mikhaylenok. FNISTC RAS. Moscow: FNISC RAN [FNISTC RAS], 2024:460 [In Russian].
18. Cherkasskaya G.V. Systematization of the Conflicts in the Socio-Economic Systems in the Context of the Theory of Management of Social Conflicts. Ekonomika novogo mira [New World Economy]. 2017; 4(8):4–25 [In Russian].
19. Yakovenko A.V. New Threats to the Development of International Relations. Beyond the Horizon of the Future. Dialogues and Conflicts Between Cultures in a Changing World. Proceedings of the XXI International Likhachev Scientific Conference, St.Petersburg, May 25–26, 2023. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskij humanitarnyj universitet profsoyuzov [St.Petersburg University of the Humanities and Social Sciences], 2023:160–163 [In Russian].

About the author

Artem A. KOSTERIN. Adjunct of the Department of Sociology at Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Address: 14, B.Sadovaya str., Moscow, 123001, Russian Federation. Kosterin.a1917@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 5, 2025. Approved after review: June 20, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Политические аспекты и особенности миграционных процессов в Кыргызской Республике: современные тенденции и вызовы

Нурлан Акимбекович Нуралиев ✉

Международный университет Кыргызской Республики, Бишкек,
Кыргызстан

erkinbek-68@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5749-8508>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу политических аспектов и особенностей миграционных процессов в Кыргызской Республике в контексте глобализации, внутренней трансформации и демографических изменений. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом масштабов внешней и внутренней миграции, оказывающей многоуровневое влияние на политическую стабильность, электоральные процессы, межэтнические отношения и социальную устойчивость государства. Исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий политологические, социологические, экономические и правовые методы анализа, что позволяет комплексно оценить последствия миграции для политической системы Кыргызстана. Особое внимание уделено роли государства в управлении миграцией, фрагментарности институциональных механизмов, а также слабой координации между ведомствами. Автор выявляет ключевые вызовы: отток трудоспособного населения, рост социальной напряженности, демографический и региональный дисбаланс, политическая мобилизация мигрантов, а также манипуляции с регистрацией избирателей, оказывающие влияние на электоральные

процессы и формирование политической культуры. Проанализированы примеры трансформации политического пространства в условиях урбанизации и внутренней миграции. Представлены практические рекомендации по совершенствованию миграционной политики Кыргызской Республики: развитие инфраструктуры в регионах, программы по социальной адаптации и интеграции мигрантов, системный мониторинг их политической активности, обеспечение правовых и социальных гарантий. Сделан вывод о необходимости выработки согласованной, долгосрочной, стратегически ориентированной политики, направленной на повышение политической инклюзивности, устойчивости институтов власти и укрепление национальной безопасности в условиях миграционной мобильности.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, миграция, политические аспекты, миграционная политика, политическая стабильность, вызовы, современные тенденции

Для цитирования: Нуралиев Н.А. Политические аспекты и особенности миграционных процессов в Кыргызской Республике: современные тенденции и вызовы // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 238-257, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-238-257](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-238-257)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-238-257](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-238-257)

Political Sciences

Political Aspects and Features of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Modern Trends and Challenges

Nurlan A. Nuraliev ✉

International University of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
erkinbek-68@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5749-8508>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of political aspects and features of migration processes in the Kyrgyz Republic in the context of globalization, internal transformation, and demographic changes. The relevance of this study is due to the rapid growth in external and internal migration, which has a multidimensional impact on political stability, election processes, inter-ethnic relations, and social stability in the country. The research was conducted using an interdisciplinary approach that combines political science, sociology, economics, and legal analysis, allowing for a comprehensive assessment of migration's impact on Kyrgyzstan's political system. Particular attention is paid to the role of the state in migration management, the fragmentation of institutional mechanisms, and poor coordination between agencies. The author identifies key challenges, including the outflow of able-bodied populations, rising social tensions, demographic and regional imbalances, political mobilization of migrants, and manipulations with voter registration that affect electoral processes and the formation of political culture. Examples of transformation of political space in urbanization and internal migration contexts are analyzed, and practical recommendations for improving Kyrgyz migration policy

are presented, including development of regional infrastructure, programs for social adaptation and integration of migrants, systematic monitoring of political activity, and provision of legal and social guarantees. It is concluded that it is necessary to develop a coherent, long-term, strategically-oriented policy aimed at increasing political inclusion, the stability of government institutions, and strengthening national security in the context of migration.

Keywords: Kyrgyz Republic, migration, political aspects, migration policy, political stability, challenges, modern trends

For citation: Nuraliev N.A. Political Aspects and Features of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Modern Trends and Challenges. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 3(17): 238-257. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-238-257](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-238-257)

Введение

Миграционные процессы играют все более значимую роль в социально-экономическом и политическом развитии Кыргызской Республики. Будучи страной с активной трудовой миграцией, Кыргызстан сталкивается с целым рядом вызовов, связанных как с внешней миграцией населения, так и с масштабной внутренней мобильностью. Эти процессы оказывают заметное влияние не только на рынок труда и демографическую структуру, но и на политические процессы, включая электоральную активность, формирование идентичности, этнополитические отношения и общую стабильность государства.

Современные тенденции в сфере миграции характеризуются усилением факторов, побуждающих граждан к перемещению как внутри страны, так и за ее пределы. При этом политическая составляющая миграции становится все более актуальной: государство вынуждено реагировать на возникающие вызовы, пересматривать приоритеты миграционной политики и разрабатывать механизмы регулирования миграционных потоков.

В контексте усиливающихся глобальных вызовов – экономической нестабильности, политической турбулентности, экологических изменений – актуализируется необходимость комплексного анализа миграции как политико-социального явления. Целью данной статьи является исследование политических аспектов миграции в Кыргызской Республике, выявление ее особенностей, современных тенденций и потенциальных рисков, а также выработка предложений по формированию эффективной миграционной политики.

Материалы и методы

В настоящем исследовании использован междисциплинарный подход, сочетающий политологический, социологический, экономический и демографический анализ, что соответствует современной практике изучения миграционных процессов [3; 6; 13]. Теоретико-методологическую базу составили

положения системного анализа, институциональной теории, а также концепции политической стабильности и социальной устойчивости в контексте миграции.

Для достижения целей исследования применены следующие методы:

- контент-анализ научных публикаций, нормативно-правовых актов Кыргызской Республики в сфере миграции, докладов международных организаций и СМИ. Это позволило выявить ключевые тенденции и вызовы миграционных процессов в политическом контексте;

- анализ статистических данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики и международных баз данных, что обеспечило количественную основу для оценки масштабов внешней и внутренней миграции, а также их динамики и географии¹;

- экспертные оценки, основанные на результатах исследований кыргызских и зарубежных ученых по вопросам миграции, политической стабильности и межэтнических отношений (напр., [1; 14; 17]). Использование экспертных данных позволило уточнить влияние миграционных процессов на электоральные практики и политическую стабильность;

- сравнительно-политический анализ опыта стран Центральной Азии и постсоветского пространства по регулированию миграционных процессов и их политических последствий [5; 10];

- кейс-стади, анализ конкретных случаев, таких как выявленные предвыборные «аномалии» массовой регистрации избирателей² и применение административного ресурса на выборах³, что позволило продемонстрировать политическую значимость миграции в электоральном процессе;

- исследование проведено с учетом региональной специфики Кыргызстана, особенностей его политической системы, этнодемографической структуры и социально-экономического положения. Системный подход позволил интегрировать полученные данные в единую аналитическую модель влияния миграции на политические процессы страны.

Результаты исследования

Миграция представляет собой многоаспектное социальное явление, которое находит отражение в экономических, демографических, культурных и особенно политических процессах. В рамках политической науки миграционные процессы

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/>.

² Больше тысячи человек по одному адресу. Расследуются предвыборные «аномалии» // Azattyq Ruhy. URL: https://rus.azattyk.org/a/rassledovanie-faktov-massovoy-registracii-v-kyrgyzstane/30440737.html?utm_source=chatgpt.com.

³ IWPR Kyrgyzstan: Выборы в Кыргызстане: Применение админресурса и подкуп останутся безнаказанными. URL: https://cabar.asia/ru/iwpr-kyrgyzstan-vybory-v-kyrgyzstane-primenenie-adminresursa-i-podkup-ostanutsya-beznakazannymi?utm_source=chatgpt.com.

рассматриваются не просто как перемещение населения, а как важный фактор, трансформирующий политическую реальность, влияющий на государственную политику, идентичность граждан, национальную безопасность и устойчивость политических режимов.

Современные исследования опираются на междисциплинарный подход, объединяя инструментарий политологии, социологии, экономики, права и демографии. Такой подход позволяет более полно и комплексно рассматривать влияние миграции на политическую сферу.

Междисциплинарный подход миграции как объект изучения требует синтеза различных теоретических и методологических основ. Как отмечает Н.Н.Бурейко, «международная миграция выходит за пределы одной дисциплины, вовлекая политологов, социологов, экономистов и юристов» [3]. Современные зарубежные исследования, такие как труды Кастельса и Миллера, также подчеркивают, что миграция является результатом глобальных дисбалансов и требует системного анализа [18]. Этот междисциплинарный характер исследований усиливает понимание взаимосвязи между миграцией и политической стабильностью, легитимностью власти и эффективностью государственного управления.

С позиции политической науки миграция рассматривается как фактор, воздействующий на:

- государственные и межгосударственные отношения;
- легитимность власти;
- формирование миграционной политики;
- трансформацию гражданской идентичности.

Ж.Зайончковская, И.Молодикова и В.Мукомель подчеркивают, что миграция оказывает влияние на «социальную ткань» общества и может стать причиной политической мобилизации, особенно в условиях экономической нестабильности [6]. Также важно учитывать влияние миграции на электоральные процессы. Например, возвращающиеся трудовые мигранты могут выступать как носители новых политических ценностей, что оказывает влияние на политическую культуру и поведение.

Миграция формирует новые социокультурные сообщества, влияет на ценностные ориентации населения и может провоцировать конфликты на этнополитической почве. К.Н.Сердюков отмечает, что при отсутствии эффективной государственной миграционной политики нарастает напряжение между коренным и мигрировавшим населением [13]. Этнополитический подход позволяет рассматривать миграцию как источник вызовов для политической идентичности и социального доверия, особенно в полиэтнических обществах, таких как Кыргызстан.

Миграционные потоки оказывают влияние на экономику как страны исхода, так и страны приема. Особенно важна роль трудовой миграции. В Кыргызстане, как подчеркивает Н.Э.Богомбаева, денежные переводы мигрантов стали важным фактором в макроэкономической стабильности, но при этом усиливают зависимость

страны от внешних факторов [2]. Однако зависимость от внешних рынков труда может делать экономику уязвимой к внешнеполитическим колебаниям, включая санкции, визовые режимы и изменения миграционного законодательства принимающих стран.

Юридические исследования подчеркивают необходимость выработки сбалансированной миграционной политики, основанной на международных обязательствах и национальных интересах. Т.А.Прудникова в своей монографии системно анализирует правовые механизмы регулирования миграции, предлагая комплексный подход к формированию миграционной политики [12].

Также значимы международные правовые инструменты: Конвенции МОТ, Конвенция о статусе беженцев (1951), Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990).

Миграция в политическом контексте представляет собой сложное явление, влияющее на широкий спектр внутривнутриполитических и международных процессов. Ее изучение требует междисциплинарного подхода, сочетающего методы политологии, социологии, экономики, права и демографии. Политологический анализ позволяет рассматривать миграцию как фактор, способный влиять на государственную стабильность, легитимность власти, формирование идентичности и миграционной политики. Социологические и этнополитические подходы подчеркивают роль миграции в трансформации социальной структуры и возможных конфликтах. Экономические исследования выявляют двойственный эффект миграции – как источника финансовой поддержки и как фактора экономической зависимости. Правовая перспектива акцентирует внимание на необходимости эффективного институционального регулирования, соблюдения международных обязательств и прав мигрантов. Таким образом, политическая миграциология формируется как самостоятельное направление научного анализа, отражающее сложность и актуальность миграционных процессов в условиях глобализации.

Кыргызстан является одним из лидеров среди стран Центральной Азии по уровню трудовой миграции. В последние десятилетия внешняя миграция приобрела особую значимость для экономики страны, так как более миллиона граждан Кыргызстана трудятся за рубежом. Основными направлениями миграции являются Россия, Казахстан, Турция, Южная Корея и страны Ближнего Востока. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, трудовые мигранты составляют значительную часть населения страны. Эта миграция имеет как позитивные, так и негативные последствия, влияющие на экономику, общество и демографическую структуру населения.

Внешняя миграция в Кыргызской Республике на сегодняшний день представляет собой устойчивое и массовое социально-экономическое явление. По официальным данным, за пределами страны трудятся от 800 тыс. до 1,2 млн граждан. Основными направлениями миграции остаются Россия, Казахстан, Турция, Южная Корея и страны Ближнего Востока. Данный процесс оказывает комплексное влияние на внутренние экономические, социальные и демографические процессы в стране.

Согласно исследованию А.Ш.Абжамиловой и Е.М.Давлетшиной, трудовая миграция стала одним из основных факторов устойчивого развития экономики Кыргызстана в условиях ограниченных внутренних ресурсов. Исследование показывает, что денежные переводы трудовых мигрантов составляют от 25 до 30% ВВП страны. Эти средства активно используются для улучшения благосостояния семей, оплаты образования, строительства жилья, а также становятся источником потребительского спроса в сельских районах страны. Таким образом, миграция компенсирует недостаток рабочих мест и низкий уровень заработной платы внутри страны, особенно в регионах с высоким уровнем бедности [1].

Однако исследование также указывает на риски чрезмерной зависимости экономики от внешних переводов. Во-первых, это делает экономику уязвимой к внешнеполитическим и экономическим колебаниям в странах приема мигрантов. Во-вторых, неустойчивость валютных курсов и санкционная политика могут повлиять на стабильность потока переводов.

В работе У.Эргешбаева, С.Макыева и Н.Кутушевой подчеркивается, что внешняя миграция в Кыргызстане становится не просто индивидуальным выбором, а социально институционализированным процессом. На протяжении последних двух десятилетий сформировались устойчивые миграционные каналы, в том числе в форме семейной миграции и «сетевой миграции», при которой родственники и знакомые способствуют интеграции новых мигрантов за рубежом. Авторы отмечают, что в структуре миграционных потоков преобладают мужчины в возрасте 20–40 лет, однако доля женщин-мигрантов растет, особенно в сфере домашнего персонала и обслуживания [17].

Кроме того, миграция оказывает влияние на социальную структуру и семейные отношения. Долгое отсутствие родителей, особенно матерей, может вести к «социальному сиротству», снижению качества воспитания и образования детей, оставшихся на попечении родственников. Отмечаются случаи депопуляции отдельных сельских районов, где в активном возрасте остаются только женщины, дети и пожилые.

В исследовании Ж.М.Кемелдиновой и Ж.Б.Алыбаева внешняя миграция рассматривается как демографический и культурный вызов. Массовый отток молодежи и трудоспособного населения влияет на структуру населения страны, в первую очередь в сельской местности. Исследование отмечает, что возрастной и гендерный дисбаланс, вызванный миграцией, может в будущем повлиять на уровень рождаемости, стабильность семейных структур и социальную адаптацию возвращающихся мигрантов [8].

Также поднимается вопрос о культурной адаптации кыргызстанцев за рубежом. В странах пребывания трудовые мигранты сталкиваются с дискриминацией, языковыми барьерами, правовой незащищенностью. Особенно уязвимыми оказываются женщины и молодежь. Это требует разработки национальной стратегии поддержки мигрантов, включая консульскую защиту, образовательные программы по подготовке к жизни за рубежом, а также проекты по реинтеграции вернувшихся граждан.

На основе анализа миграционных потоков можно выделить устойчивые географические направления (таблица 1).

Таблица 1. География и занятость мигрантов из Кыргызстана (2018–2021)
Table 1. Geography and Employment of Migrants from Kyrgyzstan (2018–2021)

Год	Оценочное количество мигрантов (млн чел.)	Основные страны назначения	Отрасли занятости
2018	~1,1	Россия, Казахстан	Строительство, сельское хозяйство
2019	~1,2	Россия, Турция	Строительство, транспорт
2020	~1,05	Россия, Южная Корея	Сельское хозяйство, производство
2021	~1,08	Ближний Восток, Россия	Строительство, услуги

Источник: данные основаны на обобщенной статистике⁴ и уточнены в научных публикациях
Source: Data Based on Generalized Statistics⁴ and Clarified in Scientific Publications

Внешняя миграция в Кыргызской Республике на современном этапе выполняет сразу несколько функций: демографическую (снижение давления на внутренний рынок труда), экономическую (поддержка внутреннего спроса через переводы), социальную (формирование новой мобильной среды). Однако одновременно с этим она создает целый спектр вызовов: демографический дисбаланс, «утечка умов», разрушение семейных связей и социальная уязвимость мигрантов.

Анализ современных исследований показывает необходимость выработки национальной стратегии управления внешней миграцией, которая включала бы:

- стимулирование реинтеграции мигрантов;
- развитие образования и подготовки трудовых кадров для работы за рубежом;
- защиту прав мигрантов за пределами страны.

Внутренняя миграция в Кыргызской Республике представляет собой устойчивый и многоплановый процесс, оказывающий существенное влияние на демографическую, социальную и политическую структуру страны. В условиях урбанизации и регионального неравенства наблюдается стабильный миграционный отток населения из южных областей (Ошская, Баткенская, Джалал-Абадская) в северные – главным образом в город Бишкек и Чуйскую область. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в 2022 г. из общего числа внутренних мигрантов 36,6% переехали в Бишкек и 61,2% – в Чуйскую область⁵.

⁴ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/>.

⁵ Каковы причины внутренней миграции в Кыргызстане // FOR.kg. 2022. URL: <https://www.for.kg/news-677043-ru.html>.

Одним из ключевых факторов внутренней миграции выступает выраженный экономический дисбаланс между регионами. Южные области страны характеризуются высокой безработицей, недостаточной инфраструктурой и ограниченными возможностями для получения качественного образования и медицинских услуг. Эти обстоятельства побуждают население к переселению в более благоприятные регионы, прежде всего в Бишкек и Чуйскую область. Согласно материалу, опубликованному на портале [articlekz.com](https://www.articlekz.com)⁶, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению южно-северных миграционных потоков, что усугубляет региональное неравенство.

Урбанизация, сосредоточение деловой и административной активности, а также наличие образовательных учреждений в столичном регионе выступают дополнительными факторами миграционного притяжения. Институт стратегических исследований при Президенте КР в своем ежегодном докладе подчеркивает, что внутренние миграции связаны с поиском социальных лифтов и адаптацией к современной экономической реальности⁷.

Вопрос внутренней миграции активно исследуется как отечественными, так и зарубежными специалистами. В публикации на портале [Contur.kz](https://www.contur.kz) подчеркивается, что внутренняя миграция носит устойчивый характер и требует институционального реагирования. Авторы делают акцент на формировании новых пространств неформальной занятости и усилении социальной фрагментации⁸.

Исследование, опубликованное на [Demoscope.ru](https://www.demoscope.ru), рассматривает внутреннюю миграцию в Кыргызстане как проявление более широких демографических процессов постсоветского периода. Там же говорится, что сокращение сельского населения ведет к деградации сельских территорий и концентрации населения в урбанизированных центрах [4].

На портале [articlekz.com](https://www.articlekz.com)⁹ представлено исследование, в котором рассматриваются электоральные последствия миграции. В нем указывается, что новые городские жители привносят измененные политические установки и формируют новые группы интересов, влияющие на исходы выборов.

По данным Национального статистического комитета КР, в 2022 г. население Бишкека составило более 20% от общего числа граждан страны¹⁰. Этот показатель демонстрирует устойчивый рост городского населения за счет миграционных потоков. Параллельно наблюдается снижение численности населения в южных районах, особенно в горных и отдаленных селах.

6 Современное состояние межобластной миграции в Кыргызстане // [Articlekz.com](https://www.articlekz.com). 2021. URL: <https://www.articlekz.com/article/34931>; Внутренняя миграция в Кыргызской Республике // [articlekz.com](https://www.articlekz.com). 2023. URL: <https://www.articlekz.com/article/8541>.

7 Миграционные процессы в Кыргызстане в период суверенитета // [Contur.kz](https://www.contur.kz). URL: <https://www.contur.kz/node/2255>.

8 Там же.

9 Внутренняя миграция в Кыргызской Республике // [articlekz.com](https://www.articlekz.com). 2023. URL: <https://www.articlekz.com/article/8541>.

10 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg>.

Стремительный прирост населения столицы оказывает серьезное давление на существующую инфраструктуру: транспорт, ЖКХ, социальные службы. Как отмечается в исследовании на портале for.kg, несанкционированное строительство и нехватка жилого фонда становятся основными вызовами для городского управления¹¹.

Внутренняя миграция порождает сложные процессы на рынке труда. По данным IA-CENTR (2021)¹², в Бишкеке и Чуйской области наблюдается рост конкуренции за рабочие места, особенно в сфере услуг и строительства. Это сопровождается увеличением неформальной занятости и социальной уязвимости мигрантов.

Миграционные процессы также трансформируют политическую карту страны. Новые избиратели, прибывшие из южных регионов, формируют альтернативные электоральные предпочтения, усиливают конкуренцию между политическими силами и влияют на результаты выборов. Исследование [articlekz.com](https://www.articlekz.com)¹³ подчеркивает рост политической активности и организацию мигрантов в новые сообщества по месту проживания.

Таблица 2. Основные направления внутренней миграции и их последствия
Table 2. Main Directions of Internal Migration and their Consequences

Направление миграции	Причины миграции	Последствия
Юг → Бишкек и Чуйская обл.	Безработица, слабая инфраструктура	Урбанизация, социальная напряженность
Районы → Областные центры	Поиск образования, медицины, работы	Старение сел, рост безработицы в городах
Граница → Центр	Безопасность, близость к центрам власти	Укрепление столичного доминирования

Источник: составлено по: [4] и материалам¹⁴
Source: Compiled from: [4] and Materials¹⁴

Кроме того, Институт стратегических исследований при Президенте КР в докладе за 2022 г. подчеркивает, что стихийный характер внутренней миграции без соответствующей инфраструктурной поддержки ведет к деградации городской

11 Каковы причины внутренней миграции в Кыргызстане // [FOR.kg](https://for.kg). 2022. URL: <https://www.for.kg/news-677043-ru.html>.

12 Проблемы кыргызской трудовой миграции // IA-CENTR. 2021. URL: <https://ia-centr.ru/events-past/29227>.

13 Внутренняя миграция в Кыргызской Республике // [articlekz.com](https://www.articlekz.com). 2023. URL: <https://www.articlekz.com/article/8541>.

14 Каковы причины внутренней миграции в Кыргызстане // [FOR.kg](https://for.kg). 2022. URL: <https://www.for.kg/news-677043-ru.html>; Миграционные процессы в Кыргызстане в период суверенитета // [Contur.kz](https://www.contur.kz). URL: <https://www.contur.kz/node/2255>; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg>; Проблемы кыргызской трудовой миграции // IA-CENTR. 2021. URL: <https://ia-centr.ru/events-past/29227>; Современное состояние межобластной миграции в Кыргызстане // [Articlekz.com](https://www.articlekz.com). 2021. URL: <https://www.articlekz.com/article/34931>.

среды, росту социальной напряженности, а также к нестабильности в пригородных районах¹⁵.

Социальные и политические последствия – массовая миграция в Бишкек и Чуйскую область усиливает урбанизацию, но также приводит к ряду проблем:

- рост нагрузки на социальную и коммунальную инфраструктуру (школы, больницы, транспорт);

- развитие неформальной застройки (ж/м, пригородные поселения);

- возникновение этнорегиональной напряженности;

- усиление региональных различий и централизация политической активности в столице.

Внутренняя миграция в Кыргызской Республике на протяжении последних лет демонстрирует устойчивую динамику. Ниже приведены обобщенные данные по числу зарегистрированных миграций населения по направлениям (таблица 3).

Таблица 3. Внутренняя миграция в Кыргызстане по регионам и возрасту (2019–2023 гг.)

Table 3. Internal Migration in Kyrgyzstan by Region and Age (2019–2023)

Год	Общее число зарегистрированных внутренних мигрантов	Основные регионы выбытия	Основные регионы прибытия	Преобладающая возрастная группа
2019	112 000	Ошская, Джалал-Абадская области	Бишкек, Чуйская область	20–39 лет
2020	108 300	Баткенская, Ошская области	Бишкек, Чуйская область	20–39 лет
2021	117 500	Джалал-Абадская, Нарынская области	Бишкек, Чуйская область	18–35 лет
2022	124 700	Ошская, Баткенская области	Бишкек, Чуйская область	20–40 лет
2023	130 800	Ошская, Джалал-Абадская области	Бишкек, Чуйская область	20–40 лет

Источник: данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹⁶
Source: Data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic¹⁶

Миграция также способствует формированию новых социальных и культурных идентичностей. Прибывающие из южных регионов мигранты вносят изменения в культурный облик столицы, распространяя новые формы общения, традиции, обычаи и даже элементы диалектов, что может восприниматься как вызов «столичной» идентичности.

¹⁵ Миграционные процессы в Кыргызстане в период суверенитета // Contur.kz. URL: <https://www.contur.kz/node/2255>.

¹⁶ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.kg>.

Таким образом, внутренняя миграция в Кыргызстане выступает важным фактором политико-социальной динамики. Она требует внимания со стороны государства: необходимо развитие комплексной стратегии пространственного развития страны, выравнивание уровня жизни между регионами, обеспечение равного доступа к базовым услугам и создание условий для интеграции мигрантов в социально-политическую структуру новых мест проживания.

Политические аспекты миграции в Кыргызстане

Миграционные процессы в Кыргызской Республике, включая как внешнюю, так и внутреннюю миграцию, оказывают комплексное воздействие на политическую стабильность страны. Они затрагивают не только сферу занятости и социальной мобильности, но и изменяют политические установки, электоральное поведение и структуру политического участия населения.

С одной стороны, трудовая миграция за рубеж (в основном в Россию, Казахстан, Турцию, Южную Корею и страны Персидского залива) служит своеобразным «клапаном» для снижения социального напряжения внутри страны. По оценкам экспертов, представленным в исследовании Ж.К.Кадыркуловой [7], отток рабочей силы в значительной степени снижает уровень безработицы и давления на рынок труда, что стабилизирует социально-политическую обстановку, особенно в экономически уязвимых регионах страны.

С другой стороны, массовая внешняя миграция сопряжена с рисками. Эмигранты, находясь вне политико-правового пространства родной страны, зачастую утрачивают прямое участие в общественно-политической жизни. Это способствует снижению политической вовлеченности и росту апатии среди определенной части населения. Как подчеркивает Т.И.Турдиев [15] в статье «Социо-эколого-экономические последствия трудовой миграции населения Кыргызстана», миграция порождает «эффект дистанции» между государством и гражданами, усиливая отчуждение и недоверие к политическим институтам.

Особое внимание в научной литературе уделяется внутренней миграции, в частности перемещению населения из южных областей в столичный регион. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики (2023)¹⁷, Бишкек и Чуйская область за последние 20 лет испытали демографический рост за счет миграционного прироста, что повлекло за собой изменения в социальной и политической структуре столицы. Как отмечает Е.Г.Гарбузарова («Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии»), новые мигранты зачастую выступают в качестве электорального ресурса, способного изменить баланс политических сил в регионе [5, с. 379].

Политическая активизация мигрантов становится особенно заметной в преддверии выборов. Они образуют новые локальные сообщества, часто

¹⁷ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg>.

объединенные региональной или этнической принадлежностью, что способствует росту влияния определенных групп на местные органы власти. При этом, как указывает Д.Б.Мальшева в аналитической статье «Политические процессы в постсоветской Центральной Азии», внутренние миграционные процессы могут способствовать поляризации электорального поля и усилению конкуренции между политическими силами, ориентированными на разные регионы [10, с. 36].

Таким образом, миграционные процессы играют двойственную роль: с одной стороны, они выступают фактором социально-экономической стабилизации, с другой – потенциальным источником политической нестабильности, особенно в условиях отсутствия эффективной государственной миграционной политики. Формирование сбалансированной и научно обоснованной стратегии регулирования миграционных потоков представляется необходимым условием для обеспечения устойчивого политического развития Кыргызстана.

Миграция и электоральная политика

Влияние миграции на электоральные процессы в Кыргызстане имеет как позитивные, так и негативные последствия. Миграционные потоки изменяют политическую карту страны, в частности, распределение голосов на выборах. Мигранты, особенно те, кто перемещается из сельских районов в крупные города, включая столицу Бишкек, становятся значимой частью электоральных процессов. Важными аспектами, которые влияют на политическую ситуацию, являются манипуляции с миграционными регистрациями, отсутствие эффективных механизмов учета мигрантов и слабая политическая вовлеченность части мигрантов.

Миграция в Кыргызстане традиционно направлена в столицу и крупные города, что, в свою очередь, изменяет соотношение голосов на выборах. Мигранты, особенно из сельских районов, часто не учитываются в существующих избирательных системах, что создает пробелы в политическом представлении. Исследования показывают, что внутренние миграционные потоки способствуют перераспределению политической поддержки, поскольку мигранты из различных регионов могут изменять электоральные предпочтения в крупных городах. Так, согласно статье Эгембердиева «Миграция населения Кыргызстана» [16], мигранты из сельских районов оказываются в более выгодном положении на выборах, поскольку их более активная политическая позиция влияет на исход выборов в городах, где сосредоточены важные политические силы.

В 2020 г. в г. Оше было зафиксировано массовое прописывание граждан по одному адресу – до 1 300 человек в одном доме. Заместитель председателя Государственной регистрационной службы Тилек Батырканов сообщил, что такие случаи связаны с попытками политических партий повлиять на результаты выборов. Депутаты парламента выразили обеспокоенность тем, что граждане,

особенно из сельской местности, могут быть обмануты и использованы в политических целях¹⁸.

Форма № 2, позволяющая избирателям голосовать по месту фактического проживания, также стала инструментом для манипуляций. В некоторых случаях избиратели регистрировались по этой форме без прохождения биометрической идентификации, что является нарушением законодательства. Такие действия создают риски для прозрачности и легитимности избирательного процесса¹⁹.

Манипуляции с миграционными регистрациями остаются серьезной проблемой в электоральной политике Кыргызстана. Массовая прописка избирателей по одному адресу и нарушения при использовании формы № 2 подрывают доверие к избирательной системе и требуют принятия мер для обеспечения прозрачности и законности выборов²⁰.

Миграция населения оказывает значительное влияние на электоральные процессы в Кыргызстане. Внутренняя миграция и отсутствие эффективной системы учета мигрантов создают риски для честности выборов, а также влияют на перераспределение политических сил в стране. Необходимо разработать более эффективные механизмы учета мигрантов, а также учитывать их политическую активность для обеспечения справедливых и прозрачных выборов.

Государственная миграционная политика: достижения и проблемы

В Кыргызстане действует ряд нормативных актов и стратегических документов, регулирующих миграционные процессы. Однако миграционная политика часто носит фрагментарный характер и слабо учитывает политические последствия миграции. Необходимо усиление координации между государственными структурами, развитие институтов интеграции и адаптации мигрантов, а также мониторинг политической активности мигрантов.

Государственная миграционная политика Кыргызской Республики представляет собой совокупность мер, направленных на регулирование миграционных процессов, обеспечение прав мигрантов и содействие их интеграции в общество. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы и институциональных структур, реализация миграционной политики сталкивается с рядом проблем, требующих комплексного подхода и межведомственной координации.

Основу миграционной политики Кыргызстана составляют Конституция Кыргызской Республики, Закон «О внешней миграции» (2000 г.), а также ряд

18 Больше тысячи человек по одному адресу. Расследуются предвыборные «аномалии» URL: https://rus.azattyk.org/a/rassledovanie-faktov-massovoy-registracii-v-kyrgyzstane/30440737.html?utm_source=chatgpt.com.

19 IWPR Kyrgyzstan: Выборы в Кыргызстане: Применение админресурса и подкуп останутся безнаказанными. URL: https://cabar.asia/ru/iwpr-kyrgyzstan-vybory-v-kyrgyzstane-primenenie-adminresursa-i-podkup-ostanutsya-beznakazannymi?utm_source=chatgpt.com.

20 Там же.

подзаконных актов и стратегических документов. В частности, в 2013 г. была утверждена Концепция миграционной политики Кыргызской Республики, направленная на создание эффективной системы управления миграционными процессами, защиту прав мигрантов и содействие их социальной интеграции. Однако, как отмечается в исследовании М.А.Мамырканова и А.Б.Элебаевой, реализация данной концепции сталкивается с трудностями, связанными с недостаточной координацией между государственными органами и ограниченными ресурсами [11].

Институциональную основу миграционной политики составляют Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики, Министерство труда, социального обеспечения и миграции, а также другие профильные ведомства. Тем не менее отсутствие четкого распределения полномочий и механизмов взаимодействия между ними приводит к дублированию функций и снижению эффективности управления миграционными процессами [11].

Одной из ключевых проблем реализации миграционной политики являются фрагментарность миграционной политики и отсутствие комплексного подхода к управлению миграционными процессами. Как отмечает М.З.Ташиева, миграционная политика в Кыргызстане часто носит реактивный характер и не учитывает в полной мере социальные и политические последствия миграции [14, с. 354].

Кроме того, недостаточное внимание уделяется вопросам интеграции и адаптации мигрантов. Внутренние мигранты, особенно прибывающие в крупные города с юга страны, сталкиваются с трудностями в доступе к жилью, образованию и медицинским услугам. Отсутствие целенаправленных программ по социальной интеграции мигрантов способствует их маргинализации и может привести к росту социальной напряженности.

Еще одной проблемой является отсутствие системного мониторинга политической активности мигрантов. Миграционные процессы оказывают влияние на политическую ситуацию в стране, включая электоральные процессы и формирование общественного мнения. Однако в настоящее время отсутствуют механизмы учета и анализа политической активности мигрантов, что затрудняет выработку адекватных политических решений.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что миграционные процессы в Кыргызской Республике оказывают многоаспектное влияние на политическую сферу страны, что соответствует выводам предыдущих исследований [1; 16]. В условиях глобализации и внутренней трансформации Кыргызстан столкнулся с комплексом вызовов, связанных как с внешней трудовой миграцией, так и с масштабной внутренней мобильностью населения.

Прежде всего, внешняя миграция оказывает двойственное воздействие на политическую стабильность. С одной стороны, денежные переводы трудовых

мигрантов поддерживают экономическую устойчивость страны, способствуя снижению социальной напряженности. С другой стороны, массовый отток населения трудоспособного возраста ослабляет гражданское участие и формирует электоральные дисбалансы, что подтверждается случаями массовой регистрации избирателей по одному адресу²¹ и манипуляций на выборах²². Данный феномен требует дальнейшего регулирования со стороны государства с целью обеспечения честности и прозрачности избирательного процесса.

Внутренняя миграция также вносит значительные коррективы в политическую динамику. Массовый приток населения из сельских регионов в Бишкек и другие крупные города изменяет электоральную карту страны, усиливая влияние новых мигрантов на результаты выборов. При этом внутренние мигранты часто становятся участниками социальных протестов, что связано с их уязвимым положением и ограниченным доступом к социальным услугам [15]. Это создает предпосылки для роста социальной напряженности и политической мобилизации на этнической или региональной основе.

Кроме того, межэтнические отношения в контексте миграции остаются чувствительной темой. Перемещение этнических групп внутри страны усиливает конкуренцию за ресурсы и рабочие места, что в условиях слабых институтов может перерасти в открытые конфликты, как это уже происходило в кыргызской истории [14]. Таким образом, миграция выступает не только как экономический, но и как важнейший политический фактор.

Государственная миграционная политика на сегодняшний день находится на этапе пересмотра. Несмотря на наличие разработанной Концепции миграционной политики [11], ее реализация сталкивается с рядом трудностей, связанных с институциональной слабостью и недостаточной координацией между государственными органами. На этом фоне назрела необходимость разработки комплексных механизмов регулирования миграционных потоков, которые учитывали бы как национальные интересы, так и региональную специфику Центральной Азии.

Особого внимания требует интеграция мигрантов – как внешних, так и внутренних – в политическую и социальную жизнь страны. Повышение уровня их политического участия и социальной защищенности способствовало бы укреплению политической стабильности и социальной устойчивости, что согласуется с рекомендациями современных исследований [18].

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что миграционные процессы следует рассматривать не только как демографический и экономический феномен, но и как ключевой фактор политической стабильности

²¹ Больше тысячи человек по одному адресу. Расследуются предвыборные «аномалии» URL: https://rus.azattyk.org/a/rassledovanie-faktov-massovoy-registracii-v-kyrgyzstane/30440737.html?utm_source=chatgpt.com.

²² IWPR Кыргызстан: Выборы в Кыргызстане: Применение админресурса и подкуп останутся безнаказанными. URL: https://cabar.asia/ru/iwpr-kyrgyzstan-vybory-v-kyrgyzstane-primenenie-adminresursa-i-podkup-ostanutsya-beznakazannymi?utm_source=chatgpt.com.

и развития Кыргызской Республики. Решение миграционных вызовов требует системного подхода, сочетающего эффективное государственное регулирование, развитие институтов демократии и учет этносоциальных особенностей общества.

Выводы

Миграционные процессы в Кыргызской Республике имеют ярко выраженное политическое измерение, которое требует системного анализа и учета при формировании государственной политики. Современные вызовы – усиление миграции, изменение электоральной структуры, рост напряженности в городах – требуют:

- разработки целостной и долгосрочной миграционной стратегии;
- усиления контроля над регистрацией и учетом внутренней миграции;
- обеспечения политических прав трудовых мигрантов за рубежом;
- профилактики социальных и этнических конфликтов на миграционной почве;
- повышения прозрачности избирательных процессов в условиях миграционной мобильности.

Эффективная миграционная политика должна быть не только социальной и экономической, но и политической по своей сути – способной укреплять национальную безопасность, гражданскую идентичность и устойчивость государства.

Для повышения эффективности миграционной политики Кыргызской Республики необходимо:

Разработать комплексную стратегию управления миграционными процессами, учитывающую социальные, экономические и политические аспекты миграции.

Укрепить институциональные механизмы координации между государственными органами, ответственными за миграционную политику.

Разработать и внедрить программы по социальной интеграции и адаптации мигрантов, включая меры по обеспечению доступа к жилью, образованию и медицинским услугам.

Создать систему мониторинга и анализа политической активности мигрантов для учета их влияния на политические процессы в стране.

Таким образом, совершенствование миграционной политики требует комплексного подхода, основанного на межведомственной координации, научном анализе и учете интересов всех участников миграционных процессов.

Список литературы

1. Абжамилова А.Ш., Давлетшина Е.М. Трудовая миграция как инструмент устойчивого социально-экономического развития Кыргызстана [Labor Migration as a Tool for Sustainable Socio-Economic Development of Kyrgyzstan] // Вестник Вологодского государственного университета. 2024. № 2. С. 384–394. https://doi.org/10.52754/16948610_2024_2_38.

2. Богомбаева Н.Э. Теоретико-методологические аспекты влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие: на материалах Кыргызской Республики [Theoretical and Methodological Aspects of the Influence of Migration Processes on Socio-Economic Development: Based on the Materials of the Kyrgyz Republic]: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.01. Бишкек, 2011. 25 с.
3. Бурейко Н.Н. Международная миграция как предмет междисциплинарного исследования [International Migration as a Subject of Interdisciplinary Research] // Studia Humanitatis, 2014. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/bureyko-nn-mezhdunarodnaya-migraciya-kak-predmet-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya>.
4. Внутренние мигранты едут в Бишкек [Internal Migrants Go to Bishkek] // Demoscope Weekly. 2011. № 481. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema05.php>.
5. Гарбузарова Е.Г. Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии [Central Asian States in the International Rankings of Democracy Development] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 379–393. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-379-393>.
6. Зайончковская Ж., Молодикова И., Мукомель В. Методология и методы изучения миграционных процессов [Methodology and Methods of Studying Migration Processes]. Москва: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
7. Кадыркулова Ж.К. Трудовая миграция в Кыргызстане [Labor Migration in Kyrgyzstan] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 186–189.
8. Кемелдинова Ж.М., Алыбаев Ж.Б. Трудовая миграция в Кыргызской Республике [Labor Migration in the Kyrgyz Republic] // Глобальные вызовы демографическому развитию. Сборник научных статей. В 2-х томах. Екатеринбург: Издательство Института экономики Уральского отделения РАН, 2022. Т. I. С. 376–381. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-8>.
9. Кумсков Г.В. Особенности реализации миграционных процессов в Кыргызстане [Features of the Implementation of Migration Processes in Kyrgyzstan] // Демографическое развитие: вызовы глобализации. Материалы международной конференции. Седьмые Валентеевские чтения. Москва: Макс Пресс, 2012. С. 56–63.
10. Мальшева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии [Political Processes in Post-Soviet Central Asia] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 36–52.
11. Мамырканов М.А., Элебаева А.Б. Разработка Концепции миграционной политики Кыргызской Республики [Development of the Concept of Migration Policy of the Kyrgyz Republic]. Бишкек: НИСИ КР, 2013. 94 с.
12. Прудникова Т.А. Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (на примере России и государств-членов Европейского Союза) [Theoretical, Methodological and Legal Foundations for Regulating Migration Processes]: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 142 с.
13. Сердюков К.Н. Междисциплинарная теоретико-методологическая база исследования миграционных процессов [Interdisciplinary Theoretical and Methodological Basis for the Study of Migration Processes] // Теория и практика общественного развития. 2022. № 5. С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/ti-por.2022.5.3>.
14. Ташиева М.З. Межэтнические (межнациональные) конфликты в Кыргызской Республике [Inter-Ethnic (Inter-National) Conflicts in the Kyrgyz Republic] // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 354–358.
15. Турдиев Т.И. Социально-эколого-экономические последствия трудовой миграции населения Кыргызстана [Socio-Ecological and Economic Consequences of Labor Migration in Kyrgyzstan] // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 11(458). С. 2166–2176. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.
16. Эгембердиева А.С. Миграция населения Кыргызстана [Migration of the Population of Kyrgyzstan] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8–2(59). С. 77–79. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-8-2-77-79>.
17. Эргешбаев У., Макыев С., Кутушева Н. Современные тенденции внешней трудовой миграции населения Кыргызстана [Contemporary Trends in External Labor Migration of the Population of Kyrgyzstan] // Вестник Ошского государственного университета. Экономика. 2024. № 2(5). С. 22–32. [https://doi.org/10.52754/16948734_2024_2\(5\)_3](https://doi.org/10.52754/16948734_2024_2(5)_3).
18. Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. London: Palgrave Macmillan, 2020. 414 p.

Информация об авторе

НУРАЛИЕВ Нурлан Акимбекович. Кандидат политических наук. И.о. доцента кафедры «Востоковедения» Международного университета Кыргызской Республики. <https://orcid.org/0009-0003-5749-8508>. Адрес: Кыргызская Республика, 720001, г. Бишкек, ул. Льва Толстого, 17А/1. erkinbek-68@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 мая 2025 г. Одобрена после рецензирования: 1 июля 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abzhamilova A.Sh., Davletshina E.M. Labor Migration as a Tool for Sustainable Socio-economic Development of Kyrgyzstan. Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vologda State University]. 2024; 2:384–394 [In Russian]. https://doi.org/10.52754/16948610_2024_2_38.
2. Bogombaeva N.E. Theoretical and Methodological Aspects of the Influence of Migration Processes on Socio-Economic Development: Based on the Materials of the Kyrgyz Republic: Abstract of Theses ... CandSc. (Econom.): 08.00.01. Bishkek, 2011:25 [In Russian].
3. Bureiko N.N. International Migration as a Subject of Interdisciplinary Research. Studia Humanitatis. 2014; 4 [In Russian]. Available from: <https://st-hum.ru/content/bureyko-nn-mezhdunarodnaya-migraciya-kak-predmet-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya>.
4. Internal Migrants Go to Bishkek. Demoscope Weekly. 2011; 481 [In Russian]. Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema05.php>.
5. Garbuzarova E.G. Central Asian States in the International Rankings of Democracy Development. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [RUDN Journal of Political Science]. 2021; 23(3):379–393 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-379-393>.
6. Zayonchkovskaya Zh., Molodikova I., Mukomel V. Methodology and Methods of Studying Migration Processes. Moscow: Centr migracionnyh issledovanij [Center for Migration Studies], 2007:370 [In Russian].
7. Kadyrkulova Zh.K. Labor Migration in Kyrgyzstan. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2018; 2:186–189 [In Russian].
8. Kemeldinova Zh.M., Alybaev Zh.B. Labor Migration in the Kyrgyz Republic. Global'nye vyzovy demograficheskomu razvitiyu [Global Challenges to Demographic Development]. Collection of scientific articles. In 2 vol. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Instituta ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN [Publishing House of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2022; 1:376–381 [In Russian]. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-8>.
9. Kumskov G.V. Features of the Implementation of Migration Processes in Kyrgyzstan. Demograficheskoe razvitiye: vyzovy globalizacii [Demographic development: challenges of globalization]. Materials of the international conference. Seventh Valente Readings. Moscow: Maks Press, 2012:56–63 [In Russian].

10. Malysheva D.B. Political Processes in Post-Soviet Central Asia. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2018; 11(3):36–52 [In Russian].
11. Mamyrganov M.A., Elebayeva A.B. Development of the Concept of Migration Policy of the Kyrgyz Republic. Bishkek: NISI KR, 2013:94 [In Russian].
12. Prudnikova T.A. Theoretical, Methodological and Legal Foundations for Regulating Migration Processes: Monograph. Moscow: Unity-Dana, 2015:142 [In Russian].
13. Serdyukov, K.N. Interdisciplinary Theoretical and Methodological Basis for the Study of Migration Processes. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. 2022; 5:24–28 [In Russian]. <https://doi.org/10.24158/ti-por.2022.5.3>.
14. Tashiev M.Z. Inter-Ethnic (Inter-National) Conflicts in the Kyrgyz Republic. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2012; 3:354–358 [In Russian].
15. Turdiev T.I. Socio-Ecological and Economic Consequences of Labor Migration in Kyrgyzstan. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economy: Theory and Practice]. 2018; 11(458):2166–2176 [In Russian]. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.
16. Egemberdieva A.S. Migration of the Population of Kyrgyzstan. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2021; 8–2(59):77–79 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-8-2-77-79>.
17. Ergeshbaev U., Makyev S., Kutysheva N. Contemporary Trends in External Labor Migration of the Population of Kyrgyzstan. Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of Osh State University. Economics]. 2024; 2(5):22–32 [In Russian]. [https://doi.org/10.52754/16948734_2024_2\(5\)_3](https://doi.org/10.52754/16948734_2024_2(5)_3).
18. Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. London: Palgrave Macmillan, 2020:414 [In English].

About the author

Nurlan A. NURALIEV. CandSc. (Polit.). Acting Associate Professor of the Department of Oriental Studies at International University of the Kyrgyz Republic. <https://orcid.org/0009-0003-5749-8508>. Address: 17A/1, Lva Tolstogo str., Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic. erkinbek-68@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 11, 2025. Approved after review: July 1, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружелюбного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (<https://www.russia-world.ru/jour/index>).

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р культурологии, профессор Т.Г.Бортникова

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом Perspèctum

г. Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 01.09.2025

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIER MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Cultural studies), Professor Tatiana G. Bortnikova

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House Perspèctum

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow Tel. +7 495 146 83 02

Signed in the press on 01.09.2025

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečhati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsck, Moscow oblast

Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

perspèctum

ЧЕЛОВЕК И МИР
ДИАЛОГ

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Оформление и дизайн этого выпуска журнала выполнены по мотивам творчества Александра Александровича Дейнеки (20.05.1899, Курск — 12.06.1969, Москва) — советского живописца, монументалиста, графика, скульптора, педагога.

Сочетание модернизма с новой тематикой — спорт, труд, материнство, индустриальный пейзаж, техника и другие мотивы — привело художника к созданию собственного уникального стиля, в котором соцреализм не отменял тонкой лирики и акварельных полутонов.

Дейнека всегда оставался в русле мирового художественного процесса. Его произведения регулярно экспонировались на Венецианской биеннале, а после представленного на выставке панно «Гражданская авиация» (было сделано для фабрики-кухни в Филях) его стали называть «художником авиации». В 1935 г. в США прошла персональная выставка художника, и по предложению редакции Vanity Fair он сделал одну из обложек журнала.

Авиация и спорт, которыми А.А.Дейнека был увлечен, стали темой его шедевров, вошедших в золотой фонд живописи, — «Будущие летчики», плакат «Физкультурница».

Именем художника названы астероид и Курская государственная картинная галерея.